

А. Ф. АРТЕМОВА

АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Спецкурс

А. Ф. АРТЕМОВА

АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Спецкурс

Учебное пособие

Издание второе, исправленное и дополненное

Москва «Высшая школа» 2009

УДК 811.111
ББК 81.2Англ
А86

Рецензент:
кафедра английского языка
Белгородского государственного университета
(зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова*)
кафедра английской филологии
Пятигорского государственного университета
(зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. *П.И. Шлейвис*)

Артемова А.Ф.

А86 Английская фразеология: Спецкурс. Учебное пособие / А.Ф. Артемова. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2009. — 208 с.

ISBN 978-5-06-005619-8

В пособии рассматриваются проблемы функционально-стилистической дифференциации фразеологических единиц английского языка, проблемы их значения, их прагматический потенциал, а также способы перевода на русский язык.

Для студентов старших курсов переводческих факультетов языковых вузов и университетов.

УДК 811.111
ББК 81.2Англ

Учебное издание

Артемова Анна Федоровна

АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Спецкурс

Редактор *В.П. Кочин*

Художественный редактор

Внешнее оформление *К.И. Мандель*

А.Ю. Войткевич

Компьютерная верстка *А.И. Мамаев*

Корректор *П.Г. Курячий*

Изд. № А-462. Подп. в печать 16.06.09. Формат 60x88 $\frac{1}{16}$. Бум. офсетная.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Объем 12,74 усл. п. л. 13,23 усл. кр.-отт.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1349.

ОАО «Издательство «Высшая школа»,
127994, Москва, Неглинная ул., д. 29/14, стр. 1.

Отдел реализации:

Тел. (495) 694-04-56

тел.: (495) 694-07-69, 694-31-47

<http://www.vshkola.ru>

факс: (495) 694-34-86

E-mail: info_vshkola@mail.ru

E-mail: sales_vshkola@mail.ru

Отпечатано в ООО «Великолукская городская типография».
182100, Псковская обл., г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12.

Тел./факс: (811-53) 3-62-95

E-mail: zakaz@veltip.ru

ISBN 978-5-06-005619-8

© ОАО «Издательство «Высшая школа», 2009

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства «Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым способом без согласия издательства запрещено.

Предисловие

Английская фразеология представляет значительную трудность для студентов, изучающих английский язык.

На языковых факультетах не уделяется достаточного внимания проблемам английской фразеологии, тогда как в настоящее время, когда фразеология выделилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину, необходимость ее изучения постоянно возрастает. Студент-филолог, будущий переводчик или учитель английского языка должны быть знакомы с предметом, основными понятиями и категориями этой дисциплины.

Хорошее владение английским языком невозможно без знания его фразеологии.

Как отмечал выдающийся отечественный фразеолог А. В. Кунин, «фразеология – это сокровищница языка», а фразеологизмы – «высокоинформативные единицы языка». Цель нашего пособия и состоит в том, чтобы познакомить студента с этим богатым наследием английского языка и культуры, заострить внимание изучающих язык на проблемах английской фразеологии, помочь им овладеть навыками анализа конкретного языкового материала.

Настоящая книга – первое учебное пособие по спецкурсу, в котором рассказано об английской фразеологии как научной дисциплине, непосредственно связанной с курсами лексикологии, стилистики, теории и практики перевода, с курсом межкультурной коммуникации.

Особый акцент в пособии делается на изучение различных способов перевода английских фразеологических единиц.

В основу пособия лег спецкурс английской фразеологии, читаемый автором на протяжении многих лет на переводческом факультете Пятигорского государственного лингвистического университета.

Книга включает шесть глав.

В **первой главе** фразеология рассматривается как лингвистическая дисциплина, приводятся работы и имена ученых, занимавшихся проблемами фразеологии и способствовавших выделению ее из курса лексикологии в самостоятельную дисциплину.

Вторая глава посвящена характеристике основных источников английских фразеологических единиц.

В **третьей главе** рассматриваются фразеологические единицы с точки зрения их принадлежности к тому или иному функциональному пласту и приводится их функционально-стилистическая классификация.

Центральной в книге является **четвертая глава**, посвященная изучению прагматического потенциала английских фразеологических единиц.

Пятая глава затрагивает вопросы перевода английских фразеологических единиц на русский язык.

Проблемам лексикографического описания английских идиом посвящена **глава 6**.

В конце глав прилагается список использованной и рекомендуемой литературы.

Завершают книгу вопросы и задания для самостоятельной работы студентов.

В заключение приводятся предназначенные для анализа и перевода образцы специально подобранных оригинальных английских текстов, насыщенных идиомами.

В качестве практического приложения к данному пособию можно порекомендовать книгу А.Ф. Артемовой, О.А. Леоновича «Идиомы английского языка. Сборник упражнений» (М.: Высшая школа, 2004).

Хотя английской фразеологии посвящено немало работ, далеко не все ее стороны исследованы в достаточной степени. Автор выражает надежду, что эта книга заинтересует читателей и побудит их к более глубокому изучению фразеологии англоговорящих стран.

В работе над этой книгой автору весьма полезны были замечания и предложения рецензентов и коллег по кафедре теории и практики перевода Пятигорского государственного лингвистического университета, которым автор выражает свою глубокую признательность.

А.Ф. Артемова

Глава I

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Фразеологические единицы (ФЕ) являются неотъемлемой частью языка. Выражения, которые традиционно передаются из поколения в поколение, с давних пор привлекали внимание филологов. В словарях и сборниках фиксировались и пояснялись, главным образом в стилистических целях, «ходячие выражения», смысл которых обычно не вытекал из значения слов, составляющих эти выражения, но которые, тем не менее, являлись меткими, эмоционально-образными средствами выражения мысли.

Термин «фразеология» в буквальном смысле означает «учение об оборотах речи» (*греч.* *phrasis* «оборот, выражение», *logos* «понятие, учение»). Такое многозначное по сути дела содержание термина «фразеология» сохранилось и до наших дней. Этот термин употребляется для названия раздела лингвистики, изучающего все фразеологические обороты безотносительно к характеру их грамматического строения и значения.

История фразеологии как лингвистической дисциплины в отечественном языкознании восходит к трудам М. В. Ломоносова. Известно, что он собрал целый ряд пословиц, кроме того, он считал, что «фразесы и идиоматизмы» должны помещаться в словарях.

У истоков фразеологии стоят и такие отечественные лингвисты, как Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, М. М. Покровский, А. А. Потехня, Е. Д. Поливанов и др. В своих трудах они анализировали семантические и грамматические особенности устойчивых сочетаний слов, высказывали мысли о природе этой устойчивости и воспроизводимости.

Академик Ф. И. Буслаев, исследуя, как отголоски первобытно-образного мышления отразились на сочетаемости слов, в частности на составе «известных обычных выражений» (пословиц, библейских афоризмов, обычных уподоблений, ходящих в устах народа в

виде поговорок), отмечал, что значение таких «обычных выражений» (своеобразных микромифов) содержит в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» (Буслаев, 1863). Ф. Буслаевым отмечены следующие свойства «обычных выражений»: их надо запоминать, они могут не соответствовать правилам грамматики или риторики, им присуща стабильность формы, что не исключает ее видоизменения при условии сохранения смысловой цельности, которая является ведущим признаком и может поддерживаться наличием архаизмов и ритмико-мелодической организацией.

Вопрос о знаковом характере фразеологических оборотов впервые был поставлен и решен в психологическом аспекте А. А. Потебней. Сочетая понятие системы языка с понятием общего смыслового контекста речи, А. А. Потебня увидел условия воспроизводимости ходячих выражений в их внутренней форме, которая обладает огромной жизненной силой, так как является «постоянным сказуемым при переменчивых подлежащих». Это «сгущение мысли» создает и сохраняет поэтический образ, который и «дает нам только возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» (Потебня, 1894: 103). Трудно переоценить тот вклад, который внес А. А. Потебня в историческое описание фразеологических оборотов, в познание закономерностей их образования как знаков языка.

Академик Ф. Ф. Фортунатов и его школа поставили проблему изучения устойчивых выражений с точки зрения семантических и грамматических признаков их компонентов. На основе семантических признаков школа Ф. Ф. Фортунатова должна была признать фразеологические обороты словами, а на основе формальных – словосочетаниями (за исключением полностью неизменяемых наречных выражений), т. е. в конечном счете какой-то промежуточной категорией. В последние годы уделяется большое внимание изучению природы, характера ФЕ, их места в системе языка.

Особого внимания заслуживает вклад, который внес И. Е. Аничков в разработку теоретических основ фразеологии. В основе его теории лежит идея о иерархичности лингвистических наук. Главной задачей идиоматики он считал создание классификации словосочетаний по их внутренней («частеречной») структуре, по их внешним синтаксическим функциям и по их значениям. Он считал идиоматику неким универсальным признаком: «Любой участок речевого потока

имеет свою идиоматику, как он имеет свою фонетику, морфологию, синтаксис и семантику» (Аничков, 1937:10). Но И. Е. Аничков также не исключал возможности классификации сочетаний по степени идиоматичности. Из всего многообразия идиом он выделял два класса фразеологизированных сочетаний («идиоматизмов»). Первый из них, по существу, совпадал с классом фразеологических серий, предложенных Ш. Балли, и с классом фразеологических сочетаний В. В. Виноградова.

Известные работы академика В. В. Виноградова положили начало широкому исследованию, вызвав интерес у отечественных филологов к этому лингвистическому объекту. Именно русские ученые открыли устойчивые сочетания слов, отметили их закреплённость в языке благодаря многократному повторению и устойчивости лексического состава и порядка слов, установили наличие изменяемых и неизменяемых сочетаний слов, заметили различие между сочетанием и сложным словом. Эти плодотворные работы, хотя и носили эскизный характер, содержали много глубоких мыслей, указавших путь позднейшим исследованиям.

Современную теорию фразеологии разрабатывают несколько групп исследователей. Необходимо отметить, что в области исследования фразеологии зарубежное языкознание отстает от отечественного. Достаточно сказать, что в английской и американской лингвистике нет даже обозначения подобного раздела науки о языке. Большинство из зарубежных лингвистов, занимаясь проблемой фразеологии, останавливаются лишь на составлении словарей и списков идиом, но без их классификации и анализа. При этом термин «идиома» не уточняется и понимается очень широко. Под идиомами в данном случае понимается особое употребление некоторых слов, а также особые выражения и обороты, которые, благодаря долгому употреблению в языке, стали застывшими стереотипными выражениями.

Подход отечественных исследователей к данной проблеме различается методом исследования, а иногда и фразеологической концепцией. На современном этапе разнообразие подходов к основным проблемам фразеологии — органически необходимое явление, обогащающее научный процесс.

Как самостоятельный раздел лексикологии, фразеология впервые была выделена Ш. Балли. Он заложил основы синхронической фразеологии, именно поэтому концепция Ш. Балли представляет собой бесспорный интерес и в настоящее время.

К середине 60-х г.г. XX в., благодаря исследованиям отечественных и зарубежных ученых, очерчиваются основные контуры фразеологии как самостоятельной дисциплины, появляется целая плеяда последователей В. В. Виноградова, куда входят такие выдающиеся ученые, как В. Л. Архангельский, В. П. Жуков, А. В. Кунин, Л. И. Ройзензон, А. И. Смирницкий, И. И. Чернышова, Н. М. Шанский и др.

Плодотворность этого классического для фразеологии периода велика и несомненна. Но уже в это время стали обнаруживаться расхождения во мнениях относительно типологии фразеологизмов, объема фразеологии, методов исследования. Этому во многом способствовала проблематичность выдвинутых В. В. Виноградовым постулатов.

По мнению В. Н. Телии, основным противоречием концепции В. В. Виноградова является концепция связанного значения, поскольку, с одной стороны, данное значений выделено на основе былых употреблений, т.е. номинативных процессов, а, с другой стороны, предлагается рассматривать его в рамках узуса и описывать на основе образуемых им серий (Телия, 1996:17).

Если классический период развития фразеологии знаменуется стремлением сохранить основные положения, высказанные В. В. Виноградовым, то постклассический — стремлением освоить новые методы и описать фразеологический состав либо только как систему всех его единиц (на основе признаков идиоматичности и воспроизводимости), либо описать этот состав как подсистему лексико-фразеологической системы языка.

Выделение фразеологии в отдельную подсистему языка чрезвычайно важно. Разделяя точку зрения многих лингвистов на понимание фразеологии как особой подсистемы (В. В. Виноградов, Ю. Ю. Авилиани, И. И. Чернышева, Л. А. Ройзензон, А. Д. Райхштейн и др.) или как особого фразеологического уровня (В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, Р. Н. Попов и др.), мы исходим из следующих характерных для языковых подсистем положений, уже нашедших признание в языкознании.

1. Выделяемая подсистема характеризуется определенным набором признаков, любой из которых может принимать те или иные значения, и как сами признаки, так и диапазон их значений могут быть специфичными для данной подсистемы.

2. Отношение признаков и их значений в подсистеме может быть представлено в матричной форме или в виде модели в n -мерном пространстве (где n равняется количеству признаков, характеризующих данную подсистему). Налагая те или иные ограничения на

сами признаки или их значения, можно вычленять внутри данной подсистемы всевозможные более мелкие подсистемы (которые могут находиться между собой в различных отношениях).

Фразеологическая подсистема обладает своей спецификой. Она выделяется из лексической подсистемы как по происхождению своих единиц, так и по другим своим характеристикам.

Если исходить из общих характеристик элементов и связей разных систем (или подсистем) языка, то с точки зрения нижележащего уровня фразеологическая единица конституируется единицами этого уровня, т.е. словами, интегрирует их, а с точки зрения вышележащего уровня сама ФЕ является конституентом предложения, выполняя ту же роль, что и слово (Бенвенист, 1974). Предложение непосредственно интегрирует ФЕ в своем составе, в то время как переменное словосочетание не является непосредственным конституентом предложения — оно вводит в предложение слова. Переменное словосочетание стоит между словом и предложением и помогает слову стать конституентом предложения, ФЕ же входит в предложение в «готовом виде».

Следовательно, если предположить, что фразеологическая подсистема существует фактически и выделяется лингвистически, то фразеологию можно отнести к такой подсистеме языка, единицы которой расположены между лексемами и предложениями и которая обладает всеми структурными признаками других подсистем (уровней) языка. Фразеология — многоаспектная лингвистическая дисциплина, при исследовании которой используются самые разнообразные лингвистические методы. Теория фразеологии — одна из наиболее сложных лингвистических теорий, так как фразеология возникла и развивается на стыке таких отраслей языкознания, как лексикология и семасиология, синтаксис и морфология, стилистика, социолингвистика и психолингвистика. Это и является причиной некоторых разногласий среди видных отечественных ученых по вопросам теории фразеологии.

Основания для выделения и право на существование фразеологии наряду с другими лингвистическими дисциплинами предопределяется объективными факторами. Фразеологизм — такое же объективное явление в языке, как и слово. Состав таких выражений в целом устойчив, един, как устойчив и един состав слов. Фразеологизмы были и есть в языке, они отмечаются на протяжении всей истории языка; о чем свидетельствуют и древние памятники письменности, и произведения литературы нового времени.

В последние годы большинство отечественных лингвистов пришло к убеждению, что фразеология — самостоятельная лингвистическая дисциплина. Дальнейшее развитие фразеологии шагнуло далеко вперед благодаря таким ученым в области фразеологии как В. Л. Архангельский, В. П. Жуков, Л. И. Ройзензон, Н. М. Шанский, С. Г. Гаврин, В. Н. Телия (русский язык). В области английской фразеологии — Н. Н. Амосова, А. Н. Смирницкий, А. В. Кунин. В области немецкой фразеологии — И. И. Чернышева, М. Д. Степанова, Д. О. Добровольский и др.

В настоящее время бурно развивается фразеологическая теория, ведутся фразеологические исследования на материале различных языков. Фразеологическая теория английского языка была разработана А. В. Куниным в его докторской диссертации «Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря».

В рамках своей фразеологической теории А. В. Кунин определил предмет фразеологии и предложил метод фразеологической идентификации, что было исключительно важным не только в теоретическом, но и в практическом отношении, поскольку были определены научные принципы отбора единиц фразеологического словаря. Важным аспектом в рассмотрении основных путей становления фразеологизмов было также создание структурно-семантической классификации ФЕ. Основой фразеологической теории А. В. Кунина является разработка понятия устойчивости ФЕ — основного их свойства, которое во всех предшествующих теориях определялось как воспроизводимость в готовом виде. А. В. Кунин показал, что устойчивость ФЕ — явление комплексное, включающее в себя различные виды устойчивости на различных уровнях. А. В. Кунин выделил также окказиональные раздельнооформленные ФЕ, что послужило основой разработки целого направления в английской фразеологии — изучение стилистического использования фразеологизмов (т.е. одного из разделов фразеологической стилистики) (Кунин, 1970, 1986).

В настоящее время можно выделить два общих направления в исследовании фразеологии, непосредственно касающихся вопросов качественной характеристики ФЕ и определения состава таких единиц в языке.

Исходной точкой первого направления является признание того, что фразеологизм — это такая единица языка, которая состоит из слов, т.е. по природе своей — словосочетание.

В этом направлении проблема определения объекта исследования фразеологии решается в зависимости от того, расценивается ли как фразеологизм всякое реальное словосочетание или только некоторые словосочетания классифицируются как фразеологизмы.

Исходной точкой второго направления является утверждение, что фразеологизм — это не словосочетание (ни по форме, ни по содержанию), т.е. такая единица, которая состоит не из слов. По словам И. С. Торопцева, составные части фразеологизма не должны отождествляться со словами.

Если слово как лексическая единица реально существует в языке и в речи только в единстве формы и содержания, то слов в таком понимании в составе фразеологизмов нет.

Объектом фразеологии — научной дисциплины в ряду других лингвистических дисциплин — являются выражения, которые лишь генетически, т.е. по своему происхождению суть словосочетания.

По мнению Б. П. Ларина (Ларин, 1956), они разложимы лишь этимологически, т.е. вне системы современного языка в историческом плане. Эти выражения противопоставляются словосочетаниям, они категориально, по совокупности своих признаков, качественно нечто совсем особое, вычленяемое из сочетания слов. Поэтому речь может идти не о переосмыслении отдельных слов, не о частичном или полном переосмыслении словосочетания, а о таком качественном его преобразовании, при котором на основе реально возможного конкретного словосочетания возникает особая единица языка — фразеологизм.

Словосочетание, становясь фразеологизмом, утрачивает признаки словосочетания, переходит в особую единицу, с иными, чем у словосочетания, признаками. **Фразеологизм вычленяется в самостоятельную единицу языка.**

Изучение фразеологии обогащает языкознание, вносит существенные коррективы в наши представления о языке как системе и о механизме речевой деятельности.

Фразеология вносит существенный вклад в исследования закономерных отношений между формой и содержанием в языке на различных уровнях, между номинацией и коммуникацией и их соотношением с определенными языковыми структурами или конструкциями. Фразеологические явления вторгаются в строгую иерархию языковых уровней, нарушают регулярный автоматизм взаимодействия некоторых из них, оказывают влияние на историческое движение словарного состава.

В настоящей работе не делается обзор различных фразеологических концепций, в ней также не ставится задача определить границы фразеологии. Понятие «фразеология» трактуется как включающее в себя совокупность устойчивых сочетаний слов того или иного языка с полностью или частичным переосмысленным значением. Представляется целесообразным придерживаться определенной фразеологической единицы и фразеологии в целом, данных А. В. Куниным: «Фразеологическая единица – это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением». «Фразеология – лингвистическая дисциплина, изучающая фразеологические единицы и фразеологический состав языка». Таким образом, фразеологию можно рассматривать как микросистему, входящую в общую систему языка. А. В. Кунин рассматривает фразеологическую микросистему, как состоящую из двух подсистем – подсистемы отношений и подсистемы построения.

Фразеологический состав языка носит системный характер, он не является простой суммой изолированных друг от друга фразеологизмов. Фразеологическая же единица – это элемент фразеологической системы, которой свойственны определенные закономерности, т.к. она является упорядоченной множественностью. Понимая под системой взаимосвязанное расположение элементов языка и отношения между ними, можно заключить, что фразеологическую систему создают набор ФЕ, закономерности их образования, внутренние свойства и отношения между компонентами, отношения ФЕ к единицам других уровней, специфика их значения. И хотя смысловая структура фразеологизмов так или иначе связана со смысловой структурой слова, фразеологизм в семантико-функциональном плане только аналогичен слову и не является, строго говоря, его эмоционально-экспрессивным синонимом.

В связи с этим, в 70-х гг. XX в. возникла и активно разрабатывается новая теория – теория фразеологической номинации, явившаяся значительным шагом вперед в разработке теоретических вопросов науки фразеологии (Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак, А. М. Эмирова).

Фразеологизм как сложное, порой противоречивое, явление в силу диффузности значения занимает в структуре языка особое место. Фразеологическая единица – особый лингвистический знак, качественно отличный от других. Понятие фразеологического значения основано на совокупности особенностей семантической структуры ФЕ. Перефразируя известное изречение В. Гумбольдта о

языках, можно сказать, что образование фразеологических единиц есть синтетический процесс в самом точном значении этого слова, когда синтез создает нечто такое, чего не было ни в одной из соединившихся частей. Поэтому фразеологическое значение – явление более сложное, чем лексическое значение, оно «есть значение комбинаторное в том смысле, что оно по-разному детерминируется значениями компонентов ФЕ, взятых на семантическом уровне» (Архангельский, 1978). В настоящее время различие фразеологического и лексического значений признается всеми фразеологами.

Однако отличие фразеологии от лексики не следует преувеличивать. Нужно помнить всегда об их тесном родстве и относительной детерминированности. В основе специфики фразеологической семантики лежит тот факт, что фразеологические единицы всегда представляют собой образования вторичной номинации. Функционируя в языке, они отражают не фрагмент действительности, названный компонентами фразеологической единицы, а выражают понятие о другом явлении реального мира, которое и называется денотатом ФЕ. При этом понятие «денотативное значение» возникает в результате вторичной экстралингвистической направленности, т.е. переноса названия с одной ситуации на другую.

На современном этапе исследование фразеологии возможно также с использованием категорий когнитивной семантики – знаний различных типов, концептуальных структур и семантических сетей.

Понятие когнитивной структуры фразеологического значения вытекает из положения психолингвистики о том, что между структурой предметной ситуации и семантической структурой высказывания находится когнитивная структура ситуации. Понятие когнитивной структуры фразеологического значения связано с процессом познания как высшей формы отражения объективной действительности, что предполагает не только воздействие на субъект извне, но и активное действие самого субъекта, его творческую активность, которая проявляется в избирательности и целенаправленности восприятия, в отвлечении от одних предметов, свойств и отношений и фиксации других, в превращении чувственного образа в логическую мысль, в оперировании понятиями.

Вновь возросший интерес к проблеме связи языка, мышления и действительности влечет за собой более глубокое понимание роли человеческого фактора в языке, т.к. языковая техника призвана обеспечивать реализацию мыслительно-коммуникативных потребностей и намерений человека. В настоящее время человеческий фак-

тор является центральным понятием функционального языкознания.

Фразеологические единицы входят в сферу «человеческой семантики», все их значения ориентированы на человека и отражают взаимодействие человека и мира, которое проявляется как в чувственном восприятии, так и в оценочном отношении человека к действительности. Исследуя фразеологические единицы, можно проследить всю историю человеческого общества, а также сопоставить своеобразие эволюции двух (или более) отдельно взятых сообществ. Тенденция к сотрудничеству и консолидации между представителями различных наций, возникшая в последние годы, заставляет людей обращаться к истории, традициям, культуре друг друга, пристальнее вглядываться в своеобразие менталитета или миропонимания той или иной нации. Перечисленные факторы определяют необходимость исследования единиц фразеологического характера на основе лингвокультурологического подхода.

В связи с изменением деятельности человека изменяется картина мира, появляются новые «фрагменты», которые находят отражение в языке и конкретно во фразеологии, так как фразеологические единицы тесно связаны с жизнью народа, с его традициями и обычаями, с его деятельностью, развитием техники, культуры, науки, средств массовой информации и т.д.

Между картиной мира, как отражением реального мира, и языковой картой, как фиксацией этого отражения, существуют сложные отношения. Фразеологические единицы — «коллективная память» носителей языка, «памятник культуры», «зеркало жизни нации». В центре внимания фразеологической единицы стоит человек, но не как абстрактное понятие, а как личность, которая живет в определенной среде, занимает определенное положение в обществе, входит в контакт с другими индивидуумами.

Фразеологический состав языка наиболее отчетливо показывает специфику языкового мышления народа и особенности его культуры. Природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями говорящих, с практическим опытом человека, с культурно-историческими традициями говорящих на данном языке, с мифологией. Этот тип значения является наиболее специфическим в речевой деятельности. Во фразеологических единицах, как знаках вторичной номинации, всегда имеет место взаимодействие четырех компонентов: действительности — понятийно-языковой формы ее отражения — переосмысливаемого значения языко-

вой формы, опосредующего отнесенность нового смысла к действительности, — языковой формы в ее вторичной функции наречения (Телия, 1981).

Таким образом, во фразеологических единицах взаимоотношение мышления, действительности и языка предстает в сложном и многоаспектном взаимодействии.

Человеческое сознание стремится не только к объективному отражению мира, для него характерна и кваликативно-оценочная деятельность, которая связана с прагматическим фактором в самом широком смысле. Фразеологические единицы создаются не только и не столько для описания существующего в реальном мире, сколько для отражения положительного или отрицательного отношения номинатора к объекту. В них соединяются сведения о мире и об отношении субъекта речи к обозначаемому, что является поводом для эмотивного восприятия обозначаемого. Отсюда и назначение фразеологизма не просто называть, а, называя, характеризовать объект реальной действительности.

Понятие признаковости заложено в самой семантике фразеологических единиц и находит свое отражение в их назначении квалифицировать субъект предложения с точки зрения его действия, состояния, положения, отношений в обществе, социальной среде, характеристики его качеств и т.д. В значении ФЕ отражаются процессы, связанные с чувственным восприятием человеческой психики.

Область признаковых значений велика и многообразна. Они могут обозначать «физические признаки предмета, пространственную ориентацию, социальную активность человека, его физические ощущения, его речевое поведение, его душевное состояние, психическую структуру и эмоциональные реакции человека и многое другое» (Арутюнова, 1988). Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности, справедливо отмечает Ю. Н. Караулов.

Фразеологические единицы приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, они подразумевают целую дескриптивную ситуацию в картине мира, которая оценивается в них признаком «хорошо/плохо». Таким образом, в основе концептов, определяющих оценочные смыслы во фразеологизмах, лежит ценностная картина мира, в результате чего фразеологические единицы, относящиеся к сфере человека, имеют оценочные коннотации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. — М., 1988.
2. Аничков И. Е. Идиоматика и семантика // НЛ — вып. 4. — М.: Радуга, 1965.
3. Аничков И. Е. Идиоматика и семантика // ВЯ. — 1992 — № 5. — С. 136—150.
4. Архангельский В. Л. Семантика фраземного знака // Проблемы русской фразеологии. — Тула, 1978.
5. Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961.
6. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // НЛ — вып. 4. — М.: Радуга, 1965.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
8. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М., 1863.
9. Кунин А. В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря / ДД. — М., 1964.
10. Кунин А. В. Английская фразеология. — М., 1970.
11. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — М., 1986.
12. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии: О систематизации и методах исследования фразеологических материалов // Уч. зап. ЛГУ. — Т. 198, вып. 24. — Л., 1956.
13. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. — Харьков, 1894.
14. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. — М., 1981.
15. Телия В. Н. Русская фразеология // Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.

Глава II

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Всем известно, что многие слова приобретают метафорические значения; то же относится и к словосочетаниям. В английском языке много выражений получило переносное значение и употребляется при описании действий или обстоятельств, более или менее аналогичных тем, которые вызвали их к жизни. Образные идиомы создаются повседневно. Одни возникают и употребляются в семейном кругу, другие — в определенной социальной среде; через некоторое время они исчезают. Из тысяч лишь немногие остаются в языке, входят во всеобщее употребление. Нередко прежнее неметафорическое значение таких идиом более или менее ясно. С другой стороны, существует много фразеологизмов, которые люди используют, совершенно не помня и не зная ничего об их прежнем употреблении. Есть идиомы, происхождение которых не могут объяснить и специалисты (*beat someone all hollow, to go the whole hog*), но которые, несмотря на отсутствие в них всякой логики, создают определенный образ. Л. Смит пишет, что эта «выразительность бессмысленных как будто словосочетаний является отличительной чертой многих наших идиом и, по-видимому, свидетельствует о том, что в самом человеческом разуме имеется некоторая неупорядоченность, какая-то склонность к нелогическому и абсурдному, нежелание подчиниться рассудку, что находит себе выход в идиоматической речи. Нам нужно, чтобы слова имели определенное значение, чтобы наша речь была понятной и доходчивой; в то же время мы охотно употребляем слова в необычном значении, зная, что необычность и новизна воздействуют на воображение и прибавляют речи живость и очарование» (Смит, 32).

Многие говорящие не задумываются о происхождении даже самых необычных идиом и не стараются узнать, что же все-таки они значат, однако с помощью словарей, в особенности Большого Оксфордского словаря, можно проследить историю большинства идиом до их источников.

Метафорические идиомы, а также многие грамматические идиомы возникли в профессиональной речи (в том числе и в речи спортсменов). Все виды человеческой деятельности имеют свою лексику, свои специальные термины, проникающие иногда, особенно в метафорическом употреблении, в литературный язык.

«Наша речь не может адекватно передать все неистощимое богатство жизни с ее взаимосвязями, все мысли и чувства; литературный язык, словообразовательные возможности которого ограничены, всегда готов заимствовать имеющийся уже в обиходе специальный термин, которому можно передать более широкое значение. Идиомы, удачные поговорки, созданные людьми, занятыми в различных сферах деятельности и спорта, будучи краткими, разговорными, живыми и отражающими быющую ключом жизнь, всегда находят применение в выразительной речи. Моряки в плавании, охотники на охоте, крестьяне в поле, повара на кухне — все, кому срочно требовалось отдать приказ, выразить предупреждение, угрозу, упрек, — умели находить яркие сочетания слов, красочные метафоры, связанные с обстоятельствами своей деятельности. Эти фразы и метафоры, поразившие воображение слушателей, входили в их профессиональный словарь. Впоследствии некоторые из этих выражений получали более широкий смысл; применялись к аналогичным ситуациям в другой среде, часто шутливо. Так, моряк пользуется своими морскими словечками, находясь на берегу; рыбак, домохозяйка, спортсмен, о чем бы они ни говорили, широко пользуются метафорами, связанными с рыболовством, стряпней и спортом; и постепенно самые яркие и выразительные обороты и речения проникают в литературный язык, становясь всеобщим достоянием» (Смит, 33).

1. Особенно многочисленны идиомы, связанные с морем. Энергичный и выразительный язык моряков полон специфических выражений; многие из них получили широкое распространение, будучи метафорически переосмыслены.

Обращение к морской идиоматике особенно интересно, так как Англия издавна известна как крупная морская держава, и море все-

гда играло немалую роль в исторических судьбах этой страны. Обратимся к истории Великобритании.

С давних пор островное положение Великобритании сказывалось на всех сторонах жизни населения. В частности, рыбная ловля в Ла-Манше, Северном и Ирландском морях, Атлантическом океане обеспечивала пропитание племенам, жившим вблизи от побережья.

Климат Великобритании определяется, главным образом, влиянием моря. Островное положение давало преимущества английскому флоту, недаром Англию называли «владычицей морей».

С моря приходили англосакские, датские и норманнские завоеватели. С заморскими странами — Францией, Испанией, Нидерландами — велись длительные войны. За морями возникали английские переселенческие колонии — в Америке, Австралии, Новой Зеландии. На морях столетиями пиратствовали английские моряки, по морям велась торговля. Вокруг моряков создавался романтический ореол, в широких слоях народа мужество и удаль «морских волков» вызывали восхищение и чувство национальной гордости.

Своеобразный культ моря приобрел в начале XIX в. новые истоки и новые черты. Чем больше обуржуазивалась Англия, чем прозаичней и скучней становилась повседневная жизнь, тем больше привлекало море и связанное с ним представление об опасностях, подвигах, борьбе со стихией. Культ моря становился чертой национального характера. Не случайно именно в первые десятилетия XIX в. морские песни, стихи о море, морские пейзажи становятся важным элементом английской культуры. Море занимает едва ли не центральное место в творчестве многих английских поэтов и пейзажистов (Дж. Байрон, У. Тернер и др.).

Отметим также, что до изобретения самолета все контакты с внешним миром осуществлялись исключительно морским путем. Связь с разбросанными по всему миру колониями также осуществлялась морем.

Таким образом, мы видим, что море играло и продолжает играть важную роль в жизни англичан, и не случайно мы начинаем наш обзор источников английских фразеологических единиц с морских фразеологизмов.

Морская фразеология занимает второе место после библеизмов по своему «возрасту». Поэтому сфера употребления морских фразеологизмов гораздо шире, нежели других фразеологизмов.

Морские фразеологизмы отличаются друг от друга степенью переосмысленности. В своем большинстве морские фразеологичес-

кие единицы перестали быть атрибутом исключительно морской жизни и получили широкое распространение во всех сферах жизни и деятельности человека.

Морское происхождение нижеследующих фразеологических единиц бесспорно:

to steer clear of	(букв. миновать мель); избегать, сторониться чего-либо
to drop the pilot	(букв. отказаться от услуг лоцмана); отвергнуть доброго советчика
to take in tow	брать на буксир, иметь кого-либо на своем попечении
to be in the same boat with	(букв. плыть в одной лодке); быть в одинаковом положении
to clear the decks	(букв. очистить палубу перед сражением); приготовиться к бою
to rest on one's oars	(букв. перестать грести); бездействовать, почивать на лаврах
to sail before the wind	(букв. плыть с попутным ветром); успешно продвигаться вперед, преуспевать
to leave (to rat from) the sinking ship in deep water	бежать как крысы с тонущего корабля в беде
to keep one's head above water	(букв. удержаться на поверхности); едва сводить концы с концами
in low water	на мели, без средств
in full sail	на всех парах
Breakers ahead!	(букв. Впереди буруны!) Опасность! Берегись!
shipshape and Bristol fashion	в полном порядке
to be out of one's depth	(букв. зайти не на свою глубину); встретиться с тем, что не по зубам

Происхождение следующих идиом связано с реками и другими внутренними водоемами:

to make a splash	(букв. поднять брызги) наделать шума, вызвать сенсацию
to catch (clutch) at a straw	хвататься за соломинку
not fit to be touched with a barge-pole	такой (грязный), что на версту бы к себе не подпустил

to go in at the deep end	храбро взяться за трудное дело
Much water has flown under the bridge.	Много воды утекло с тех пор.
Still waters run deep.	В тихом омуте черти водятся.

Многие фразеологические выражения связаны с рыболовством:

to drink like fish	много пить (пьянствовать)
to fish in troubled waters	ловить рыбку в мутной воде
to jump at the bait	схватить приманку
a fish out of water	не в своей стихии
a big fish in a little pond	великан среди пигмеев
a queer fish	чужак
(to have) other fish to fry	иметь другие дела

Солдатский жаргон также служит источником идиоматических оборотов:

to bear the brunt of	принять на себя главный удар
to come off with flying colours	одержать полную победу
to be at the mercy of	быть в полной власти у
to lay siege to	осадить
under arms	в боевой готовности
on duty	на посту, на дежурстве
marching orders	приказ о выступлении
rank and file	рядовые члены
shoulder to shoulder	плечом к плечу

Нижеследующие фразеологические единицы связаны с огнестрельным оружием:

Fire away!	Выкладывай! Говори!
like a shot	стремительно
to have a shot at something	сделать попытку
lock, stock and barrel	целиком, полностью

Некоторые идиомы связаны с борьбой разного рода:

to get one's knife into	злбно нападать, критиковать
to throw down (take up) the glove (the gauntlet)	бросить (поднять) перчатку (вызов)
to go to the wall	быть припертым к стенке

to be on one's guard	быть начеку
to be off one's guard	быть захваченным врасплох
to stand with one's back to the wall	драться в невыгодном положении

2. О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много. В течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой.

В англиканской церкви, так же как и в других протестантских церквях, Библия является единственным источником вероучения. Чтение Библии, переведенной на английский язык, вошло в обычай еще во времена Генриха VIII и получило распространение среди различных слоев населения: сквайров, йоменов, купцов. Для пуритан Библия вообще была единственным источником вероучения, так как между собой и Богом они не признавали никаких посредников в лице епископов и других священников. Сегодня свыше 11% населения Англии продолжают регулярно читать Библию, а 10% верят в буквальную ее истинность.

История переводов Библии на английский язык заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь в первую очередь следует упомянуть Библию Уиклифа (Wyclif's Bible). Под этим названием известны два перевода Библии, выполненные еще в XIV в.: перевод Дж. Уиклифа, религиозного реформатора, требовавшего замены латинского языка английским при богослужении, и перевод одного из последователей Дж. Уиклифа. Следующей по степени важности является Библия Тиндла (Tyndale's Bible) — перевод У. Тиндла (XV в.), ставший основой так называемой «Авторизованной версии» (Authorized Version) английского перевода Библии 1611 г., которым пользуется большинство англиканских церквей. Перевод 1611 г. был одобрен королем Яковом I, отсюда его другое, не менее известное название — Библия короля Якова (King James Bible).

«Авторизованная версия», или Библия короля Якова, быстро вошла в повседневный обиход, чему в немалой степени способствовали специальные королевские декреты. Воздействие, оказанное этим блестящим творением эпохи позднего Возрождения на английский язык, можно сравнить лишь с воздействием на последний произведений У. Шекспира. Библия короля Якова была опубликована в тот год, когда Шекспир приступил к работе над одной из своих последних пьес — «Буря» ("The Tempest"). Оба произведения яв-

ляются непревзойденными шедеврами английского языка, но в одном они кардинально отличаются друг от друга: Шекспир широко использовал все доступное ему лексическое богатство английского языка (словарь его произведений, по оценкам различных исследователей, колеблется от 16 000 до 25 000 единиц), словарь же «Авторизованной версии» — всего около 8 000 единиц, поскольку ее создатели считали, что учение Бога должно быть доступно каждому говорящему по-английски — и образованному богачу, и малограмотному бедняку. И до наших дней изобилие шекспировской лексики и «неприкосновенный» запас библейского словаря составляют как бы две крайние точки английского языка, две точки отсчета для ораторов и писателей со всех концов англоговорящего мира — от Джойса и Диккенса с их шекспировской пышностью до Баньяна и Хемингуэя со свойственным им библейским лаконизмом.

Упомянутые переводы Библии на английский язык, конечно же, не исчерпывают всего списка ее переводов и изданий в Великобритании и США. Не занимаясь их перечислением, отметим, что во второй половине XX в. появилась «Новая английская Библия» (New English Bible) — Библия на современном английском языке, изданная в двух томах: Новый Завет (New Testament; был напечатан в 1961 г.) и Ветхий Завет (Old Testament; вышел в 1970 г.).

Воздействие Библии на английский язык и англоязычную культуру проявилось, в частности, в том, что с ее страниц вошло в язык и речь огромное количество оборотов и выражений (часто они являлись буквальными переводами древнееврейских и греческих идиом). Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей. Тем не менее приведем здесь некоторые отдельные предложения-поговорки, а также именные, наречные и глагольные обороты, библейское происхождение которых твердо установлено:

No man can serve two masters.
Pride goes before a fall.
Can the leopard change his
spots?

Their name is Legion.
the prodigal son
the Promised Land
the root of all evil

Двум господам не служат.
Гордыня до добра не доводит
Может ли человек изменить свою
природу? (*букв.* может ли леопард переменить свои пятна?)

Имя им легион (им нет числа).
блудный сын
земля обетованная
корень зла

the root of the matter	суть дела, сущность вопроса
the salt of the earth	соль земли
forbidden fruit	запретный плод
Job's comforter	утешитель, который усугубляет чье-либо горе
Judas kiss	поцелуй Иуды, предательский поцелуй
dead letter	не применяющийся, но не отмененный закон
by the sweat of one's brow	в поте лица своего
after one's own heart	по душе, по сердцу
in the twink of an eye	в мгновение ока
off the face of the earth	с лица земли
to beat the air	толочь воду в ступе
to worship the golden calf	поклоняться золотому тельцу
to turn the other cheek	подставить другую щеку (под удар)
to bear one's cross	нести свой крест
to see eye to eye with somebody	сходиться во взглядах с кем-либо; полностью соглашаться; смотреть одними глазами
to wash one's hands of somebody (something)	умыть руки; снять с себя ответственность за что-либо
to dig a pit for somebody	рыть кому-либо яму
to beat swords into ploughshares	перековать мечи на орала (перейти к мирному труду)

Идиоматическое выражение *hope against hope* «надеяться на чудо; надеяться, не имея для того основания» образовано из “*Against all hope, Abraham in hope believed*” (Послание к Римлянам, гл. 4, стих 18). Выражение *wheels within wheels* «переплетение интересов; сложное положение» произошло, по-видимому, от слов “...*a wheel in the middle of a wheel*” (Ветхий Завет, Книга Пророка Иезекииля, 1: 16).

3. Пьесы У. Шекспира (1564–1616), как и следовало ожидать, явились самым богатым после Библии источником английской идиоматики.

В творчестве Шекспира культура английского Возрождения достигла своей вершины. Его образы грандиозны, как сама эпоха, породившая их. Свободная стихия шекспировской драматургии не укладывалась ни в какие каноны; в ней искусно и с огромным худо-

жественным тактом перемешано все — трагическое и смешное, возвышенный монолог и грубый фарс, философский афоризм и непристойная шутка.

У. Шекспир обладал непревзойденным даром создавать раз и навсегда запоминающиеся комбинации слов. Десятки, если не сотни его выражений вошли в английский язык и превратились в речевые цитаты, «готовые к употреблению». Вот небольшой список «цитат, заслуживающих цитирования» (quotable quotes), извлеченных из «Гамлета»:

Something is rotten in the state of Denmark.
 Frailty, thy name is woman!
 To be, or not to be: that is the question.
 I must be cruel, only to be kind.
 Alas! poor Yorick.
 The rest is silence.

Следующие фразеологические выражения вошли в английский язык из произведений У. Шекспира:

to make assurance double sure	для пушей верности
to give the devil his due	отдавать должное и плохому человеку
to shuffle off (this mortal coil)	покинуть этот бранный мир
cakes and ale	беззаботное веселье
every inch a king	с головы до ног, настоящий (король)
an itching palm	склонность брать взятки
salad days	пора юношеской неопытности; молодозелено
the milk of human kindness	сострадание, человечность
There's the rub.	Вот в чем загвоздка.
the pound of flesh	точное количество, причитающееся по закону
the green-eyed monster	ревность
to one's heart's content	вволю

Вышеприведенные выражения давно уже вышли за пределы точно повторяемых цитат. В них заменяются слова и меняются формы слов (глаголы спрягаются и т.п.) в соответствии с потребностями говорящих, не задумывающихся над их происхождением. Эти выражения, как говорит Брэдли, «вошли в ткань литературного и раз-

говорного языка», и мы теперь можем «рассматривать их как идиомы английского языка».

Хотя большинство подобных выражений знакомо нам из произведений У. Шекспира, отсюда вовсе не следует, что все они были созданы им. Пьесы У. Шекспира полны выражений, заимствованных из языка его времени, из повседневной речи; так, поговорка *There is the rub* «Вот в чем загвоздка» возникла, как мы видели, среди игроков в шары; оборот *out of joint* «вывихнутый, пришедший в расстройство» употреблялся еще за триста лет до «Гамлета», а словосочетание *much ado* «много шума» встречается в переводе Библии, сделанном Ковердалем (1535). Однако множества других идиом, вошедших во всеобщее употребление, было создано самим У. Шекспиром, что свидетельствует и о лингвистической гениальности У. Шекспира, и о его колоссальной популярности.

Лучше всего, на наш взгляд, характеризует то колоссальное влияние, которое У. Шекспир оказал на английский язык и, в частности, на его фразеологию, нижеследующая цитата из Б. Левина:

“If you cannot understand my argument”, and declare “It’s Greek to me”, you are quoting Shakespeare; if you claim to be more sinned against than sinning, you are quoting Shakespeare; if you recall your salad days, you are quoting Shakespeare; if you act more in sorrow than in anger, if your wish is father to the thought, if your lost property has vanished into thin air, you are quoting Shakespeare; if you have ever refused to budge an inch or suffered from green-eyed jealousy, if you have played fast and loose, if you have been tongue-tied, a tower of strength, hoodwinked or in a pickle, if you have knitted your brows, made a virtue of necessity, insisted on fair play, slept not one wink, stood on ceremony, danced attendance (on your lord or master), laughed yourself into stitches, had short shrift, cold comfort or too much of a good thing, if you have seen better days or lived in a fool’s paradise – why, be that as it may, the more fool you, for it is a foregone conclusion that you are (as good luck would have it) quoting Shakespeare; if you think it is early days and clear out bag and baggage, if you believe that the game is up and that truth will out even if it involves your own flesh and blood, if you lie low till the crack of doom because you suspect foul play, if you have your teeth set on edge (at one fell swoop) without rhyme or reason, then – to give the devil his due – if the truth were known (for surely you have a tongue in your head) you are quoting Shakespeare; even if you bid me good riddance and send me packing, if you wish I was dead as a door-nail, if you think I am an eyesore, a laughing stock, the devil

incarnate, a stony-hearted villain, bloody-minded or a blinking idiot, then – by Jove! Tut, tut! for goodness' sake! what the dickens! but me no buts – it is all one to me, for you are quoting Shakespeare” (Levin, 1983).

4. Количество фразеологических единиц, происхождение которых связано с творчеством других английских писателей, невелико. Как правило, их высказывания обычно остаются цитатами и лишь в редких случаях пополняют идиоматику языка, входя в разговорную речь. Так, принято считать, что выражение *to steal someone's thunder* «заимствовать чужие идеи, открытия» впервые было употреблено критиком и драматургом Дж. Деннисом (1657–1734).

A nine days' wonder «кратковременная сенсация», *murder will out* «шла в мешке не утаишь» (Д. Чосер).

Vanity Fair «Ярмарка тщеславия», *the Slough of Despond* «трясина отчаяния», *the man with the muckrake* «человек с навозными вилами, разгребатель грязи» (т.е. обличитель пороков) взяты из сочинения Дж. Баньяна (1628–1688) «Путь паломника» (*The Pilgrim's Progress*).

Популярной поговоркой стала строчка из оперы-буфф У. Гильберта «Микадо» *to make the punishment fit the crime* «пусть наказание соответствует преступлению». Поговорка *to be on the side of the angels* «стоять на традиционной точке зрения» приобрела популярность благодаря Б. Дизраэли (1804–1881).

Rain cats and dogs «дождь льет как из ведра», *quarrel with one's bread and butter* «бросить занятие, дающее средства к существованию» (Д. Свифт).

Писатели XIX в. обогатили английский язык лишь немногими идиомами:

to beard the lion in his den	напасть на опасного врага в его собственном логове (В. Скотт)
Dr. Jekyll and Mr. Hyde	добро и зло (иногда совмещающиеся в одном человеке) – по названию романа Р.Стивенсона
in a Pickwickian sense	в безобидном значении
How goes the enemy?	(шутл.) Который час? (Ч. Диккенс)

Как писал Л. Смит, «можно изобрести новое слово, написать поэтическую строчку, которую будет повторять, но для создания идиомы нужна сила слова, которой обладал только Шекспир –

Шекспир и тысячи неграмотных простых людей, имена которых остаются безвестными» (Смит, 128).

5. Помимо фразеологизмов, взятых из Библии, в английском языке, как и в языках других европейских народов, являющихся наследниками античной культуры, много пословиц, афоризмов и образных выражений, возникших у древних греков и римлян:

the apple of discord	яблоко раздора
Pandora's box	ящик Пандоры
Homeric laughter	гомерический смех
between Scylla and Charybdis	между Сциллой и Харибдой

Эти и многие другие выражения были взяты из греческой мифологии, либо заимствованы из гомеровских поэм.

Из греческой истории и легенд пришли выражения: Pyrrhic victory «Пиррова победа», the Gordian knot «гордиев узел», the sword of Damocles «Дамоклов меч», Platonic love «платоническая любовь». Из сочинений Аристотеля взяты приводимые им греческие пословицы One swallow doesn't make a summer «Одна ласточка весны не делает» и There's many a slip 'twixt the cup and the lip «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь».

Из древнегреческих сказок и басен, в частности, басен Эзопа, идут следующие выражения:

to kill the goose that laid the golden eggs	убить курицу, несущую золотые яйца
the lion's share	львиная доля
to cry wolf too often	поднимать ложную тревогу
the last straw (that broke the camel's back)	последняя капля
sour grapes	зелен виноград; что-либо недостижимое и поэтому порицаемое

Фразеологическая единица to call a spade a spade «называть вещи своими именами» ведет свое начало от удачной передачи Эразмом Роттердамским приводимой Плутархом поговорки (у Плутарха сказано «называть корыто корытом»). Выражение the dog in the manger «собака на сене» принадлежит Лукиану. Греческого же происхождения идиомы a swan song «лебединая песня», to burn one's boats («сжечь свои корабли», т.е. отрезать возможности отступления – из Плутарха), to leave no stone unturned «испробовать все средства».

Из латыни пришли в английский язык фразеологизмы:

to plough the sand	толочь воду в ступе
to put off to the Greek Kalends	отложить до греческих календ, т.е. навсегда
the horn of plenty	рог изобилия
a storm in a tea-cup	буря в стакане воды
the burden of proof	бремя доказательств

С походами Цезаря связаны выражения:

to cross the Rubicon	перейти Рубикон; сделать решающий шаг
the die is cast	жребий брошен

Виргилию принадлежат идиомы *a snake in the grass* «скрытый враг» и *to throw a sop to Cerberus* (бросить) подачку Церберу; умиротворять взяткой», историку Титу Ливию – поговорка *better late than never* «лучше поздно, чем никогда»; Овидию – *a pious fraud* «ханжеское лицемерие»; Плинию – *to take (something) with a grain of salt* «относиться скептически» и *in a nutshell* «вкратце, в двух словах».

6. В разговорный английский язык вошло множество фразеологических выражений, связанных с охотой, скачками и т.п. Из животных, чаще всего в них упоминаются собака и лошадь:

to die like a dog	издохнуть как собака
to lead a dog's life	бедствовать, влечить жалкое существование
to go to the dogs	опуститься, попасть на дно
to teach old dog new tricks	старого пса к цепи не приучишь
to have a hair of the dog that bit you	опохмеляться
his bark is worse than his bite	он больше брюзжит, чем на самом деле сердится
to flog a dead horse	тратить время впустую
to drop the reins	отпустить поводья
a horse laugh	грубый смех
a mare's nest	иллюзия, нелепая фантазия; бред сивой кобылы
You can take a horse to the water, but you can't make him drink.	Не всего можно добиться силой.

Много фразеологических выражений связано со скачками:

to back the wrong horse	поставить не на ту лошадь, ошибиться в расчетах
to give the tip	дать надежный совет, сообщить точные сведения
to win hands down	легко одержать победу
a dark horse	«темная лошадка»
neck and neck	(идти) голова в голову; быть в равном положении

7. Английская идиоматика включает в себя немало выражений, в которых говорится и о других домашних животных: о рогатом скоте, кошках, овцах, свиньях.

to kill the fatted calf	встретить радушно, угостить лучшим, что есть в доме
to take the bull by the horns	взять быка за рога; действовать решительно
a bull in a China shop	слон в посудной лавке
a cock and bull story	неправдоподобная история
to bell the cat	взять на себя инициативу в опасном деле
to let the cat out of the bag	выдать секрет, проболтаться
to have nine lives (like a cat)	быть живучим, как кошка
Care killed the cat.	Не работа старит, а забота.
to follow like sheep	слепо следовать за кем-либо
to make sheep's eyes (at somebody)	смотреть на кого-либо влюбленными глазами
tared with the same brush	одним миром мазаны, одного поля ягоды
to buy a pig in a poke	купить кота в мешке
You cannot make a silk purse out of a sow's ear.	Из плохого ничего хорошего не получится.

Дикие животные не часто упоминаются в идиомах. Тем не менее, мы встречаем:

as mad as a March hare	ошалелый
as blind as a mole	совершенно слепой
as deaf as an adder	глух как пень
to kill two birds with one stone	убить двух зайцев одним ударом

as the crow flies	по прямой линии
a little bird told me	слухом земля полнится
A bird in the hand is worth two in the bush.	Не сули журавля в небе, а дай сини- цу в руки.
a swan song	лебединая песня

С домашней птицей, птичьим двором связаны следующие идиомы:

to be no chicken	выйти из детского возраста
like water off a duck's back	как с гуся вода
to have all one's eggs in one basket	рисковать всем, поставить все на карту
to teach one's grandmother to suck eggs	учить ученого

Ветер, дождь, тучи и солнце, луна и звезды дали английскому языку следующие идиомы:

to know which way the wind blows	знать откуда ветер дует
a bolt from the blue	как гром среди ясного неба
as right as rain	в хорошем состоянии
rain or shine	при любой погоде
to be born under a lucky star	родиться под счастливой звездой
to have a place in the sun	иметь местечко под солнцем

Сельскому хозяйству английский язык обязан следующими выражениями:

to put one's hands to the plough	приниматься за дело
to break fresh ground	поднимать целину, начинать новое дело
to make hay while the sun shines	куй железо, пока горячо

Происхождение некоторых идиом связано с огородами и садами:

to call a spade a spade	называть вещи своими именами
the pick of the basket	самое лучшее
rotten to the core	испорченный, прогнивший до ос- нования

as cool as a cucumber	невозмутимый, не теряющий хладнокровия
as like as two peas	похож как две капли воды

В немногих идиомах упоминаются цветы:

a bed of roses	не житье, а масленица
a rose between two thorns	(красивая) женщина, сидящая между двумя мужчинами
no rose without a thorn	нет розы без шипов

Значительное количество фразеологических выражений связано с домами и зданиями:

to force an open door	ломиться в открытую дверь
to lay (something) at the door (of)	обвинять кого-либо в чем-либо
to be at home in (a subject)	свободно разбираться в чем-либо
to run one's head against a stone wall	прошибать лбом стену, лезть напролом
to set one's home in order	приводить свои дела в порядок
off the hinges	разболтанный, помешавшийся
walls have ears	у стен есть уши
not right in the upper storey	не в своем уме

Домашняя обстановка послужила источником следующих выражений:

to put on the shelf	увольнять; сдавать в архив, выбрасывать за ненадобностью
to put back the clock	тормозить; задерживать развитие
as stiff as a poker	чопорный, негибкий
to burn the candle at both ends	прожигать жизнь
to make a clean sweep of	выгнать, избавиться; вычистить
to wash one's dirty linen in public	выносить сор из избы

Много ярких образных выражений родилось на кухне:

to keep the pot boiling	не давать заглохнуть начатому
to have other fish to fry	иметь другие (более важные) дела

to have a finger in the pie	участвовать, быть замешанным в деле
to go to pot	разориться, вылететь в трубу
to stew in one's own juice	вариться в собственном соку
in apple-pie order	в образцовом, идеальном порядке

Пища, еда также послужили источником многих идиоматических выражений:

to have one's bread buttered on both sides	жить в роскоши, уметь пользоваться жизнью
to share one's last crust with	делиться последним куском хлеба
to drop like a hot potato	поспешно бросить, избавиться как можно скорее
to take pot-luck	пообедать «чем Бог послал»
to give somebody the cold shoulder	оказать холодный прием

Немало образных выражений создано в мастерских и кузницах, связано с различными инструментами и ремеслами:

(to) strike while the iron is hot	куй железо, пока горячо
to have too many irons in the fire	браться за многое, разбрасываться
between hammer and anvil	между молотом и наковальней
to hit the nail on the head	попасть в точку
as hard as nails	закаленный, бесчувственный
as sharp as a needle	наблюдательный, пронизательный
to look for a needle in a haystack	искать иголку в стоге сена
to take up the thread of	подхватить рассказ, возобновить разговор

8. Лексика различных видов спорта стала источником многих идиом. Со стрельбой из лука связаны выражения to hit the mark «добиться цели, успеха»; to miss the mark «потерпеть неудачу»; to go beside the mark «некстати, не по существу». Много идиом связано с боксом:

to hit below the belt	нарушать правила, поступать бесчестно
to take it lying down	безропотно сносить
to come up smiling	не унывать, не падать духом

Терминология игры в крикет богата специальными выражениями, многие из которых, будучи метафорически переосмыслены, вошли в литературный язык:

It isn't cricket.	Это нечестно (низко).
to be bowled over	выйти из строя
to have one's innings	подавать мяч; делать что-либо в порядке очередности

Только старые и широко распространенные виды спорта обогатили английский язык идиоматикой; из специальной лексики новейших видов спорта (мото-, автомобильного, авиационного) лишь немногие выражения получили широкое распространение.

Карты, очень популярные в Англии в течение нескольких столетий, послужили источником многих идиом:

to hold the trump card	держат козырь
to show one's cards	раскрыть свои карты
to play a winning game	играть, бить наверняка
the game is not worth the candle	игра не стоит свеч

9. Искусство, особенно музыка и танцы, обогатили язык многими красочными идиомами:

to blow one's trumpet	расхваливать самого себя
to pay the piper (and call the tune)	быть хозяином положения
to dance attendance (on)	увиваться, бегать за кем-либо
to lead the dance	играть главную роль
as fit as a fiddle	быть в добром здравии
to face the music	держат ответ, расплачиваться
to be behind the scenes	быть за кулисами; быть тайным двигателем событий
to give (somebody) the cue for	подать реплику;
to put the finishing touches to	завершать; класть последние штрихи

От народных зрелищ (цирковых представлений, ярмарочных игрищ) идут идиомы to ran the show «распоряжаться, стоять во главе, быть хозяином»; to dance on a tight-rope (*букв.* плясать на канате) «играть с огнем, вести опасную игру». Выражение to bring down the house «вызвать оглушительные аплодисменты» возникло в театре.

Специальная терминология ученых также пополнила английский литературный язык рядом выражений:

Медицина:

to take one's own medicine	понести заслуженное наказание (что посеешь, то и пожнешь)
to swallow the pill	проглотить пилюлю
to feel the pulse of	зондировать, прощупывать чужие мысли

Право. Юриспруденция:

null and void	потерявший законную силу, недействительный
to be at issue	быть предметом спора, не сходиться (во мнениях)
to lay down the law	командовать, диктовать, не допускать возражений
(to get off) scot free	остаться безнаказанным (выйти сухим из воды)

Неотъемлемую часть языка торговой и промышленной нации составляют слова и выражения, употребляющиеся в торговле (от розничной продажи до биржевых и банковских операций):

to make the best of a bad bargain	делать хорошую мину при плохой игре
to turn the scales	решить исход дела; склонить чашу весов
to talk shop	говорить о служебных делах, на профессиональные темы
a heavy bill to pay	тяжелая расплата; нелегкий расчет
an ugly customer	грубиян, негодяй; опасный человек
dirt cheap	очень дешевый

Названия денежных единиц и драгоценных металлов входят в следующие идиомы:

to pay someone back in his own coin	отплатить той же монетой
to cut off with a shilling	лишить наследства
a pretty penny	изрядная, кругленькая сумма
not worth a (brass) farthing	гроша медного не стоит

Фразеологизмы a rough diamond (букв. неограненный алмаз) «грубый, но хороший человек»; diamond cut diamond «нашла коса на камень» первоначально относились к обработке бриллиантов.

Чтение, книги, газеты дали следующие идиомы:

to speak like a book	говорить как по-писаному
to give chapter and verse	точно сослаться на источники, подтверждать свое мнение авторитетами
to read between the lines	читать между строк

В речи школьников и студентов выработались идиомы:

to play truant	увертываться от исполнения своих обязанностей
to mind one's P's and Q's	соблюдать принятые формы приличия, вести себя сдержанно
to dot one's i's	расставить точки над i, не оставлять ничего недосказанным

Религиозные образы и представления сохранились в выражениях:

to haul over the coals	дать нагоняй, взбучку
to put the screw on	оказывать давление
not fit to hold a candle to	в подметки не годится

Духовные лица в идиомах почти не фигурируют, зато очень активную и существенную роль играют в них дьявол (the Devil) и его эвфемистический заместитель (the deuce):

to give the Devil his due	отдавать должное сопернику
to play the deuce with	разрушить, исковеркать
as the Devil loves Holy Water	бежит как черт от ладана
Talk of the Devil and he is sure to appear.	Легок на помине.

10. Значительный пласт английской фразеологии представляют идиомы, содержащие имена собственные. Это, прежде всего, фразеологические единицы, в которых имя собственное связано с бытом, литературой и фольклором англичан. В эту группу входят:

а) Фразеологические единицы с традиционными, популярными мужскими и женскими именами. Широко распространенные

английские имена, употребляемые в речи ежедневно, стали компонентами множества фразеологических единиц и придают им зачастую ярко выраженную экспрессивно-эмоциональную окраску. Такие английские имена, как *Betty, Tom, Jack, John, Mary (Maria)* и др. стали носителями определенных черт характера людей.

Так, имя *Jack*, фигурирующее во многих фразеологических единицах, ассоциируется чаще всего с веселым парнем, разбитным малым, проворным и хитрым, порой плутоватым. Интересна, например, этимология разговорного фразеологизма *before one can (или you could) say Jack Robinson*, что по-русски значит «немедленно, моментально, в два счета; в мгновение ока; и опомниться не успел; не успел и глазом моргнуть; и ахнуть не успел; не успеешь и оглянуться, как». Эрик Партридж, ссылаясь на словарь вульгаризмов Гроуза (Grose. *The Dictionary of the Vulgar Tongue*, 1785), говорит о жившем когда-то человеке по имени *Jack Robinson*, который наносил очень короткие визиты своим знакомым и удалялся прежде, чем успевали доложить о нем.

В обобщенном значении, очень близком к значению местоимений, употребляются личные имена в выражениях: *to astonish the Browns* «бросить вызов общественному мнению»; *Brown, Jones and Robinson* «простые, рядовые англичане»; *every Tom, Dick and Harry* «всякий, каждый, первый встречный»; *more know Tom Fool than Tom Fool knows (Tom Fool «дурак, болван»); Tom o'Bedlam* «сумасшедший». Здесь имя собственное имеет значение «всякий англичанин», либо просто «человек»: *Jack of all trades. Jack at a pinch. Jack out of office.*

б) Фразеологические единицы, содержащие реальную антропонию, которая связана с именами выдающихся людей своего времени: монархов, политических деятелей, ученых и изобретателей или не столь великих, но прославившихся добрыми или дурными делами. «Марией Кровавой» — *Bloody Mary* — прозвана была королева Мария Тюдор. Прозвище дали ей протестанты, которых она жестоко преследовала. В разговорной речи данный фразеологизм употребляется в совершенно ином значении: *Кровавая Мария, Кровавая Мэри* — это коктейль из водки и томатного сока со льдом. Благодаря красному цвету и своему сильному, «валяющему с ног» действию, напиток получил такое выразительное название, явившееся результатом метафорического переосмысления фразеологизма. Другой пример: *Joe Miller* «старый анекдот, избитая острота» (по имени человека, опубликовавшего первый сборник анекдотов и шуток). Ср. также: *according to Cocker* «правильно, точно», *Hobson's choice* «вынужденный выбор».

в) Фразеологические единицы, в которых имена собственные взяты из литературных источников. Английская литература и устное народное творчество значительно обогатили язык, подарив ему множество ярких, выразительных образов, вошедших в повседневную обыденную речь. Нередко имена персонажей романов, пьес, стихов или сказок в своем употреблении приближаются к нарицательным, обозначающим те или иные черты характера или поведения человека, такие, например, как неумное любопытство — *Peeping Tom* «чересчур любопытный человек». В легенде о леди Годиве, жене графа Мерсийского, рассказывается о том, что граф наложил непосильный налог на жителей города Ковентри. Когда леди Годива заступилась за них, граф сказал, что отменит налог, если леди Годива осмелится проехать обнаженной через весь город. Чтобы не смущать ее, все жители закрыли ставни своих домов. Единственный, кто стал подсматривать в щелку, был портной Том, которого тут же поразила слепота.

Пьесы У. Шекспира явились богатым источником английской идиоматики. Во многих фразеологизмах, созданных Шекспиром, либо в цитатах из его произведений мы находим собственные имена:

Cordelia's gift «нежный женский голос»; *a Daniel come to judgement* «честный пронизательный судья». Имя героя пьесы Шекспира встречаем в выражении *Hamlet with Hamlet left out* «Гамлет без принца Датского», т.е. что-либо лишённое самого важного, самой сути.

г) В отдельную группу, достаточно большую и интересную не только с точки зрения ономастики, но в меньшей степени с сугубо страноведческой точки зрения, мы выделяем фразеологические единицы, содержащие топонимы. Культурный компонент значения присущ топонимам в силу специфики их соотнесенности с обозначаемым объектом и их активности в осуществлении аккумулятивной функции языка. Многие из них хранят концентрированную информацию о былых эпохах, смене народов, миграциях и т.д. В то же время они являются источником не только речевой, языковой, но и энциклопедической информации, понимаемой как комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, который пользуется данным именем. Реалии, обозначаемые фразеологизмами данной группы, самым тесным образом связаны с географией и историей страны, традициями, бытующими (или зародившимися) в той или иной местности Англии, либо характерными чертами жителей отдельных областей и т.д. Все фразеологические единицы, содержащие топонимы, мы подразделяем на две группы.

В первой группе фигурируют названия улиц, районов, достопримечательностей Лондона. Часть этих единиц тесно связана с прошлым Лондона и его историей. Эти выражения донесли до нас старые названия ныне существующих в городе мест, они напоминают о событиях, происходивших когда-то на площадях и улицах Лондона. Например: *Tyburn blossom* (узм.) «молодой вор, юный правонарушитель», *dance the Tyburn jig* (узм.) «быть повешенным», «окончить жизнь на виселице», *Tyburn tippet* (узм. шутил.) «петля», напоминают о том факте, что до 1783 г. Тайберн был местом публичных казней. Названия улиц и районов Лондона стали со временем обозначать род занятий или социальное положение живущих или работающих там людей. Так, например, в результате метонимического переноса значения слов (названия улиц) возник целый ряд фразеологических единиц: *Fleet Street* «английская пресса» (здесь находились редакции крупнейших газет), *Downing Street* «правительство Великобритании», *Harley Street* «врачебная профессия».

Во вторую подгруппу мы включили фразеологические единицы с названиями английских графств, областей, районов, городов, рек. Нередко в них отражаются история или традиции того или иного города, поселения. Например, выражение *to fight like Kilkenny cats* означает «бороться до взаимного истребления, не на живот, а на смерть». Несколько солдат из стоявшего в XVIII в. в городе Килкенни гарнизона связали для забавы двух кошек хвостами и перекинули их через бельевую веревку, чтобы понаблюдать за их дракой. Когда кто-то послал за офицером с просьбой прекратить эту жестокую забаву, один из солдат отрубил кошкам хвосты — и животные разбежались. На вопрос офицера, откуда взялись окровавленные хвосты, кто-то ответил, что две кошки дрались до тех пор, пока не съели друг друга до хвостов.

Members of Parliament and ladies of fashion, like himself and Fleur ... now and then... going for each other like Kilkenny cats.
(*J. Galsworthy, "The Silver Spoon"*)

Even pirate crews and bands of robbers prefer a peaceful settled understanding to the division of their plunder to the Kilkenny cat plan.
(*B. Shaw, "The Intelligent Woman's Guide to Socialism and Capitalism", Ch. X*)

Существуют фразеологические единицы, отражающие место того или иного района, города, села в общественном производстве

или связанные с ремеслами, имеющими широкое распространение в определенных областях страны. Так возникло, например, выражение *to grin like a Cheshire cat*. Графство Чешир издавна славилось своими сырами. Клеймом фирмы, изготавливавшей один из сортов чеширского сыра, была улыбающаяся кошачья мордочка, в виде которой изображались головки сыра. Хотя данный фразеологизм появился очень давно, он стал особенно популярен после публикации книги Л. Керролла «Алиса в стране чудес».

Фразеологизмы с географическими названиями возникли по разным ассоциациям, среди которых можно отметить производственный признак, связанный с данной местностью (*to carry coals to Newcastle*), событие, происходившее в данной местности (*Donnybrook Fair* «шумное сборище, базар»). Отметим также *Shipshape and Bristol fashion*, *Canterbury story*, *Brummagem button*, *Colchester natives*, *a wise man of Gotham* и др.

11. Общая для большинства европейских стран культура средневековья оставила в английском языке много образных выражений и пословиц. *On the horns of a dilemma* «стоять перед дилеммой, перед трудным выбором» – передача схоластического термина *argumentum cornutum*; *to bell the cat* «взять на себя инициативу в опасном деле»; *the whole bag of tricks* «весь арсенал уловок, хитростей»; *bogrowed plumes* «павлиньи перья (вороны)» – из средневековых басен.

Выражения *to lick into shape* «придавать форму, вид; вымуштровывать» связано со средневековыми фольклорными представлениями о том, что медведи, облизывая своих рождающихся детенышей, придавали им нормальный облик; *to hide one's head in the sand* «прятать голову» отражает средневековое мнение о поведении испугавшегося страуса; *crocodile tears* «крокодиловы слезы» – о лицемерии крокодилов, которые якобы плачут, когда пожирают свою жертву.

Следующие образные идиоматические выражения встречаются не только в английском, но и во французском и других европейских языках:

Мореходство:

to lower one's flag
to break the ice

опустить флаг, сдаться
сделать первый шаг, нарушить молчание

to fish in troubled waters

ловить рыбу в мутной воде

Военное дело:

to beat a retreat	бить отбой
to throw down the glove	бросить перчатку, вызвать на борьбу
at the sword's point	силою оружия
to gain ground	делать успехи, продвигаться вперед

Животные, птицы, насекомые:

to take the bull by the horns	взять быка за рога
to eat out of somebody's hand	быть ручным, послушным
a bird of passage	перелетная птица
a fly on the wheel	человек, сильно преувеличивающий свое значение

Природа, жилище, ремесла:

a place in the sun	место под солнцем
to take root	укорениться, прижиться
to run to seed	пойти в семя; состариться
a new broom	«новая метла»
to make the pot boil	зарабатывать на жизнь

Развлечения, искусства:

The game is not worth the candle.	Игра не стоит свеч.
to pull the strings	пустить в ход связи; нажимать на кнопки
Neither rhyme nor reason.	Ни складу, ни ладу.

Идиомы, относящиеся к человеческому телу:

to turn someone's head	вскружить голову
to lead by the nose	вести на поводу
to turn a deaf ear	игнорировать, не обращать внимание
to show one's teeth	показывать когти; огрызаться
to make the mouth water	разжигать аппетит
tied hand and foot	связанный по рукам и ногам

«Речь не может передать все богатство человеческих ощущений, окружающей человека действительности; дать название какой-нибудь крупнице человеческого опыта уже величайшее достижение ума, но подлинно гордиться можно, когда наше представление об этой

реальной жизни удастся облечь в форму идиома, яркого и красочного, делающего окружающий мир более рельефным для нас самих и для тех, кому мы желаем передать наши мысли. Большим вкладом в язык является даже усвоение (иногда с видоизменениями) иностранного идиома... Хотя английский язык впитал больше заимствований из иностранных источников, чем мы думаем, имеется еще непечатый край прекрасных образных выражений, которые могли бы значительно обогатить его. Иноязычный идиом не будет лишним, даже если в языке уже есть собственный идиом того же значения, так как может обладать большей яркостью, красочностью, поэтичностью, оживлять передаваемое им понятие, обогащая опыт человека и познание им окружающего мира» (Смит, 1959: 141).

12. Со времени Дж. Драйдена (1631–1700) число идиом в английском языке значительно увеличилось. Особенно много фразеологизмов прибавилось в XIX в. Изучение литературы предыдущих веков возродило не только много слов, считавшихся устаревшими, но и много полузабытых фразеологических оборотов и конструкций. Именно в XIX в. вошли в повседневный обиход шекспировские выражения. Романы В. Скотта познакомили англичан со многими шотландскими поговорками. Из Америки с ее лингвистической свободой в английский язык пришло много новых колоритных идиом; словарный состав и фразеология английского языка непрерывно обогащаются в процессе свободного и интенсивного обмена.

Вот что писал о своеобразии английского языка в Америке еще в середине XIX в. журналист Томас Николс: “The language, like the country, has a certain breadth and magnitude about it. A Western man “sleeps so sound, it would take an earthquake to wake him.” He is in danger “pretty considerable much,” because “somebody was down on him, like the whole Missouri on a sand-bar.” He is a “gone coon.” He is down on all “cussed varmints,” gets into an “everlasting fix,” and holds that “the longest pole knocks down the persimmons.” A story “smells rather tall.” “Stranger,” he says, “in bar hunts I am numerous.” He says a pathetic story sunk into his feelings “like a snagged boat into the Mississippi.” He tells of a person “as cross as a bar with two cubs and a sore tail.” He “laughs like a hyena over a dead nigger.” He “walks through a fence like a falling tree through a cobweb.” He “goes the whole hog.” He raises “right smart of corn” and loves where there is “a smart chance of bars.” “Bust me wide open,” he says, “if I didn’t bulge into the creek in the twinkling of a bedpost, I was so thunderin’ savagerous.”... The southwestern man was “born in

old Kaintuck, raised in Mississippi, is death on a bar, and smartly on a painter fight." He "walks the water, out hollers the thunder, drinks the Mississippi," "calculates" that he is "the genuwine article," and that those he don't like "ain't worth shucks." He tells of "a fellow so poor and thin he had to lean up agin a saplin' to cuss." He gets "as savage as a meat axe." He "splurges about," and "blows up like a steamboat."...

American humor consists largely of exaggeration, and of strange and quaint expressions. Much that seems droll to English readers is very seriously intended. The man who described himself as "squandering about permiscuous" had no idea that his expression was funny. When he boasted of his sister — "She slings the nastiest ankle in old Kentuck," he only intended to say that she was a good dancer. To escape rapidly, west of the Mississippi, might be "to vamore quicker'n greased lightnin' down a peeled hickory." (Цит. по *The Americans / The National Experience* by Daniel Boorstin. — NY, 1965, p. 290–291).

Фразеологические единицы, относящиеся к американскому варианту, не обнаруживают каких-либо специфических структурных признаков, которые позволили бы говорить об особых способах образования фразеологизмов, присущих английскому языку в США. Напротив, они характеризуются теми же особенностями, что и обороты, возникшие в Англии.

Ряд распространенных в США фразеологических единиц по существу являются вариантами британских фразеологизмов, обнаруживая частичные расхождения в лексическом составе (*Br. E.* enough to make a cat laugh — *Am. E.* enough to make a horse laugh «умора, потеха»).

Интерес представляют те фразеологические единицы, где британцизм или общеанглийское слово заменяется частичным или полным американизмом:

<i>Br. E.</i> to lock the stable door after the horse has been stolen	принимать слишком поздно меры предосторожности
<i>Am. E.</i> to lock the barn door after the horse has been stolen	
<i>Br. E.</i> too big for one's trousers	зазнавшийся, самонадеянный
<i>Am. E.</i> too big for one's pants	

Значительная часть американской фразеологии приходится на долю образных фразеологических единств. Наиболее характерный способ их образования — метафорический перенос значения свободных словосочетаний:

to have one's wires crossed	перепутать все на свете; сойти с ума
to spill the beans	проболтаться
to hit the ceiling	быть вне себя от ярости

Многие американские фразеологические единицы были созданы путем образного переосмысления лексики, относящейся к спортивным зрелищам, преимущественно, к национальным видам спорта – бейсболу и американскому футболу:

to be off one's base	заблуждаться; быть не в своем уме
grandstand play	играть на публику
rain check	контрамарка, которую получает зритель бейсбольного матча, прерванного из-за дождя

Оборот to have a rain check употребляется, когда говорящий не может воспользоваться чьей-либо любезностью. При этом подразумевается, что при более благоприятных обстоятельствах он с удовольствием это сделает.

Много фразеологических единиц возникло из образного переосмысления лексики, относящейся к популярной в Америке игре в покер:

to cash in one's checks	покончить расчеты с жизнью, умереть
to call a bluff	разоблачить обман, уличить во лжи

Немало идиом связано с деятельностью политических партий в Америке:

to have a landslide	быть избранным подавляющим большинством голосов
whispering campaign	распространение ложных слухов о кандидатах

Во многих американских фразеологизмах, содержащих лингвострановедческий элемент, отчетливо выражена связь с историей развития страны, ее народа, национального самосознания. По существу все стороны жизни американской нации в той или иной мере отразились в созданных ею идиомах.

Так, например, период освоения дикого Запада, вызвал к жизни идиому Gone West. Первоначально, она использовалась по отношению к колонистам, отправлявшимся на исследование Пенсильвании, Огайо, Иллинойса и бесследно исчезнувшим. Позже амери-

канские ковбои применяли *Gone West* уже по отношению к любому, кто оставлял семью или работу обычно в поисках чего-либо нового и лучшего. Фразеологическая единица *to move stakes* «сниматься с места, переселяться» связана с привычкой переселенцев, застолбив свой участок, двигаться дальше в поисках лучших земель.

Основой североамериканских меховых промыслов всегда был бобер, и в некоторых частях Новой Англии состояние человека оценивалось в бобровых шкурках. Такие фразеологические единицы, как *eager beaver* «работяга», *to work like a beaver* «трудиться без устали», *busy as a beaver* «очень энергичный и занятый человек» являются отголоском этой стороны жизни первых переселенцев.

Одной из самых печальных страниц истории американской цивилизации стало использование рабского труда негров. 250-летний опыт рабовладения дал свои традиции для речи и словаря, которые до сих пор остаются основой *Black American English* и вносят, в частности, свой вклад в американскую фразеологию. Так, фразеологизм *to sell someone down the river* «предать кого-либо» пришел в язык из 30-х гг. XIX в. Первоначально это был способ наказания раба — его продавали на плантации сахарного тростника в низовьях реки Миссисипи, где, как известно, условия жизни для рабов были самые тяжелые.

Жизнь ковбоев на ранчо, разведение крупного рогатого скота, принесли в речь большое количество фразеологизмов: *to ride herd on someone* «присматривать, наблюдать за кем-либо», *hellbent for leather* «безрассудно» (о действиях, езде и т.п.), *to bite the dust* «умереть».

Значительную группу американских фразеологизмов составляют заимствования — переводы из языков местных жителей — индейцев: *to play possum* «прикидываться несведущим или непонимающим; прикидываться мертвым»; *to bury the hatchet* «заключить мир»; *to go on the warpath* «выйти на тропу войны»; *to smoke a pipe of peace*, *to put on warpaint* и т.п.

Значительное количество фразеологических единиц возникло на основе специфического языка исполнителей такого музыкального направления как джаз:

<i>to jazz something up</i>	сделать что-либо более волнующим, ярким, живым
<i>to be in the groove</i>	быть в отличной форме; делать что-либо с блеском, привлекательно
<i>when the band begins to play</i>	когда заварилась каша; когда разыгрался скандал

В политическом лексиконе США появилось много новых идиом, постепенно вытесняющих общепринятую политическую лексику. Так, фразеологизм *long hot summer* (букв. «долгое жаркое лето»), возникший в 1966 г. во время подъема борьбы негритянского населения США за свои гражданские права, часто употребляется сейчас в значении «волнения, бунты».

Whistle stop «краткое выступление кандидата во время стоянки поезда» и *whistle stop campaign* «разъездная, предвыборная агитационная кампания кандидата» вошли в повседневное употребление. Идиома *movers and shakers* «старейшие и наиболее влиятельные государственные деятели» чаще употребляется, чем *elder statesmen*.

Фразеологизмы *lunatic fringe* «экстремисты» (в политике), *favorite son* «кандидат, усиленно рекламируемый в своем штате», *to have a landslide* «быть избранным подавляющим большинством голосов» связаны с деятельностью политических партий США.

Специфическое место в американской фразеологии занимают прозвища, которые закрепились за штатами, городами, различными географическими объектами, известными лицами:

<i>The Big Apple</i>	— прозвище г. Нью-Йорк
<i>The Great White Way</i>	— прозвище Бродвея, центральной улицы Нью-Йорка
<i>The Empire State</i>	— прозвище штата Нью-Йорк
<i>The Show Me State</i>	— «Недоверчивый штат» — официальное прозвище штата Миссури
<i>Silent Cal</i>	— «Молчаливый Кэл» — прозвище 30-го президента США К. Кулиджа за молчаливый характер, скрытность в политических делах
<i>The Old Lion</i>	— «Старый Лев» — прозвище президента США Т. Рузвельта в кругу семьи

Фразеологические единицы с именем собственным, возникшие на американской почве, принципиально ничем не отличаются от британских. В состав входят имена собственные, связанные с американской действительностью, историей, литературой и т.п. Особенно богат фразеологизмами с именами собственными американский сленг. Приведем несколько примеров сленговой идиоматики с топонимами. Как правило, это субстантивные фразеологические единицы, в которых топоним выполняет функцию определения:

Arkansas lizard (в старом военном сленге) «вошь», букв. «арканзасская ящерица» (от штата Арканзас)

<i>Cape Cod turkey</i>	«треска», букв. «индейка с мыса Код»
<i>Chicago overcoat</i>	«гроб», букв. «чикагское пальто»
<i>Mississippi marbles</i>	«игральные кости»
<i>Missouri River</i>	«подливка» (<i>тюремный жаргон</i>)
<i>Port Arthur tuxedo</i>	«рабочая одежда»; букв. «смокинг из Порт-Артура»
<i>Rocky Mountain canary</i>	«осел»; букв. «канарейка Скалистых гор»

Во фразеологических оборотах с топонимами используются различные эвфонические средства, такие, например, как, аллитерация: *San Quentin quail* «привлекательная молодая девушка, за связь с которой можно угодить в тюрьму Сан-Квентин» (*San Quentin quail could put a male in San Quentin jail*). Менее распространены глагольные фразеологизмы с топонимами: *to be on the Erie* «подслушивать» (от названия озера Эри). Рассмотренные сленгизмы с топонимами убеждают в том, что для них характерно отсутствие стилистической нейтральности. Они обладают несомненной эмоциональной и экспрессивной окрашенностью, не только обозначая определенное явление, но и выражая отношение к нему говорящего. Образность передачи явления присутствует постоянно.

Таким образом, в заключение необходимо еще раз подчеркнуть разнообразие и богатство источников происхождения фразеологизмов в современном английском языке. Здесь можно выделить как исконно английские ФЕ, так и заимствованные, среди которых отмечаются как ФЕ, заимствованные из других языков путем перевода, так и ФЕ, заимствованные из американского варианта английского языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. — М., 1967.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1986.
3. Логан П. Смит. Фразеология английского языка. — М., 1959.
4. Спирс Р. А. Словарь американских идиом — М.: Русский язык, 1991.
5. *The Americans / The National Experience* by Daniel Boorstin — NY, 1965.
6. Collins V. H. *Book of English Idioms*. — Ленинград, 1960.
7. Levin B. *Enthusiasms*. — London & NY, 1983.

Глава III

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Исследуя проблему функционально-стилистической дифференциации ФЕ, можно выделить следующие пласты разного стилистического достоинства, с различной степенью литературности:

1) книжные ФЕ, стилистически приподнятые и обладающие повышенной литературностью;

2) нейтральные, т.е. стилистически нейтральные в функциональном плане, но не в плане эмоционально-экспрессивном; эти фразеологизмы обладают средней степенью литературности;

3) разговорные фразеологизмы, разговорно-сниженные, непринужденные;

4) просторечные ФЕ, внелитературные и ограниченные в употреблении.

Книжно-литературные ФЕ употребляются обычно в письменной или устной речи, которая требует строгой точности выражения мыслей: в публичных выступлениях, в разговорах, которые протекают в сугубо официальной обстановке. Употребление книжных выражений вызывается стремлением к литературной отшлифованности или изяществу речи, например: *the debt of Nature – death*.

И, наоборот, литературно-сниженные ФЕ – обычное явление в непринужденной беседе частного характера, но не выходящее за пределы общеязыковой нормы. В отшлифованной литературной речи они не употребляются в силу своей фамильярности, хотя ничего вульгарного или противоречащего требованиям этики в них нет, например: *to go to pot – to go to ruin*.

Поэтому стилистические пласты следует связывать с функциональными стилями, с устной и письменной формами литературного языка и со сферой речевого общения.

Прежде чем перейти к классификации ФЕ, остановимся на понятии стиль языка. Стиль языка можно представить как систему лексических, фразеологических и грамматических средств, выполняющих коммуникативную функцию в определенной сфере общения. И. Р. Гальперин отмечает: «... функциональный стиль языка можно определить как систему взаимообусловленных средств языка, направленных на достижение определенной цели сообщения, при этом характер взаимообусловленности этих средств является типичным только для данного конкретного типа сообщения».

Стили языка можно изучать в двух аспектах – функциональном и эмоционально-экспрессивном.

Наиболее общепринятыми функциональными стилями считаются научный, официально-деловой, художественно-беллетристический и разговорный.

Отношение функционально-стилистических пластов ФЕ и языковых стилей довольно сложно. Книжные ФЕ функционируют преимущественно в беллетристическом, публицистическом (как в устной – лекции, речи, доклады, так и в письменной форме), а также в научном стилях. Нейтральные ФЕ не имеют ограничений в употреблении, не связаны с каким-либо определенным стилем. Они используются в любой сфере человеческой деятельности, как в устной, так и в письменной речи. Разговорные ФЕ тесно связаны с разговорным стилем, являются одним из важных средств его создания, широко употребляются в различных видах устной речи и в художественных произведениях. Не чужды они и научному стилю, хотя используются в нем значительно реже. Просторечные ФЕ употребляются в непринужденной обиходно-бытовой речи и в речи малообразованных персонажей художественных произведений.

Функционально-стилистическое значение ФЕ, указывающее на отношение ФЕ к определенному функциональному стилю, создается рядом факторов: фразеологическим значением, эмоциональностью, экспрессивностью и образностью ФЕ, стилистически или тематически ведущим словом, взаимодействием компонентов ФЕ, структурно-семантическими признаками, сферой функционирования.

Но при формировании функционально-стилистического значения ФЕ основное место принадлежит компонентам. Хотя слова в ФЕ и потеряли часть своих признаков, в целом они сохраняют мно-

гие семантические, лексические, словообразовательные, грамматические и стилистические свойства.

При разграничении функционально-стилистических пластов, при определении функционально-стилистического значения ФЕ компонентный состав является решающим в большинстве случаев. При этом необходимо учитывать стилистически ведущее слово или тематическую принадлежность слова. В тех же случаях, когда компонентного состава ФЕ недостаточно для определения функционально-стилистического значения фразеологизма, необходимо принимать во внимание и другие факторы, например, сферу функционирования ФЕ. Это происходит в тех случаях, когда в результате длительного взаимодействия может измениться семантика и стилистическое значение слов-компонентов ФЕ. Следует также отметить, что между функционально-стилистическими пластами ФЕ нельзя провести абсолютно резких разграничительных линий (*hard and fast lines*). Существуют так называемые пограничные зоны между книжными и нейтральными, нейтральными и разговорными, разговорными и просторечными ФЕ. Это вполне естественно, так как степень стилистического качества каждого пласта различна. Графически функционально-стилистические пласты английских ФЕ можно представить следующим образом (см. таблицу на с. 194).

1. Нейтральные фразеологические единицы и их признаки

Анализ фразеологических пластов целесообразно начать с нейтральных ФЕ, противопоставленных стилистически окрашенным — книжным, разговорным и просторечным. Такое противопоставление вполне закономерно и общепринято в лингвистике. Затем рассматриваются книжные ФЕ, находящиеся в оппозиции к нейтральным и стоящие по степени литературности выше их, далее анализируются разговорные ФЕ. Они также находятся в оппозиции к нейтральным, располагаясь ниже их. Последними рассматриваются внелитературные просторечные ФЕ, находящиеся в оппозиции к соседним — разговорным.

К **нейтральным ФЕ** относятся фразеологизмы, обладающие средней степенью литературности и не ограниченные в употреблении. Их функционально-стилистическая нейтральность состоит в общепотребительности, в том, что они не имеют стилистической при-

поднятости или сниженности, т.е. они обладают «нулевой» стилистической окраской.

Нейтральным ФЕ свойственна нормальная литературность. В отличие от стилистически значимых ФЕ, сфера действия которых ограничена, нейтральные ФЕ функционируют во всех видах, типах и стилях устной и письменной речи. Например, если разговорная ФЕ *the deuce a bit* «ничуть» преимущественно свойственна устной речи и языку художественных произведений и отличается непосредственностью, неофициальностью, непринужденностью, то стилистически нейтральный фразеологизм *not a bit* «ничуть, ни в малейшей степени» функционирует как в письменной, так и в устной речи, независимо от вида, типа и стиля той или иной речи. Или же ФЕ сленгового характера *kick the bucket* «протянуть ноги», «сыграть в ящик», обладающая ярким эмоционально-экспрессивным значением, для которой свойственна бесцеремонность, резкость, функционирует преимущественно в обиходно-бытовой речи и в речи персонажей художественных произведений для их характеристики. Нейтральному же фразеологизму *draw one's last breath* или *breathe one's last* «испустить последний вздох, умереть» свойственна обычная и нормальная литературность.

К нейтральным ФЕ относятся так называемые устойчивые словесные группы нефразеологического характера. Они занимают промежуточное положение между ФЕ, которым свойственна устойчивость на фразеологическом уровне не ниже минимальной, раздельнооформленность словесных групп и полное или частичное переосмысление их компонентов, и переменными сочетаниями слов.

К нейтральным ФЕ относятся промежуточные образования, в которые А. В. Кунин включает первые три группы образований, обладающих различной степенью устойчивости на нефразеологическом уровне. Это:

1. устойчивые словесные группы «с коэффициентом устойчивости ниже коэффициента минимальной устойчивости на фразеологическом уровне». Сюда относятся выражения типа *to take care*, *to give offence* и др.;

2. устойчивые образования с первым компонентом существительным в притяжательном падеже – *Adam's ale* «вода», *fool's paradise* «мир фантазий»;

3. устойчивые словесные группы с буквальным значением компонентов. Например, *food for thought* «пища для размышлений», *brave as a lion* «храбрый как лев» и т.д. Сюда относятся также сочетания с

прибавочно-уточнительным значением. «Это значение появляется не в результате переосмысления всего оборота, при этом буквальное значение компонентов входит составной частью в прибавочно-уточнительное значение оборота в целом». Например, *black cap* «судейская шапочка, надеваемая судьей при вынесении смертного приговора», *cap and gown* «берет и плащ; академическая одежда».

Нейтральные ФЕ включены в толковые и фразеологические словари. Их признают В. В. Виноградов, Н. Н. Амосова, П. Г. Черемисин и др. В англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина нейтральные ФЕ и устойчивые словесные образования четко отграничиваются от книжных, разговорных и просторечных, так как не имеют помет функционально-стилистического характера, в то время как книжные, разговорные и просторечные ФЕ, в большинстве случаев, снабжены соответствующими пометами.

Нейтральные ФЕ весьма продуктивны в английском языке.

Немаловажный интерес в стилистическом исследовании ФЕ представляет вопрос о том, имеют ли ФЕ, принадлежащие к нейтральному функционально-стилистическому пласту, эмоционально-экспрессивное значение (окраску). В. Д. Девкин отмечает, что «...стерильно-чистая нейтральность практически встречается редко». Эмоционально-экспрессивное значение нейтральных ФЕ (как и других пластов ФЕ) обусловлено самой их природой: их образностью, в основе которой лежит метафоричность. Например, ФЕ *silent as the grave* «безмолвный как могила», *still as death* «мертвая тишина, гробовое молчание» нейтральны, не имеют функционально-стилистической значимости, обладают средней степенью литературности, но им свойственна эмоционально-экспрессивная окраска. В англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина мысль об эмоционально-экспрессивной значимости многих нейтральных ФЕ подтверждается тем, что многие ФЕ, не имеющие в словаре функционально-стилистических помет и относящиеся к функционально-нейтральному стилю, снабжены пометами, указывающими на их эмоционально-экспрессивную окраску: *ирон.*, *шутл.* и т.д. Например: *safe as the Bank of England* (*ирон.*); *bright and early* (*шутл.*) и др.

Нейтральные ФЕ можно назвать межстилевыми. Они используются в художественных и публицистических произведениях, в устной и письменной речи. Однако реже они употребляются в книжном, официально-деловом и в других стилях и видах речи.

Нейтральная фразеология обладает незначительным числом признаков. Как основные можно выделить: 1) лексический и 2)

структурно-синтаксический. Семантический признак во ФЕ данной группы в основном совпадает с лексическим, выраженным нейтральным словом.

Под лексическим признаком понимается ведущее слово в составе ФЕ, по которому определяется ее функционально-стилистическое значение. Лексический признак в нейтральных ФЕ наиболее показателен, так как степень спаянности компонентов в нейтральных ФЕ невелика. Это свидетельствует о том, что компоненты слова в основном сохраняют в этих ФЕ свои признаки.

Наибольшую группу нейтральной фразеологии представляют единицы, имеющие в своем составе нейтральную лексику. Например: существительные – *way, time, day, life* и глаголы – *to give, to look, to put, to take* и др.

Среди ФЕ, межстилевое значение которых обеспечивается нейтральной лексикой, широко распространены ФЕ как с прямым, так и с переносным значением.

Примеры прямого значения: *in one's own person* (собственной персоной); *call things by the proper names* (называть вещи своими именами). ФЕ с переносным значением *to go off the deep end* (волноваться, приходиться в возбуждение); *carry heavy metal* (выдвигать веские аргументы). К группе ФЕ с переносным значением можно отнести также следующие ФЕ: *read between the lines* (читать между строк); *hang in the balance* (висеть на волоске) и др. Хотя в словаре эти ФЕ не имеют помету *перен.*, они так же как и перечисленные выше обладают метафоричностью, а нейтральный состав лексики дает нам право включить их в рассматриваемую группу.

Довольно большое число ФЕ, межстилевое значение которых обеспечивается нейтральной лексикой, составляют фразеологизмы, имеющие как прямое, так и переносное значение. Например: *to lose one's balance* (потерять равновесие – *прямое*; выйти из себя – *переносное*), *to blaze the path* (прокладывать путь в лесу – *прямое*; идти новым путем, быть новатором – *переносное*).

Как уже было указано, нейтральные ФЕ находятся в оппозиции с одной стороны к книжным, с другой – к разговорным ФЕ.

В оппозитивных отношениях находятся не только отдельные ФЕ, но порой и целые фразеологические ряды.

Чтобы нагляднее продемонстрировать различие между нейтральными и разговорными ФЕ с одними и теми же ведущими словами, приведем несколько примеров:

Нейтральные:

- to give a look (посмотреть, взглянуть)
 to give a pull (потянуть, дернуть)
 to give smb his due (отдавать должное кому-либо)

Разговорные:

- to give smb a licking (поколотить кого-либо)
 to give it smb hot (задать жару)

Сниженная литературность основного компонента ФЕ to give smb a licking и яркая эмоционально-экспрессивная окраска ФЕ to give it smb hot говорят об их разговорности.

Несмотря на то, что книжная лексика не свойственна нейтральным ФЕ, ее можно встретить среди анализируемого пласта фразеологизмов. В этих ФЕ под влиянием нейтральных слов книжная лексика и книжные формы слов теряют свою повышенную литературность (нейтрализуются). В таких случаях книжные слова во ФЕ с общим нейтральным лексическим составом не в состоянии повысить их функционально-стилистическое значение до уровня книжных ФЕ. Различие между нейтральными ФЕ с книжными словами и книжными ФЕ с теми же словами ярче проявляется в оппозиции. Сравните:

Нейтральные:

- babe of love (внебрачный ребенок)
 to be in the shade (быть в тени, находиться на заднем плане)
 to tip the scale (решить исход дела)

Книжные:

- babes in Christ (новообращенные христиане)
 among the shades (в царстве теней)
 equal scale (равное положение, равновесие)

Из приведенного сопоставления видно, что в нейтральных ФЕ книжное слово окружено нейтральной лексикой, в книжных же ФЕ лексический состав выше, он книжный или повышенно-нейтральный, близкий к книжному.

Признаком нейтральных ФЕ могут быть бытовые слова. К бытовой лексике относятся слова, обозначающие предметы, явления и действия, отражающие быт, уклад жизни, ее повседневность, обычаи и нравы. Этот признак более характерен для разговорных ФЕ, так как бытовое слово несколько стилистически снижено. Однако, в отличие от разговорных, нейтральные ФЕ с бытовой лексикой не

обладают литературной сниженностью. Сравним нейтральные и разговорные ФЕ с одним и тем же ведущим словом:

Нейтральные:

to put into smb's hand (передать, вручать)
to put in one's oar (вмешиваться в чужие дела)

Разговорные:

to put on frills (важничать)
to put on the Ritz (шикарно одеваться)

Признаком нейтральности ФЕ могут служить слова, обозначающие части тела. В таких случаях они являются семантическим ядром ФЕ.

Приведем фразеологические ряды со словами, обозначающими части тела:

- eye:* to measure with one's eye (измерить кого-либо взглядом); to have one's eye on smb (глаз не спускать); to be all eyes (глядеть во все глаза); to leap to the eyes (бросаться в глаза)
- bone:* to have a bone to pick with smb (сводить счеты с кем-либо); to keep the bones green (сохранять хорошее здоровье); to make no bones about smth (не возражать против чего-либо)
- ear:* to prick up one's ears (наострить уши); to ring in one's ears (звучать в ушах); to come to smb's ears (дойти до чьих-либо ушей)
- heart:* to do one's heart good (радовать сердце); to cut smb to the heart (ранить в самое сердце); from the bottom of one's heart (из глубины души)
- hand:* to fall into good hands (попасть в хорошие руки), to give a helping hand to smb (подать руку помощи кому-либо)
- tongue:* to keep a still tongue in one's head (держат язык за зубами, помалкивать); to loose smb's tongue (развязать кому-либо язык)

Из приведенных выше примеров видно, что слова, обозначающие части тела, находятся в составе ФЕ преимущественно в окружении нейтральной лексики.

Вторым выделяемым нами признаком нейтральных ФЕ, способствующим определению их стилистического значения, является структурно-семантический, включающий в себя синтаксическое строение и синтаксические особенности ФЕ, т.е. употребление в них союзов, частиц, предлогов.

В подавляющем большинстве случаев к структурно-синтаксическим признакам относятся сочетания слов, соединенные союзом *and*. Например: *bear and forbear* (быть терпеливым и терпимым); *beer and skittles* (праздничные развлечения); сочетания с усилительно-отрицательной частицей *not*, например: *not for the world* (ни за что на свете); *not a whit* (ничуть, нисколько); сочетания с отрицанием *no*, например: *set at no price* (ни во что не ставить); а также сравнительные конструкции *as ... as*: (*As*) *fair as a rose*; (*as*) *brave as a lion*; (*as*) *free as the wind* и др.

Можно отметить, что рассматриваемые нами признаки характерны и для разговорной фразеологии, однако следует учитывать литературную сниженность разговорных ФЕ, в то время как перечисленные нейтральные фразеологизмы не обладают этим свойством. Нейтральные ФЕ со структурно-синтаксическими признаками образуются, как правило, при помощи нейтральных слов, которые и являются доминирующими при определении их функционально-стилистического значения.

Между компонентами, входящими в состав нейтральных ФЕ со союзом *and*, наблюдаются синонимические и антонимические отношения. Союз *and* интерпозитивен, например: *beauty and beast* (красавица и чудовище); *far and near* (вдоль и поперек); *day and night* (день и ночь); *thunder and lightning* (громы и молнии, резкое суждение).

Значительное число нейтральных ФЕ составляют предложные сочетания. В соответствии с семантикой компонентов они выражают тавтологические отношения. Реже они выражают синонимические или антонимические отношения. Например: *side by side* (бок о бок); *day by day* (с каждым днем); *day in day out* (изо дня в день); *from dawn to dusk* (от зари до зари).

Характерной особенностью предложных нейтральных фразеологизмов можно считать их прямое значение. Это определяет их слабую образность. Вследствие этого они находятся на периферии фразеологии.

Таким образом, в современном английском языке наряду с книжными, разговорными, просторечными существуют и нейтральные ФЕ. Нейтральность их условна. Они нейтральны в функционально-стилистическом плане, так как не имеют литературной возвышенности или сниженности, но не нейтральны в плане экспрессивно-эмоциональном.

Средняя литературность, общеупотребительность и неограниченная сфера функционирования являются их характерными особенностями. Этими признаками они отличаются от стоящих выше по степени литературности книжных ФЕ и стоящих ниже – разговорных ФЕ. Большая часть нейтральных ФЕ употребляется в переносном значении. Нейтральные ФЕ, как стилистически немаркированные, обладают двумя основными видами признаков – лексическими и структурно-синтаксическими.

Релевантными признаками нейтральных ФЕ являются лексические: очень показательны нейтральные слова, большинство анализируемых ФЕ образуется именно этим путем; значительно реже их формируют книжные слова, потерявшие во ФЕ свою высокую стилистическую окраску; редко также используются бытовые слова; довольно широко реализуется соматическая лексика.

Структурно-синтаксическими признаками нейтральных ФЕ являются сочетания слов разных частей речи с соединительным союзом *and*, сочетания с усилительно-отрицательной и отрицательной частицами *not* и *no*, а также сравнительные конструкции. Однако структурно-синтаксическими признаками обладает относительно небольшое число нейтральных ФЕ.

Сохраняя реальное лексическое значение и обладая поэтому, незначительной образностью, некоторые предложные ФЕ находятся на периферии фразеологии.

Лексический состав анализируемых ФЕ, как правило, нейтрален.

Основная сфера функционирования нейтральных ФЕ – художественная литература и устная речь, значительно реже они употребляются в книжном, официально-деловом и других стилях и видах речи.

2. Книжные фразеологические единицы и их признаки

Книжной является фразеология, обладающая повышенной литературностью и свойственная преимущественно письменной речи. Книжные ФЕ – единицы высокой языковой культуры. Они отмечены печатью строгой нормированности, традиционностью и давностью употребления. Это своего рода классическая фразеология. Большинству книжных ФЕ свойственна торжественность, поэтичность, возвышенность, научность.

Книжные ФЕ взаимодействуют с ФЕ других пластов. В процессе функционирования в научных, публицистических и художественных произведениях и в устной речи они могут употребляться в одном ряду с межстилевыми и разговорными ФЕ. Книжные ФЕ функционируют, как правило, в письменной речи, преимущественно в научном, беллетристическом, публицистическом и официально-деловом стилях. Кроме того, книжная фразеология находит большое применение в устных научных докладах, выступлениях, в речах, лекциях. Употребление книжной фразеологии вызывается стремлением к литературной отшлифованности или изяществу речи.

Книжная фразеология употребляется в разговорной речи ученых, писателей, общественных деятелей, интеллигенции. Вообще — в речи образованных людей.

Книжные ФЕ обладают рядом специфических признаков, отличающих их от других стилистических пластов ФЕ. Наиболее показательным их признаком является лексический. Однако принадлежность многих ФЕ к книжному пласту определяется и семантическим признаком.

Что касается пометы в словарях, то не все авторы употребляют помету *книжн.* В АРФС А. В. Кунина только сугубо книжные ФЕ снабжаются пометой, но помимо пометы *книжн.*, в упомянутом словаре существуют пометы поэтических, устаревших ФЕ, историзмов, а также ФЕ терминологического характера.

Группа книжных ФЕ включает в себя:

- 1) литературно-поэтические ФЕ;
- 2) устаревшие ФЕ (архаизмы);
- 3) античные ФЕ;
- 4) историзмы;
- 5) ФЕ научной речи (термины);
- 6) иноязычные ФЕ, включающие библеизмы.

Подразделяя книжные фразеологические единицы на вышеупомянутые группы, можно таким образом охарактеризовать лексические признаки каждой из них.

Как уже было отмечено, под лексическим признаком понимается ведущее (доминирующее) слово в составе фразеологизма. Так, ведущим словом литературно-поэтических ФЕ является литературное или поэтическое слово, устаревших ФЕ — архаизм, историзмов — название исторических событий, имена выдающихся деятелей, вошедших в историю, и т.д., ФЕ научной речи — термины, иноязыч-

ных ФЕ — слова, заимствованные из других языков, и т.д. Перечисленные ведущие (с точки зрения лексического признака) слова создают семантический центр ФЕ.

Например:

to hand on the <i>torch</i>	передавать знания, традиции
to cross the <i>Rubicon</i>	перейти Рубикон, принять важное решение
the valley of the shadow of death	гибель, смерть
this vale of misery	юдоль печали, юдоль слез

Литературно-поэтические фразеологические единицы, семантическим ядром которых являются поэтические слова, призваны создавать специальную, возвышенную атмосферу поэтичности, например: *to attire in apparel* (облачать в одеяния); *the silken bond* (узы любви и дружбы); *under the sod* (в могилу); *a son of the Muses* (питомец муз); *to bring to mould* (зарывать в землю).

Книжная фразеология, признак которой составляет литературное или поэтическое слово, плодотворно используется в письменной речи, в речи персонажей для их характеристики. При этом она придает возвышенность, поэтичность речи.

Группу устаревших ФЕ образуют фразеологизмы, в состав которых входят архаизмы. Эти ФЕ выходят или уже вышли из употребления. Одной из причин архаизации выражения обычно является исчезновение понятия, которое данное выражение обозначает. Например: *lady of the manor-house* (владелица феодального поместья). Иногда фразеологизм вытесняется другим, который по тем или иным причинам является более употребительным:

to meet one in the Duke's walk – to fight a duel

Как видно из приведенных примеров, именно устаревшие слова придают высокую степень литературности лексическому составу фразеологизма и определяют его стилистическое значение. В силу своей приподнятой стилистической тональности устаревшие ФЕ используются в поэтической речи. Приподнятая стилистическая тональность возникает в них благодаря известной необычности устаревших слов, неупотребительности их в обыденной речи.

Богатым источником устаревших ФЕ являются пьесы У. Шекспира, например: *to do yeoman service* (оказать своевременную помощь в нужде); *to shuffle off (this mortal coil)* (покинуть этот бренный мир, покончить счеты с жизнью); *germane to the matter* (ближе к делу) и многие другие.

Одной из составных частей книжной фразеологии является **античная фразеология**. Таким образом, к книжным относятся ФЕ, включающие в свой состав древние (греческие, латинские) имена. Это, в основном, ФЕ мифологического характера, например: *the cask of Danaides* (бочка Данаид, бездонная бочка); *Achilles' hill* (ахиллесова пята; слабое, легко уязвимое место); *the Islands of the Blessed* (острова блаженных), а также ФЕ типа: *the Age of Reason* (век рационализма); *the Augustan age* (век Августа, золотой век литературы и искусства).

К книжным относятся ФЕ, связанные с историческими факторами. Историзмы — исконно английские ФЕ, с четко выраженным лингвострановедческим характером, так как в них запечатлена народная память об отдельных исторических событиях, о морях, игравших выдающуюся роль на различных этапах жизни страны. В эту же группу входят и фразеологизмы, связанные с парламентом, судом, армией.

Например: *to accept the Chiltern Hundreds* (слагать с себя полномочия члена парламента); *the curse of Scotland* (проклятие Шотландии; девятка бубен — по сходству с гербом графа Далримпла Стейр, вызвавшего ненависть в Шотландии своей проанглийской политикой); *the Newgate Calendar* («справочник Ньюгейтской тюрьмы», где помещены биографии преступников, заключенных в Ньюгейтскую тюрьму).

Ярким примером **историзмов** являются названия законов, принятых в различные периоды развития страны, например: *Bill of Rights* — Билль о правах.

Ряд ФЕ данной группы (например, *the Wars of the Roses*) представляют собой чистые историзмы и употребляются только в прямом значении.

В перечисленных примерах книжность создается наличием в их лексическом составе слов-компонентов, отражающих непосредственно какой-либо факт истории и относящихся к группе слов с повышенной степенью литературности, однако в данном случае необходимо принимать во внимание и семантический признак (фак-

тор). Например, сухую педантку, лишенную женственности, называют «синим чулком» — a blue stocking (*мж.* blue-stockings). Происхождение этой ФЕ связано с существовавшими в середине XVII в. в Лондоне литературными салонами. Гостями этих модных салонов бывали известные ученые, поэты, художники, что придавало этим встречам атмосферу учености, создавало посещавшим салоны дамам славу передовых мыслящих женщин, интересующихся прежде всего наукой. Посетив один из таких салонов, голландский адмирал Боскавен назвал его «собранием синих чулок», так как один из гостей, известный ученый Стиллингфлит, появлялся в этом салоне в синих чулках. Так, в результате сначала метонимического, а затем метафорического переноса появилось новое фразеологическое выражение, относящееся к нейтральному слою, благодаря лексическому наполнению (все компоненты — нейтральные слова), значению и сфере употребления.

Таким образом, сфера употребления, перенос значения играют не последнюю роль в классификации ФЕ, связанных с историческими фактами.

Следующая, выделяемая группа — **фразеологические единицы научной речи**. В данную группу (как и в историзмы) также включаются ФЕ терминологического характера, связанные с государственным устройством Великобритании, ее территориальным делением, различными государственными институтами и т.д. ФЕ данной группы мы делим на несколько подгрупп.

1) **ФЕ с политическими терминами**. Сюда относятся фразеологизмы, связанные с парламентом, традиции которого восходят еще к саксонским временам. Традиции английского парламента, его история широко и ярко отражены в английской фразеологии. Английские ФЕ описывают аксессуары и традиции парламента. Они связаны с названиями различных постов, занимаемых членами парламента. Например: титул геральдмейстера, существующий с 1350 г. — Black Rod (Черный жезл) *сокр.* от Gentleman Usher of the Black Rod and Sergeant-at-Arms. Lords Temporal «светские лорды», группа, включающая в себя наследных пэров, лордов, получивших этот титул вместе с должностью (the Law Lords), и пожизненных пэров (лиц, получивших титул барона, который дает право быть членом Палаты лордов, но не передается по наследству).

Выражение Members above the gangway обозначает министров, бывших министров и рядовых членов парламента, тесно связанных

с официальной политикой своих партий. Членов парламента, мало связанных с официальной политикой своих партий, называют *Members below the gangway*. Оба выражения связаны с местами, занимаемыми данными группами членов Палаты общин.

ФЕ, описывающие процедуры внесения, рассмотрения и принятия законопроектов, также относятся к рассматриваемой подгруппе книжных ФЕ, например: *a Bill* – проект закона. Наиболее важные законопроекты рассматриваются вначале в Палате общин. После объявления о внесении билля на обсуждение Палаты (*the first reading of the bill*), его отпечатанный текст распространяют среди членов палаты. В том случае, когда правительство просит Палату общин заранее назначить сроки, в течение которых будут приняты решения по всем поправкам законопроекта, и решение о времени голосования принято, то говорят: *the guillotine fell*.

Язык членов парламента также богат книжными фразеологизмами. Обращаясь к кому-либо из членов парламента или упоминая о нем во время выступления, его называют *My honourable friend* (мой почтенный друг) (при обращении между членами одной и той же партии), *the honourable gentleman* (почтенный джентльмен) (при обращении к политическому оппоненту).

Неизменная, нерушимая, возведенная в закон вежливость столь крепко связана с представлением людей о парламенте, что грубые, резкие выражения получили название *unparliamentary language* («непарламентские» выражения).

2) В следующую подгруппу **книжных ФЕ** терминологического характера мы включаем **фразеологизмы, связанные с английским судом и судопроизводством, ФЕ с терминами юриспруденции и права**. Эти ФЕ описывают некоторые обычаи и традиции, присущие судопроизводству в Великобритании, некоторые факты из истории английского суда. Сюда относятся такие выражения, как *accessory after the fact* (косвенный соучастник), *accessory before the fact* (прямой соучастник); *the burden of proof* (бремя доказательств); *amicable action* (судебное дело, возбужденное с согласия обеих сторон); *to plead guilty* (признать себя виновным).

3) **ФЕ с научными терминами** (астрономия, биология, зоология, химия, экономика и т.д.). Например: *floating capital* (оборотный капитал); *primitive accumulation* (первоначальное накопление); *rate of profit* (норма прибыли); *conditioned/unconditioned reflex* (условный/безусловный рефлекс); *the survival of the fittest* (естественный отбор) и др.

4) В следующую подгруппу включены **ФЕ с военными терминами**: to come out of action (выйти из боя); the main body (главные силы); breach of arrest (самовольный уход из-под ареста); the brunt of a battle (главный удар противника).

5) **ФЕ с терминами мореходства**: to hit the beach (пристать к берегу, высадиться); under canvas (под парусами); high water mark (высшая точка прилива).

6) **ФЕ с медицинскими терминами**: to feel the pulse of (щупать пульс); twilight sleep (способ обезболивания родов).

7) **ФЕ с коммерческими и финансовыми терминами**: balance one's accounts (подводить баланс); short bill (краткосрочный вексель); to strike a bargain (заключить сделку); on the plus side of the account (на приходе счета).

8) **ФЕ со спортивными терминами**: to be on one's back (быть положенным на обе лопатки); to sell one's back (дать себя победить противнику за деньги).

9) **ФЕ с терминами сельского хозяйства**: to break fresh ground (поднимать целину); to lie fallow (остаться под паром (о земле)).

10) **ФЕ с театральными терминами**: to play to sarcacity (делать полные сборы); stock actor (актер, входящий в постоянную труппу).

Итак, **ФЕ с терминами** – это выражения, которыми обозначают понятия, связанные с различными отраслями науки, с техникой, политикой. Перечисленные выражения в основном лишены дополнительного стилистического значения (экспрессивного, эмоционального, оценочного), хотя иногда могут приобретать в тексте определенную стилистическую окраску, служить тем или иным стилистическим целям. В основном **ФЕ терминологического характера** моносемантичны. Однако в процессе функционирования в речи термины приобретают дополнительные значения, метафорически переосмысливаются. Часто такое дополнительное значение находит отражение в словарях. Этот процесс можно назвать детерминологизацией. Например: фразеологизм to take the helm of имеет буквальное значение «взяться за руль», но со временем данный фразеологизм получил дополнительное значение «взять бразды правления в свои руки». Можно привести целый ряд подобных **ФЕ**: to rest on one's oars (букв. «перестать грести», перен. «бездействовать, почивать на лаврах»); to take in tow (букв. «брать на буксир», перен. «иметь кого-либо на своем попечении») и т.д.

В процессе детерминологизации меняется значение ФЕ. В силу вступает семантический фактор, и ФЕ могут перейти в другие стилистические пласты: в нейтральный и даже в разговорный.

К пласту книжной фразеологии относятся ФЕ, в компонентный состав которых входят **иноязычные слова** (и даже целые выражения), сохраняющие свои особенности иностранных слов, т.е. не подвергшиеся фонетическому и грамматическому преобразованию в английском языке. Например: *mot juste* (the exact word); *to stage a coup d'état* (совершить государственный переворот).

В английском языке функционируют не только ФЕ с иностранными словами, но и целые заимствованные обороты речи. Они довольно широко распространены. Многие из них настолько ассимилировались в английском языке, вклинились в английскую речь, что их трудно отличить от английских. Значительное число заимствованных ФЕ функционирует в английском языке в виде цитат, без перевода. Например: *marriage de convenance* (брак по расчету); *homme d'esprit* (*фр.* остроумный человек).

К заимствованным относятся латинские, греческие, французские, немецкие и другие ФЕ, относящиеся, как правило, к пласту книжной фразеологии. Вместе с тем, многие иноязычные ФЕ переведены на английский язык и, благодаря этому, стали более известными и употребительными. Например: *blood and iron* (железо и кровь, беспощадное применение силы); *one's place in the sun* (место под солнцем, право на существование); *the knight of the Rueful Countenance* (рыцарь печального образа, Дон Кихот); *Alnaschar dream* (пустые мечты, фантазия).

Большое место в книжной фразеологии принадлежит **фразеологическим единицам библейского характера**. Семантический центр этих выражений – слова библейского характера («библейзмы»). Такие ФЕ существуют в языках всех стран, история которых в той или иной мере связана с христианством. Однако никакой другой язык не испытал на себе такого заметного влияния Библии, как английский. Не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы древнееврейских и греческих идиомов) вошли в английский язык со страниц Библии. Аллюзии к библейскому тексту – весьма распространенное явление в английской литературе. Выражение *the massacre (или slaughter) of the innocents* (избиение младенцев) появилось в связи с библейской легендой о правлении царя Ирода в Вифлееме. Узнав, что

новорожденный чудесный младенец (Иисус) должен стать царем Вифлеема, разгневанный Ирод приказал своим солдатам убить в городе всех детей до двух лет. Помимо употребления в своем основном значении — когда говорят о жестоком обращении с детьми, — данное выражение приобрело еще одно, имеющее узкую сферу употребления: так в парламенте называют нерассмотрение законопроектов ввиду недостатка времени (в конце парламентской сессии): *The reform got the sanction of the House prior to the Massacre of the Innocents.*

К выражениям библейского характера принадлежат и *filthy lucre* (презренный металл, деньги), *prodigal son* (блудный сын) и др. Как видно из приведенных примеров, библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями. Их лексический состав имеет довольно широкую степень литературности. Однако, получив широкое распространение в языке, библейские выражения приобретают новые коннотативные значения и начинают функционировать в различных видах и типах речи, переходят в нейтральный пласт, а иногда и в разговорный. Проследим судьбу идиоматического выражения *the Ten Commandments* — десять заповедей. Своим происхождением данное выражение обязано Библии, Ветхому Завету. Десять заповедей — правил — Господь передал Моисею на горе Синай. В настоящее время выражение *the ten commandments* в значении «десять заповедей», «общеизвестные, избитые и бесполезные истины» употребляются иронически. Еще два значения этой ФЕ — «ногти 10 пальцев» (особенно у женщин) и, как результат метонимического переноса, — «следы от ногтей, царапины» получили известность и стали популярны благодаря использованию их У. Шекспиром во II части трагедии «Генрих VI».

Следует отметить, что фразеологизмы библейского происхождения не являются застывшими цитатами. Они подвергаются различным видам обновлений, от них могут образовываться производные. Примером подобных выражений могут являться *to strengthen smb's hand* (или *hands*) = *to strengthen the hand* (или *hands*) of *smb* (укреплять чье-либо положение); *the voice of one crying in the wilderness* = *a voice crying out in the wilderness*; *a voice crying in the wilderness*; *a voice in the wilderness* (глас вопиющего в пустыне).

Таким образом, с течением времени библейские заимствования становятся все более тесно связанными с английским языком. Можно, вероятно, говорить уже о тенденции к полному «растворению» подобных ФЕ в массе идиоматических выражений чисто английс-

кого происхождения и о пронизывании ими других функционально-стилистических пластов.

Тем не менее, существует часть ФЕ с библейскими словами в качестве их компонентов, обладающими высокой степенью литературности. Компонентный состав подобных ФЕ играет важную роль при функционально-стилистической классификации и является отличительной чертой книжных ФЕ.

Показательными признаками книжных ФЕ являются также семантические признаки. Под семантическими признаками понимается общее значение ФЕ, определяющее ее стилистическую окраску. Частично эти признаки были проанализированы выше.

Что касается структурно-синтаксических признаков, то следует отметить, что они не показательны для книжных ФЕ.

Стилистическую особенность семантики книжных ФЕ составляют повышенная литературность, строгая нормированность, преимущественная принадлежность письменной речи. Их стилистическая принадлежность во многом определяется сложными глубинными семантическими изменениями, которые происходят во фразеологизмах в результате взаимодействия компонентов. Показателем книжности ФЕ является их лексический состав, имеющий высокую степень литературности.

Во фразеологические единицы данной группы в виде составляющих их компонентов входят, например, следующие слова:

книжные: maiden, associate, retire, commence, infant;

поэтические: reck (забота, внимание), bosom (грудь);

архаизмы: troth (верность, преданность), troth-plight (обручение), losel (никчемный, негодный человек);

имена из античной литературы: Achilles, Cassandra, Styx, Stygian, Cerberus;

историзмы: mace (булава, жезл), yeoman (йомен), goblet (кубок) и др.;

термины: habitat (родина, место распространения растения, животного), species (вид), myopia (близорукость), accumulation (накопление) и др.;

слова и выражения библейского характера.

Таким образом, различные группы слов довольно высокой литературности создают общую семантическую структуру ФЕ, которая и определяет книжность анализируемых ФЕ.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее:

1. Книжная фразеология продуктивна в современном английском языке.

2. Наиболее характерными признаками, отличающими книжные ФЕ от ФЕ других стилистических пластов, являются лексические. Литературно-поэтические, устаревшие, заимствованные книжные слова, историзмы и античные имена составляют семантическое ядро книжных ФЕ.

3. К книжным относится большинство заимствованных ФЕ беспереводных и переведенных на английский язык. При определении стилистического значения книжных ФЕ немалую роль играет происхождение ФЕ: среди книжных отмечается много библейских и церковных фразеологизмов.

4. Структурно-синтаксические признаки непоказательны для книжной фразеологии.

5. Книжность ФЕ в основном заложена в их семантической структуре. Лексический состав таких ФЕ имеет довольно высокую степень литературности, что создает их стилистическую приподнятость.

6. Немаловажную роль в ограничении ФЕ книжного характера играет семантика данных фразеологизмов. С изменением значения меняется стилистическая принадлежность ФЕ, т.е. из книжного пласта отдельные фразеологизмы, получившие дополнительные значения, могут перемещаться в другие стилистические пласты: в нейтральный и даже в разговорный и входить таким образом в общий фразеологический фонд английского языка.

7. Книжные ФЕ используются, в основном, в письменной речи, чаще в беллетристическом стиле и реже в научном и публицистическом, а также в устных научных докладах, речах, лекциях, требующих строгой точности выражения мыслей.

3. Разговорные фразеологические единицы и их признаки

К разговорным относятся литературные, несколько сниженные ФЕ, преимущественно свойственные устной речи и языку художественных произведений и отличающиеся непосредственностью, неофициальностью, непринужденностью. Литературная сниженность, свойственная разговорным ФЕ, является их семантическим признаком.

Для различных групп разговорных ФЕ характерны такие семантико-стилистические признаки, как бытовой характер, обыденность,

некоторая вольность, неприязательность, незначительная развязность, резкость или, наоборот, подчеркнутая интимная смягченность.

Разговорная фразеология представляет собой наиболее распространенный стилистический пласт ФЕ. Развитие языка происходит в живой речи, поэтому естественно, что разговорная фразеология, возникшая и функционирующая в этой речи, наиболее распространена по сравнению с другими пластами, например, по сравнению с книжными и просторечными.

По степени литературности разговорная фразеология противопоставляется, с одной стороны, стоящей выше ее нейтральной фразеологии, с другой – нелитературной, просторечной.

Если говорить об эмоционально-экспрессивном значении, то можно отметить, что разговорные ФЕ обладают повышенной экспрессивностью и эмоциональностью.

Живым неиссякаемым источником разговорной фразеологии была и остается образная народная речь.

Разговорные ФЕ обладают рядом признаков: лексическими, структурно-синтаксическим, семантическими. Однако наиболее существенными признаками разговорных ФЕ можно считать лексические. Среди них наличие в компонентном составе разговорных слов, слов-компонентов, одно из значений которых разговорное, бытовых слов, наименований растений и животных и др. Слова указанных стилистических и тематических групп образуют семантическое ядро разговорных ФЕ.

Характерный признак анализируемых ФЕ состоит в том, что в их состав обычно входят слова с конкретным значением, имеющие «заметную экспрессивную окраску». Например: *fed to the teeth* (надоело, осточертело, сыт по горло); *not to have a bean* (не иметь ни гроша); *to crack a bottle* (распить с кем-либо бутылочку). В основе многих разговорных ФЕ лежит конкретный наглядный образ.

В основном ФЕ, отличительную особенность которых составляет лексический признак, снабжены в словарях пометой *разг.*

Характерным признаком анализируемых ФЕ является наличие в их компонентном составе литературно-сниженного, стилистически значимого разговорного слова. Такое слово снижает стилистическое значение всего фразеологизма, например: *a bit of fat* (неожиданная удача); *to run to fat* (жиреть, толстеть); *to be on the booze* (пьянствовать).

Разговорную стилистическую окраску придают ФЕ именно эти разговорные слова или слова, употребляемые в разговорном значении. Другие компоненты ФЕ могут быть нейтральными, но вместе с

разговорными (стержневыми) они составляют однородный, несколько литературно-сниженный стилевой тон.

Например, в следующих разговорных ФЕ семантическим центром является слово, одно из значений которого — разговорное: to bring home the bacon (преуспеть, добиться успеха); слово *bacon* в данном случае выступает в своем разговорном значении — «награда», «прибыль». Оно является семантическим ядром ФЕ to bring home the bacon и придает ей разговорную стилистическую окраску, т.е. дает нам право отнести данный фразеологизм к функционально-стилистическому пласту разговорных ФЕ. К данной группе относятся и такие ФЕ, как to give smb a baby to hold (связать кому-либо руки); to get a bit on smb (обмануть, надуть кого-либо); the devil a bit (ничуть, черта с два).

Нередко показателем разговорности ФЕ является наличие в ее компонентном составе негрубого просторечного слова. Это слово снижает литературность ФЕ, но не до уровня просторечного, а до уровня разговорного слоя/пласта. Например: to sling the bat (говорить на иностранном языке), где слово *bat* — просторечное, относящееся к группе арготизмов, но не грубое, а поэтому оно снижает значение ФЕ лишь до разговорного стиля. Аналогичными примерами могут служить следующие ФЕ: to give smb beans (взгреть, всыпать, задать жару); a bit of all right (вполне подходящий человек или предмет); to spill the beans (выдать секрет, проболтаться).

Один из ярких показателей разговорных ФЕ — наличие в них бытового слова. Бытовая лексика не имеет четких границ, однако это не может служить основанием для того, чтобы ее не выделять.

Бытовые слова в составе разговорных ФЕ часто употребляются в переносном значении. Здесь необходимо отметить, что не все ФЕ, включающие в свой состав бытовые слова, оказываются разговорными. Незначительное их число, не имея литературной сниженности, относится к нейтральным. Например: a storm in a tea cup (буря в стакане воды). В данном выражении весь компонентный состав — нейтрален. Все слова употреблены в их прямом (нейтральном) значении. С точки зрения общего значения ФЕ, оно метафорично, эмоционально в пределах литературной нормы. В данном случае литературной сниженности не наблюдается.

Фразеологизмы же с бытовой лексикой типа liquid fire (крепкие спиртные напитки); to mop the floor with smb (иметь кого-либо в полном подчинении); to punish a bottle (распить бутылочку); one's cup of tea (тот, кто нравится; то, что нравится; что делаешь с удо-

вольствием) относятся к разговорному пласту, имеют ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску. В них не только метафоризировано все выражение, но и компоненты употреблены в переносном значении.

В современном английском языке функционируют ФЕ со словами, близкими к бытовым: названия одежды, средств передвижения, построек, продуктов питания, денежных единиц, степеней родства, лиц, явлений и предметов окружающей действительности, а также имена собственные, т.е. то, что окружает человека в повседневной жизни. Данная лексика является семантико-стилистическим ядром ФЕ. Именно она прежде всего определяет фразеологическое значение и функционально-стилистическую принадлежность ФЕ, т.е. образует стилевой тон ФЕ, например: *to dust smb's coat* (поколотить, сильно избить, всыпать по первое число); *to go it boots* (действовать быстро и энергично); *to move one's boots* (уходить, отпрапляться); *to set one's cap at smb* (завлекать кого-либо); *to miss the bus* (упустить возможность, потерпеть неудачу); *rogue house* (тюрьма, «каталажка»); *hard cheese* (неудача) и многие другие.

Среди разговорных ФЕ отмечается группа фразеологизмов с широко распространенными английскими именами, употребляемыми в речи ежедневно. Такие английские имена, как *Betty, Tom, Jack, John, Mary* (*Magia*) и др., стали носителями определенных черт характера людей.

Отголоском старинного обычая называть людей, принадлежащих к той или иной профессии, каким-либо одним именем, звучит фразеологизм *Tom Tailor*, обозначающий человека или людей, занимающихся портняжным ремеслом.

Примером выразительных прозвищ можно считать: *Fat Belly* (толстяк); *Bag of Bones* (худой человек); *Walking Lamppost* (худой, длинный человек, ср. *русск.* «жердь ходячая»); *Fire Head* (рыжий). Такие широко известные в английском детском фольклоре рифмующиеся прозвища, как: *Georgie Porgie, Peter Pumpkin-Eater, Lanky Panky*. В данных примерах характерным признаком отнесения этих фразеологизмов-прозвищ к разговорному слою является в большей степени фонетический, а затем уже лексический (лексико-семантический).

Использование прозвищ, в которых их создатели пытались отразить определенные черты характера, заслуги человека, его достоинства или недостатки, имеет многовековую историю в английском языке. Подчеркивая большую выразительность прозвищ и кли-

чек, И. Р. Гальперин отмечает: «Известно, какую сильную эмоциональную нагрузку обычно несет на себе кличка. Она, подмечая какую-нибудь *случайную*, но характерную черту, прилипает к человеку, иногда успешно конкурируя с собственным именем».

Необходимо отметить, что существующие в английском языке прозвища в основном употребляются в устной речи, в общении людей.

Однако, использование прозвищ различных политических деятелей — широко распространенный экспрессивный прием современной английской и американской печати, особенно в так называемой массовой прессе. Тяга к ярким выразительным прозвищам вызвана желанием газеты приблизиться к «человеку с улицы», заговорить его языком, а с другой стороны, по словам Э. Ф. Телень, «обусловленность стремлением газеты скомпрометировать или, наоборот, поддержать идею или человека, не прибегая к логическим доводам». Так, Маргарет Тэтчер (Margaret Thatcher), бывший премьер-министр консервативного правительства Великобритании, известна как Peggy Thatcher, Iron Lady (of British Politics), Cold War Witch, Thatcher the Snatcher (это прозвище М. Тэтчер получила потому, что будучи министром просвещения в правительстве Э. Хита, приняла решение об отмене бесплатной выдачи молока школьникам), The Grocer's Daughter (это прозвище можно рассматривать как намек на ее социальное происхождение).

Бывший консервативный премьер-министр Великобритании Эдвард Хит (Edward Heath) был известен под многими прозвищами — True-Blue Ted (светло-синий цвет — символ консервативной партии), Skipper Heath (намек на увлечение Э. Хита яхтами). Министр финансов в правительстве Э. Хита — Р. Дженкинс (R. Jenkins) — имел прозвище Jenkins the Purse. Премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан (H. Macmillan) после того, как в 1962 г. провел «большую чистку» своего кабинета, заставив подать в отставку семь министров, получил прозвище Mac the Knife (по аналогии с персонажем «Трехгрошевой оперы» Б. Брехта).

Остановимся на прозвищах, относящихся к географическим объектам — топонимам-прозвищам в английской фразеологии. Топоним-прозвище представляет собой дополнительное, неосновное название географического объекта, сосуществующее с его основным, официальным наименованием. Называя один и тот же объект, топоним-прозвище и официальное наименование принадлежат к различным сферам употребления и отличаются друг от друга степенью эмоциональной насыщенности. Среди топонимов-прозвищ мож-

но выделить две категории: а) неофициально-разговорные и б) книжно-литературные.

Неофициально-разговорные топонимы-прозвища могут быть известны как ограниченному кругу потребителей, так и наоборот, получать широкое распространение. Так, Orchard Valley превращается по созвучию в насмешливо-ироническое Torture Valley (долина пыток); Auld Reekie (*шотл.разг.* – «Старый дымокур» – Эдинбург); Big Windy (Чикаго); Big Apple (Нью-Йорк); Big “D” (Даллас). Эти прозвища общеизвестны во всех странах английского языка.

В перечисленных прозвищах отражается стремление людей не только описать реальные свойства человека или характерные черты географического объекта, но и дать ему определенную социальную (нередко насмешливую) оценку. Характерными признаками этих разговорных прозвищ являются лексические, семантические и фонетические.

В современном английском языке функционируют ФЕ, в основе которых лежит представление о предметах растительного и животного мира. В их состав входят слова, обозначающие названия растений и их частей, плодов, овощей, фруктов, животных, птиц, рыб и т.д. Подавляющее большинство этих слов имеет более сниженное переносное значение и в результате создается разговорная стилистическая окраска ФЕ. Названия растений и животных представляют семантическое ядро анализируемых ФЕ. Например: to act the goat (вести себя глупо, валять дурака); to sell smb a pup (надуть при продаже, одурачить); the cow with the iron tail (аппарат для фальсификации молока); the cat jumps (дело принимает серьезный оборот); dogs in blanket (сосиски, запеченные в тесте); that cat won't jump (этот номер не пройдет); to be nuts on smb (очень нравиться, доставлять большое удовольствие кому-либо); to hand smb a lemon (надуть, обмануть кого-либо); a bull in a china shop (очень неуклюжий, неловкий человек); Irish bull (чушь, нелепость); to make an ass of oneself (делать из себя дурака). В этих ФЕ наблюдается процесс «символической метафоризации».

Основным признаком, характеризующим перечисленные ФЕ как разговорные, является лексико-семантический. В основе их лежат «народные символы». Они являются образным отражением народного духа, народного мышления.

Таким образом:

1. Разговорные ФЕ представляют многочисленный пласт современного английского языка. Внушительны многочисленные лексиче-

ческие признаки данных ФЕ: разговорные, редко просторечные слова-компоненты, бытовая лексика, близкая к бытовой лексика.

2. Среди ФЕ со словами, близкими к бытовым, выделяются тематические группы: ФЕ со словами, обозначающими наименования одежды, средств передвижения, продукты питания, постройки и др. Эти ФЕ всегда употребляются в переносном значении.

3. Характерный признак разговорных ФЕ состоит в наличии в их компонентном составе соматического слова.

4. К лексическим признакам разговорных ФЕ относятся слова-зоонимы, в основе которых лежит символическая метафоризация.

5. Для определения функционально-стилистического значения ФЕ данной группы лексические признаки выступают вместе с семантическими, а в некоторых случаях и с фонетическими. Несмотря на то, что в их компонентный состав входит нейтральная лексика, многие ФЕ благодаря образности, разговорно-стилистической окраске, сфере употребления относятся к разговорному функционально-стилистическому пласту.

4. Просторечные фразеологические единицы и их признаки

К просторечным относятся внелитературные, негрубые, грубоватые и грубые ФЕ, обычно обладающие яркой экспрессивностью и функционирующие преимущественно в обиходно-бытовой речи и в речи некоторых персонажей художественных произведений. Многим из них свойственна резкость, бесцеремонность. Анализируемые ФЕ не употребляются в научном, деловом и профессионально-техническом стилях.

Рассматриваемые ФЕ тесно связаны с просторечием, являясь его составной частью. Просторечия представляют собой один из видов общенародного языка.

Просторечную фразеологию, как и лексику, часто объединяют с разговорной, тогда ее называют разговорно-просторечной. Подобное объединение недопустимо, и термины «просторечная фразеология» наиболее приемлемы и точны.

Просторечные ФЕ широко распространены в английском языке. Академик Л. В. Щерба, называя просторечные слова и выражения «отрицательным языковым материалом», подчеркивал его огромную роль, указывая на необходимость его изучения, ибо этот материал представляет собой источник нарушения и изменения

норм и принимает активное участие в создании языковой системы.

Однако степень грубости просторечных ФЕ различна. Одни не грубы, безобидны, близки к разговорным, например: a lad of wax (чудный парень); to gun rig upon smb (сыграть с кем-либо шутку), другие грубоваты, например: to be off one's base (не все дома, быть не в своем уме); to get the bounce (быть выгнанным с работы, вылететь), третьи грубы: to be off one's beam (спянуть, рехнуться); not a bloody one (ни одной собаки, ни души); bloody liar (страшный лгун). Существование негрубых просторечных слов и ФЕ дало, видимо, повод некоторым лингвистам не разграничивать разговорные и просторечные языковые явления.

Мы разграничиваем просторечные и разговорные ФЕ, принимая во внимание следующие три обстоятельства:

1. Просторечные ФЕ нелитературны, разговорные ФЕ литературны.

2. Просторечные ФЕ содержат в своем компонентном составе более сниженную лексику.

3. Просторечные ФЕ более эмоциональны и экспрессивны, чем разговорные.

Таким образом, сфера функционирования ФЕ может создаваться различными лексическими средствами: наличием в их составе сленговых, бранных, вульгарных, грубых слов-компонентов, а также слов-диалектизмов и жаргонных слов. Следовательно, все перечисленные лексические единицы являются закономерно семантическим центром следующих подгрупп:

- 1) сленговых ФЕ,
- 2) вульгаризмов, т.е. ФЕ с грубыми и бранными словами,
- 3) ФЕ с диалектизмами,
- 4) ФЕ с арготизмами.

1. К сленговым ФЕ относятся фразеологизмы, в компонентный состав которых входит сленгизм, являющийся их семантическим центром. Проанализировав определения сленга, данные как отечественными, так и зарубежными лингвистами, можно предложить следующее рабочее определение сленга: сленг — это некоторая совокупность и использование языковых средств лексического, морфологического, фонетического и частично синтаксического порядка, служащих целям экспрессивной коммуникации, с особой долей субъективно-оценочных содержаний, повышенной эмоциональной окраски и некоторыми другими видами дополнительных значений,

используемых главным образом в устной речи. Сленг есть лексический слой, состоящий из слов и выражений с полным специфическим набором узуальных коннотаций, отличающихся от своих нейтральных синонимов именно этими коннотациями.

Наличие в компонентном составе ФЕ сленгизма резко снижает стилистическую окраску ФЕ. Сравним:

a bit off one's head (разг.) — be off one's base (sl.) (быть не в своем уме, не все дома)

to go fifty-fifty (разг.) — to go cahoots (sl.) (делить поровну)

Большая часть сленговых слов-компонентов ФЕ употребляется в переносном значении, что способствует яркой образности. Например: to kiss the baby (пропустить рюмочку); to get beans (быть наказанным, избитым; досталось на орехи); pig between two sheets (a ham sandwich).

Фразеологизмы, относящиеся к сленгу, — широко употребляемые выражения, которые часто имеют эквиваленты как в разговорном, так и в нейтральном пластах (и даже в книжном), например: one's best girl (нейтр.) — sugar baby (sl.) (возлюбленная); to breathe one's last (нейтр.) — to cut one's cable (sl.) (умереть); to spill the beans (разг.) — to blow the gab (sl.) (проболтаться, выдать секрет); to strike the ball under the line (разг.) — to go flop (sl.) (потерпеть неудачу) и др.

Причина возникновения ФЕ, относящихся к сленгу, заключается в стремлении отклониться от стандарта. Когда такое новое выражение начинает широко употребляться в силу каких-либо достоинств — выразительности, способности представить какой-то новый оттенок мысли, а не просто потому что это выражение необычно, то оно может выйти за пределы сленга и стать либо разговорным, либо даже стилистически нейтральным устойчивым выражением.

2. Признаком просторечных ФЕ являются грубые и бранные слова-компоненты. Вследствие грубости бранная фразеология составляет отдельную, лимитированную группу «вульгаризмов».

Вульгаризмы — выражения, считающиеся слишком резкими, оскорбительными, и потому они недопустимы в речи. Помимо бранной и грубой лексики, в состав вульгаризмов входит бытовая и — шире — нейтральная лексика, например: to cut the crackle (хватит болтать, ближе к делу); not a bloody one (ни одной собаки, ни души).

Просторечность ФЕ, относящихся к вульгаризмам, может достигаться не только грубым или бранным словом, но и фразеологической семантикой, чрезвычайно сниженной окраской всех ФЕ,

Например: *to lay under one's belt* (набить живот); *strike me blind if...* (лопни мои глаза, если...).

3. Существенный признак некоторых просторечных ФЕ составляют диалектные слова-компоненты.

Употребление диалектизмов в речи (при наличии общенациональной языковой среды) выступает обычно как социальный признак, т.е. как признак принадлежности говорящего к людям, лишенным доступа к образованию, как признак провинциализма.

Помимо диалектных слов-компонентов в состав ФЕ рассматриваемой группы входит нейтральная и бытовая лексика. Например: *a little ways* (вместо "a little way") (недалеко); *go thy ways* (идите, отправляйтесь; принимайтесь за дело); *come thy ways* (к делу); *sight unseen* (заглазно, за глаза); *a smart few* (довольно много) и др.

Диалектизмы употребляются в эмотивной прозе и очень редко в других стилях. Но и здесь, употребляясь только в речи персонажей, они служат лишь для их характеристики. В основном диалектизмы присущи устной речи.

1. Признаком просторечных ФЕ является наличие в их составе слов-компонентов жаргонного характера. Они образуют семантический центр жаргонных ФЕ, или арготизмов. Арготизмами являются выражения, которые неофициальны, внелитературны и употребляются в речи представителей соответствующей профессиональной группы. Важно отметить, что просторечность ФЕ данной группы создается не столько за счет наличия жаргонных слов-компонентов, сколько общей семантикой ФЕ, особой сочетаемостью и сложными смысловыми отношениями компонентов.

Арготизмы можно подразделить на группы, обязанные своим происхождением определенным социальным слоям, определенным профессиям. Сюда относятся военные арготизмы: *to put in a bag* (убить); *the Black Maria* (немецкий дымовой снаряд); арготизмы мореходства: *to sham Abraham* (симулировать); *to tap the admiral* (тайком тянуть спиртное через соломинку); *deep sea turkey* (треска); арготизмы, обязанные своим происхождением другим профессиональным группам: боксерский жаргон: *to chuck up the sponge* (признать себя побежденным); арготизмы, связанные с авиацией: *to hit the silk* (прыгнуть с парашютом); студенческий жаргон: *to cut a lecture* (сбежать с лекций); школьный: *to sock a spook at smb* (показать «длинный нос» кому-либо); театральный: *fat part* (выигрышная роль) и др.

Арготизмы оживляют разговор на профессиональные темы, устраняют ту неизбежную официальность, которая связана со стро-

гим соблюдением специальной терминологии, которая может быть утомительной при повседневном общении людей друг с другом в производственной обстановке.

Особое место среди арготизмов английского языка занимает тайный воровской жаргон, жаргон деклассированных элементов, причиной создания и обновления которого является стремление сделать речь непонятной. Согласно специфике назначения тайного воровского жаргона, он не может рассматриваться как стилистическое явление, так как выступает не как средство повышения выразительности, а как средство зашифровки.

О стилистической окраске выражений из воровского жаргона можно говорить лишь в тех случаях, когда они из речи деклассированных элементов проникают в общенародный язык. Например: *to pluck a pigeon* (обобрать, «остричь» простака, ободрать как липку); *to make smb squeal* (вымогать деньги у кого-либо; шантажировать).

Стилистическим использованием выражений воровского жаргона является его употребление в художественной литературе в целях речевой характеристики персонажей.

Распространяясь за пределы профессионального круга арготизмы могут переходить в ряд разговорных ФЕ и ФЕ, относящихся к сленгу. Такие ФЕ могут быть уместны в любой речевой среде. Например: *to play second fiddle* (играть вторую скрипку); *to cross smb's bows* (рассердить, разозлить).

Помимо лексических признаков, просторечные ФЕ обладают особенностями структурно-синтаксического строения. К таким особенностям относятся сочетания с союзом *and*, предложные, императивные и др. Однако нельзя сказать, что эти признаки являются доминирующими при классификации. Просторечность в этих ФЕ создается при помощи компонентного состава и общей сниженной, внелитературной семантической структуры ФЕ.

Примером подобных ФЕ могут служить следующие:

1) сочетания с союзом *and*:

to cut and run – спастись бегством, улепетывать;

to rap and rent – обчистить;

2) эллиптические сочетания:

I'll be blowed if... – провалиться мне на этом месте...

3) императивные ФЕ:

Tip us your fin! – Вашу лапу!;

Beat it! – Катись!

4) предложные сочетания:

admiral of the red – пьяница с красным носом;

bunch of fives – пятерня, кулак.

В некоторых фразеологизмах решающими показателями, по которым можно отнести ФЕ к просторечным, являются фонетические и морфологические признаки. Семантические их особенности заключаются в том, что они, как правило, не грубы и не имеют резкой отрицательной эмоционально-экспрессивной окраски, которая свойственна большинству просторечных ФЕ.

Примерами ФЕ, в которых при классификации учитываются в первую очередь фонетические признаки можно считать: *gotta it hot (got it hot) (разг.)* «получить взбучку»; *one's cuppa tea (one's cup of tea)* «тот, кто нравится».

Формирование просторечных ФЕ данной подгруппы происходит за счет фонетических изменений отдельных компонентов ФЕ.

Примерами просторечных ФЕ, в которых при классификации доминирующими являются морфологические признаки, можно считать: *to keep bach (bachelor)* «вести холостяцкий образ жизни»; *to take one's davy ("davy" – искаженное affidavit)* «показать под присягой»; *a bit of fluff (stuff)* «молодая женщина, девушка»; *go thy way (go your way)* «принимайся за дело».

Особенностями морфологического признака являются: а) просторечное формообразование разных частей речи в составе ФЕ, б) употребление устаревших форм слов в составе ФЕ.

В современном английском языке широко распространены ФЕ, просторечность которых определяется семантическим путем. По семантическому признаку к просторечным относятся такие ФЕ, внелитературность, резкая стилистическая сниженность которых создаются не лексическими, не фонетическими и не морфологическими средствами, а общей сниженной семантикой ФЕ в целом, его семантической структурой. Большинство семантически просторечных ФЕ свойственно переносное значение. Просторечность многих ФЕ может создаваться грубоватым или грубым переносным значением слова, преимущественно с бытовой предметной семантикой. Лексический состав семантически просторечных ФЕ обычно нейтральный. Но иногда в их состав могут входить и разговорные слова. Примерами ФЕ этой подгруппы могут служить: *a bit of jam* (хорошенькая девушка); *barrel house* (трактир, пивная); *to get the bag* («вылететь» с работы) и др.

Пронализировав вышесказанное, приходим к следующим видам:

1. Просторечные ФЕ имеют ограниченную сферу функционирования: они употребляются в непринужденной речи и в речи малообразованных персонажей художественных произведений (как средство их характеристики).

2. Существенные лексические признаки просторечных ФЕ – слова сленгового характера, грубые и бранные слова, слова-диалектизмы и жаргонные слова.

3. Структурно-синтаксические признаки просторечных ФЕ в основном не отличаются от вышерассмотренных пластов ФЕ. Просторечное значение ФЕ создается не структурными признаками, а наличием в их составе просторечных слов-компонентов и общей внелитературной семантикой ФЕ.

4. В целом лексический состав просторечных ФЕ значительно литературно сниженный по сравнению с лексическим составом разговорных ФЕ.

5. Существуют ФЕ, просторечность которых создают фонетические особенности, т.е. формирование просторечных ФЕ происходит за счет фонетических изменений отдельных компонентов ФЕ.

6. Часть ФЕ, которые относятся к разряду просторечных, классифицируются подобным образом из-за их морфологических средств: устаревших форм слов и просторечных форм слов.

7. Значительную часть в разряде просторечных ФЕ занимают фразеологизмы, просторечность которых образуется общим сниженным фразеологическим значением, т.е. в основе их классификации лежит семантический признак.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – Л., 1973.
2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1947.
3. Виноградов В. В. (1946) Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
4. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М., 1980.
5. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М., 1973.
6. Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи. – М., 1977.
7. Galperin I. R. Stylistics. – М., 1977.

Глава IV

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1. Семантическая структура фразеологических единиц

1.1. Коннотация как иллокутивный потенциал

Каждая фразеологическая единица неповторима в плане своей номинативной ценности. ФЕ содержит не только большой объем дополнительной информации о характере поступков, поведении человека, но также и особую характерологическую эмоциональную оценку обозначаемого. В аспекте номинации природа коннотации фразеологизмов занимает особое место. Коннотативный аспект значения играет ведущую роль в семантической структуре фразеологизмов: осложненность семантики ФЕ происходит, главным образом, благодаря преобладающей роли коннотативного аспекта значения. Коннотация представляет собой важный (если не ведущий) компонент содержательной структуры фразеологизма и во многом определяет его информативную ценность.

Коннотация – проблема, занимающая умы лингвистов более 100 лет, за которые менялся подход к ее определению. Однозначного понимания явления коннотации не существует и в современной лингвистике. Диапазон расхождения взглядов на проблему коннотации очень широк – от «узкого» отождествления с интенсификаторами, эмоциональной доминантой, стилистического созначения до стилистического, эмотивного и прагматического значений. Коннотация также трактуется как «эмоциональные наслоения», «потенциальные признаки», «лексический фон».

Проблема коннотации, в которой заложены элементы семантической динамики, привлекает внимание ученых различных направлений. К сегодняшнему дню известны различные теории коннота-

ции: семиотическая, психологическая, лингвистическая, основателем которой является Ш. Балли и которая представлена тремя ответвлениями: стилистическим, лексикологическим и страноведческим.

Согласно наиболее распространенному лексикологическому подходу, в коннотативный аспект значения входят четыре компонента коннотации: эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический. При этом коннотация определяется как «комплексное со-значение».

По нашему мнению, коннотация — это макрокомпонент семантической структуры, вбирающий в себя всю информацию — стилистическую, оценочную и эмоциональную, которые вместе создают содержание, традиционно соотносимое с понятием экспрессивности, или экспрессивной функции языка. Иными словами, коннотация — это **семантическая сущность, входящая в семантику языковых единиц и создающая экспрессивный эффект высказывания.**

Таким образом, понимая коннотацию как комплекс всех сигналов, направленных на эмоциональное воздействие на реципиента и возбуждающих то или иное отношение к описываемому объекту, можно констатировать, что она является средством экспрессивности фразеологических единиц.

В. В. Виноградов, придавая большое значение экспрессии слов и выражений, отмечает, что «предметно-логическое значение... окрашено особой экспрессивной атмосферой... . Экспрессивная насыщенность выражения зависит от его значения, от внушительности его внутренней формы, от степени его смысловой насыщенности в общей духовной атмосфере данной среды и данного времени».

Экспрессия представляет собой различные оттенки выразительной силы языкового знака. Экспрессивные же средства служат усилению выразительности и изобразительности как при выражении эмоций, отношений, воли, так и при выражении мысли.

Экспрессивность фразеологической единицы — это ее способность производить на реципиента определенный прагматический эффект, для достижения которого в речи могут использоваться самые разнообразные языковые средства. Экспрессивность ФЕ тесно связана с оценочно-эмотивным компонентом коннотации.

Если экспрессивность — это речевая характеристика ФЕ, то эмоциональность — семантическая составляющая фразеологизма, его «эмоциональный потенциал», реализация которого в речи может обеспечить целенаправленное воздействие субъекта речи на адресата.

Эмоции — важный стимул человеческой деятельности. «Могучая динамическая сила» в жизни человека. Эмоции влияют на поведение человека, его отношение к окружающему миру, к людям, с которыми он общается. Вся полнота жизни отражается в чувствах, эмоциях человека, «ум, лишенный эмоциональности, был бы искусственен, выхолощен» (Белинский).

Эмоции — всецело продукт социального развития и воспитания. Чувства и эмоции, которые испытывает человек, возникают в процессе общения, совместной деятельности людей в самых различных областях жизни.

Эмоциональность — это выражение чувств-отношений в форме эмоционально-объективных оценок говорящего, отраженных и закрепленных в семантике языкового знака как одна из семантических составляющих (макросем).

Выражение эмоциональности представляется в двух видах: физиологическом и коммуникативном, т.е. она существует как «вне языка», так и «в языке». Коммуникативная эмоциональность, в свою очередь, может выражаться двумя способами: неязыковым, передаваемым «околоязыковыми» или параязыковыми средствами, и языковым, передаваемым лингвистическими средствами. Паралингвистические и лингвистические средства представляют язык эмоций (эмотивный язык), или эмоциональную экспрессию.

Языковая эмоциональность — междисциплинарная проблема. Она тесно связана с психолингвистикой — влиянием психических факторов на языковые явления, с прагмалингвистикой — речевым воздействием субъекта речи на адресата, с социолингвистикой — влиянием социальных факторов на язык, а также с теорией речевых актов, которая, по словам Г. В. Колшанского, есть ни что иное как сама коммуникативная лингвистика.

Как известно, основными аспектами коммуникативной функции языка являются: 1) информативная, или референциальная, объективная, не имеющая отношения к эмоциональной сфере человеческого сознания (сообщение, уведомление, констатация), и 2) эмотивная, дающая возможность говорящему выразить свои эмоции, силу чувств, разного рода отношения, впечатления и т.д., т.е. личные чувства и отношения говорящего, субъективную сторону человеческого мышления.

Однако в процессе коммуникации ни та, ни другая функции в чистом виде невозможны, они всегда взаимопроникаемы. Коммуникативный акт ориентирован на реализацию глобального замыс-

ла автора, на воплощение конкретной цели, которые должны быть адекватно интерпретированы адресатом.

Никакая эмоция не может быть оценочно нейтральной¹.

Объективный мир членится человеком с точки зрения его ценностного характера. По существу все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве предметных ценностей как объектов ценностного отношения, т.е. оцениваться в плане добра и зла, истины и неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д.

Ценностные отношения закреплены в языковых структурах. Оценка, как ценностный аспект значения, присутствует в самых различных языковых выражениях. Она представляет собой реакцию субъекта на объект в плане его соответствия определенной норме. Оценка организуется вокруг оппозиций: правильно/неправильно, хорошо/плохо, приятно/неприятно и т.д. Подобная оценка всегда представляет собой сознательный мыслительный акт.

Проникновение в значение языковой единицы квалификативной деятельности сознания и выражение в нем эмотивных реакций субъекта речи на обозначаемое им выражают его (субъекта) эмотивно-оценочное отношение, которое может быть охарактеризовано как эмоциональная в своей основе и опосредованная сознанием особого рода субъективно-оценочная модальность в диапазоне одобрение/неодобрение (в их эмоциональной разновидности), что противопоставляется аксиологической модальности в диапазоне хорошо/плохо.

Модальность, составляющая содержание эмоционального компонента коннотации, связана с выражением эмотивно-оценочного отношения субъекта речи к свойствам обозначаемого и называется эмотивно-оценочной. Она образуется посредством совмещения рациональной (денотативной) и эмоциональной (коннотативной) оценок и возбуждает у реципиента определенные мысли, оценки, стремления, действия.

¹ В современной психологии эмоции рассматриваются как особая форма отношения к предметам и явлениям действительности, обусловленная их соответствием или несоответствием потребностям человека (А. А. Смирнов, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн). Эмоции являются субъективной формой оценки предметов и явлений действительности, и они тесно связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности.

Предметное значение фразеологизма перестает быть основным, коннотативно-прагматическое выдвигается на передний план. Семантика ФЕ сливается с ее прагматикой.

В лингвистике термин «прагматика» употребляется неоднозначно. В данной работе под прагматикой понимается закрепленное в языковой единице отношение говорящего 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату. С прагматическими, в широком смысле, факторами связаны 1) объективная оценка, 2) эмоциональная оценка, 3) стилистическая маркировка как сигнал социально обусловленного регламента речи.

Коннотативно-прагматический аспект фразеологического аспекта не получил еще достаточного освещения в лингвистике, его место в общем значении ФЕ также недостаточно изучено, поэтому представляется целесообразным остановиться более подробно на этом вопросе.

Оценочный аспект в семантике фразеологических единиц

Язык отражает мир с различных сторон. Прежде всего он представляет объективную действительность, предметы, свойства, действия человека с его мыслями, чувствами, поступками и их отношения. Он также отражает взаимодействие человека и окружающего его мира в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный. Объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера, что обусловлено социальными факторами и весьма сложным образом отражено в языковых структурах.

Как ценностный аспект значения, оценка присутствует в самых разных языковых выражениях и структурно может быть представлена как $A \text{ г } B$, где A — субъект оценки, B — ее объект, а $г$ — оценочное отношение, выраженное в диапазоне «хорошо»/«плохо» (+/–). Естественно, что между двумя оценочными полюсами располагается целая гамма оценок, различающаяся по степени положительности и отрицательности.

Фразеологические единицы, являясь разновидностью фольклора — микрофольклором, — несут в себе совокупный общественный опыт, отражают своеобразие быта и жизни народа, структуры обыденного житейского сознания, национально-культурную специфику языка, «конденсируя весь сложный комплекс культуры и психологии данного народа, неповторимый способ его образного мышления» (Л. И. Ройзензон). Фразеологические единицы отражают от-

ношение народа к явлениям окружающей действительности, тесно связаны с его жизнью. Всякое же отношение к действительности является не только оценочным, но и, в конечном счете, деятельностным, практическим. При помощи оценочных фразеологических единиц квалифицируется деятельность, состояние, качество индивидуума с позиций социальной нормы. Они оценивают человека с точки зрения физических, психических, морально-этических, интеллектуальных качеств, характеризуют его в отношении социальной принадлежности, рода занятий, возраста и жизненного опыта, родственных связей и т.п.

Фразеологические единицы обладают социальной направленностью. Явления, именуемые ими, могут быть социально либо положительными, либо отрицательными.

Таким образом, фразеологические единицы создаются и употребляются не с целью описания, не с целью вычленения действительности, а с целью ввести представление о ценности обозначаемого, они говорят о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным.

А. А. Потебня видел в языке и даже в отдельном слове зародыш произведения искусства. «Слово имеет все свойства художественного произведения». Народ думает словом и понимает определенные жизненные явления, когда создает слова «растяпа», «разгильдяй», «грязнуля», «прощельга» и др. В такого рода словах не безразличное обозначение предмета, а такой же суровый приговор, как в любой обличительной комедии (А. В. Чичерин).

Во фразеологизме, больше чем в слове, проявляются характеристики, свойства, качества объекта. Например, *to stir up a hornet's nest* «разворошить осиное гнездо», «разворошить что-либо, что может принести вред окружающим» (плохо, оценка со знаком «-»); *a one-track mind* «ограниченный ум» (плохо — «-»); согласно общепринятой точке зрения на умственные способности людей, чем шире мыслит человек, тем лучше; *to look like a million dollars* «прекрасно выглядеть» — хорошо («+»); *to milk the bull* «попусту тратить время» — плохо («-»), так как, согласно социальным нормам, ценится эффективный труд. В данных случаях при помощи оценки квалифицируется то, что есть в мире. Эта квалификация фиксируется в нормативной деятельности, объективируется как предмет обозначения. Подобная оценка (рациональная) включена в денотативное значение, неразрывно связана с дескрипцией, с отражаемым образом мира. В рассмотренных примерах оценку можно представить как

один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. Оценочная модальность определяется фразеологизмом в целом и является компонентом высказывания. Оценочная модальность — это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией, точнее — каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию в соответствии со стандартом бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки (В. Н. Телия).

Анализ показывает, что оценочная семантика во фразеологических единицах является облигаторной, представляет неотъемлемую часть их значения (to run one's head into the lion's mouth «подвергать себя опасности, риску», «класть голову в пасть льва» — плохо «—»; dead as a doornail «глух как пень» — («—»); to be off one's head «сойти с ума» — («—»); dull as ditch water «скучный» — («—»); to be in a jam; to be in a hole «быть в затруднительном положении» — («—»); not to care a button for smb, not to care twopence for smb, not to care a bean «наплевать на кого-либо» — («—»); to sweep under the map/carpet/rug «закрывать дело, скрывать, замалчивать что-либо» — плохо («—»).

Выделенные положительная («+») и отрицательная («—») оценки — рациональное отношение к миру, помогающее ориентироваться в ценностной системе окружающего человека мира. Это рациональное обозначение того, что имеется в мире как «плохое» (a scorpion bite) или «хорошее» (walking encyclopaedia), сверхинтенсивное (to gain cats and dogs) и недостаточно интенсивное (a snail's pace), ограниченное целями практической ориентации и отображающее рационально-оценочную интерпретацию действительности.

Однако на этом семантика ФЕ не завершается. Как уже отмечалось, фразеологические единицы — это сложные семантические образования сообщающие не только о мире, но и, одновременно с этим, об отношении субъекта к названному. Естественно, все это можно выразить и другими способами, описательными средствами, не обладающими коннотацией, поэтому менее экспрессивными. Фразеологические единицы, в которых коннотативный аспект значения выдвигается на первый план, позволяют выразить отношение субъекта к миру семантически и материально экономно, так как в одном выражении наблюдается совмещение и номинативной, и прагматической функций, а условием коммуникативно-прагматического успеха является апелляция к эмоциональному восприятию сообщения.

Сравните слово *to die* и фразеологические единицы *to kick the bucket*; *to join the majority*; *to pass away*; *to turn one's toe*; *to join the angels*; *to go west* и т.д. (ср. русск. «умереть», «сыграть в ящик», «уйти в мир иной», «скончаться», «откинуть копыта/коньки» и т.д., где глагол «умереть» описывает суть событий – «перестать жить», что объективно плохо). В данном случае оценка включена в денотативный аспект значения, не обладающий коннотативным макрокомпонентом. В значении фразеологических единиц *to kick the bucket*; *to join the majority*; *to pass away*; *to turn one's toe*; *to join the angels*; *to go west* помимо того, что человек перестал жить («плохо»/«—») сообщается еще и информация об отношении субъекта речи к этому событию, которая имеет прагматическую значимость. Эта информация важна не для практической ориентации, а для выражения эмоциональной реакции субъекта на данное событие. Эмоциональное состояние говорящего позволяет ему выбрать именно эту (определенную), а не иную единицу, и таким образом выразить как свое эмотивное отношение, так и вызвать подобное же отношение у воспринимающего.

Эмоции являются субъективной формой оценки предметов и явлений действительности. Они тесно связаны с потребностями человека, лежащими в основе мотивов его деятельности. Средства языка, используемые для выражения эмоциональных состояний, синхронных с мотивацией деятельности, — это системные средства эмоциональной оценки, прошедшей через фильтр сознания.

Эмоциональная оценка выступает в двух антонимических вариантах: положительном (мелиоративном) эмоциональном и отрицательном (пейоративном) эмоциональном. Эмоциональная оценка — это эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому, выдаваемое за признак оцениваемого объекта. Предметом объективации во фразеологических единицах служит не мир, а отношение, отображающее ту или иную форму эмотивной реакции объекта на обозначаемое.

При этом эмоциональная оценка включает целый ряд аллосем: одобрение/неодобрение, ласкательность/грубость, удовольствие/неудовольствие, восхищение/отвращение, похвала/порицание и т.д. Необходимо отметить, что отрицательные эмоциональные оценки разнообразнее положительных, а количество отрицательно-оценочных фразеологических единиц значительно превышает количество фразеологических единиц с положительной оценкой, что свидетельствует о том, что к фразеологизмам чаще прибегают для оценки неадекватного

поведения, чем для одобрения позитивного. Вместе с этим, отрицательные эмоции, как правило, сильнее положительных, прочнее удерживаются в памяти народа и находят свое выражение в языке.

Именно прорыв эмоционального, лично переживаемого, собственно субъективного отношения к обозначаемому и составляет эффект экспрессивно окрашенного значения ФЕ.

Экспрессия на уровне словаря (узуальная экспрессия) есть информация о сохранении за языковой единицей способности быть для рецептора выразительной вне зависимости от ее окружения в потоке речи, это потенция, заложенная во ФЕ и реализуемая в процессе коммуникации, это реализация коннотаций ФЕ, в которых не последнюю роль играет прагматический аспект. Об экспрессивности языковых знаков Г. Клаус пишет: «Хотя языковые знаки и производятся людьми, это не есть единственное предназначение знаков. С помощью языковых знаков необходимо также заинтересовать собеседника в том, чтобы он принял участие в акте коммуникации. Это может быть достигнуто, например, использованием языковых знаков, апеллирующих к определенным чувствам, желаниям, надеждам партнера по беседе».

Экспрессивность ФЕ неразрывно связана с прагматикой речи, так как в них и через них отображается эмотивное отношение субъекта речи к человеку, его внешнему или внутреннему миру. Экспрессивная функция фразеологических единиц заключена в их способности выражать субъективную модальность. С экспрессивностью неразрывно связаны следующие виды субъективной модальности: чисто эмоциональное отношение к обозначаемому (положительное или отрицательное); кваликативно-оценочное отношение к обозначаемому (основанное на отклонении от качественного или количественного стандарта бытия, вызывающее положительную или отрицательную оценку); социальные реакции на обозначаемое (связанные с нормами употребления языковых средств, нарушение которых вызывает положительный или отрицательный социально-речевой эффект).

1.2. Роль образности в формировании коннотативной модальности фразеологических единиц

Образы возникают в сознании каждого человека: их источник — окружающий нас мир. Субъект воспринимает окружающий его мир не безразлично, выражая то или иное отношение к нему. По словам В. А. Лекторского, воспринимаемый мир — это форма существова-

ния схемы мира в той или иной модальности. Во фразеологической единице оценка, эмотивная модальность связаны с миром интерпретатора, а не с объективной ценностью того, что имеет место вне данного субъекта.

В рамках социально-исторического развития на основе практической деятельности возникает предметный смысл образа. Каждый человек смотрит на мир «глазами общества», и его представление носит предметно-осмысленный характер.

Толчком для создания того или иного фразеологизма служили какие-то конкретные представления, пробуждающие, вызывающие деятельность воображения. Каждое движение человеческой мысли включает в себя ассоциативные связи, и не случайно И. П. Павлов писал: «ничего в разуме нет, кроме ассоциаций». Ассоциации играют большую роль в возникновении коннотаций. Через совокупность ассоциаций всегда проявляется отношение к предмету реальности как у говорящего, так и, соответственно, у слушающего, воспринимающего; то отношение, которое было заложено во фразеологизм при его создании, и обусловлено различным функциональным назначением фразеологической единицы.

При создании фразеологической единицы творец отталкивается от той картины мира, которая ему близка, которая ассоциируется с определенными чертами реалии, жизни, деятельности. Образность основана на ассоциациях, которые всегда сопутствуют процессам мышления и неразрывно связаны с коннотацией.

Уже само умение создавать идиоматические выражения указывает на то, что их творец осознает ту роль, которую играют ассоциативные механизмы в формировании и функционировании языковой картины мира. Фразеологическое значение свершается только при наличии образа или другой мотивации.

Благодаря потенциальной возможности человека схватить, обнаружить в открывающемся перед ним мире самую сущность вещей и явлений, образ во фразеологических единицах всегда редуцирован. Он не является зеркальным отражением ситуации, в нем выделяется некая определенная сущность, специфическая черта, гештальт, т.е. то, что является основным в представляемой ситуации, в отражаемой картине мира. Она также является ведущей для эмоционального воздействия на адресата, вызывая в его душе переживание, а, следовательно, и экспрессивный эффект, который достигается передачей эмоционально окрашенного субъективно-оценочного отношения автора (творца) к миру.

Называя человека hog «боров» (a hog at the table; hog in armour), мы не ассоциируем его с образом борова вообще, а с определенным представлением о борове, о неприятных качествах, присущих ему: неуклюжесть, неблагодарный нрав, нечистоплотность, что выражает и соответствующее пейоративно-эмотивное отношение говорящего к объекту, на который направлено высказывание. Являясь «реакцией на мир изнутри», эмоция возникает как ответ на образ. Это подтверждает положение о том, что прагматическая интенция заложена в самой глубинной сущности фразеологических единиц, в их коннотациях. Значение фразеологических единиц неразрывно связано с прагматикой. Оценка же (как рациональная, так и эмоциональная) как элемент прагматики содержательно присутствует в значении ФЕ и, вероятно, представляет собой фразеологическую универсалию для идиом с признаковым типом семантики.

Коннотативная модальность идиом (эмотивно-оценочная) ориентирована на образ, эмотивно-оценочное отношение в них создается за счет образа. Во всех приведенных выше примерах (a hog at the table, hog in armour, pigs in clover, to make a pig of oneself и т.п.) «вести себя так, поступать так, как если бы был свиньей», этот образ обладал теми же качествами: низкий, грязный, подлый и т.д. По шкале оценок — только отрицательный диапазон. Образ, вызванный сложнейшим спектром ассоциаций, идущих от исходного слова (hog) в первичном значении, в сочетании с еще одним ассоциируемым образом (во вторичной номинации), накладывающийся на знак вторичной номинации, имеет цель выражение эмоционального отношения говорящего к предмету речи — к характеристике лица, явления, поведения и т.д. Маркер фиктивности «как если бы» актуализирует образ, образ, в свою очередь, вызывает эмотивную модальность, которая обязательно выражает отношение говорящего к предмету речи. Например:

“Eh, remember the Councils of Action in 1920. They were something different. All over England to stop the war against the Soviet Union. And what did Lloyd George do? He *squealed like a stuck pig*. Soviets, he said, these Councils of Action are Soviets. And he stopped the war against Russia, double quick!” (J. Lindsay)

Употребление фразеологизма to squeal like a stuck pig «визжать как свинья недорезанная» — подчеркивает отрицательное, пренебрежительное отношение говорящего к Ллойд Джорджу.

При создании подобного фразеологизма творец отталкивается от той картины мира, которая ему близка, ассоциируется с опреде-

ленными чертами реалий жизни, деятельности. Рассмотренный фразеологизм употребляется не ради того, чтобы уточнить смысл громкого крика, но для того чтобы выразить порицание, осуждение поведению человека, т.е. содержание включает в себе данные для ответа на вопросы типа «какой», «как», а не «что» и «что делает». Таким образом, цель употребления данного образа — выражение эмоционального отношения к объекту речи через характеристику, или характеристик его действий.

Эмоциональная (коннотативная) оценка, представленная эмоционально-оценочным отношением к объекту, и образность неразрывно связаны, так же как связаны характеристика лица, предмета или явления и отношение к ним человека. Образность — это мотив (основа) эмоциональной оценки и, следовательно, экспрессивности, необходимая составляющая в семантике фразеологических единиц, ориентированных на эмотивный эффект.

При рассмотрении ФЕ *at a snail's gallop* «двигаться очень медленно» (как если бы был улиткой) создается наглядное представление о способе передвижения. Воспринимаемый образ характеризует не только способ передвижения, но и усиливает, подчеркивает, интенсифицирует степень скорости передвижения.

Когда мы говорим «он движется как черепаха», мы характеризуем способ передвижения: «как?» — «очень медленно», что относительно общепризнанного стереотипа движения имеет знак минус («-»), в диапазоне «хорошо»/«плохо». На эту оценку наслаивается субъективная модальность, отражающая чувства/отношения говорящего к такому способу передвижения, в диапазоне «одобрение»/«неодобрение», связанная с выражением эмотивно-оценочного отношения к предмету речи (говорящий обычно не одобряет подобное передвижение), что, в свою очередь, оказывает определенное воздействие на окружающих. В зависимости от ситуации фразеологизм может вызывать презрительное, пренебрежительное отношение к такому человеку. В ситуации может быть представлена широкая гамма эмоционального состояния X-а (говорящего), что вызывает соответственное эмотивное отношение к Y-у (характеризуемому объекту); в данном случае — превосходство X-а над Y-ом в физическом измерении и, в связи с этим, пренебрежительное отношение к нему.

Во всех рассмотренных определениях образности общим является наличие семантической двуплановости, разнообразие связей между двумя смысловыми планами. Образность также трактуется

как результат переименования референта, при котором языковая единица содержит два семантических плана, как преломление абстрактного в конкретных ощущениях, созданное средствами языка двуплановое изображение, основанное на представлении одного предмета через другой, одного явления через другое, как совмещенное видение двух картин.

За счет чего же возникает подобное одновременное видение? Этот процесс происходит за счет отсылки к внеязыковой действительности, а также за счет одновременного «прочтения», осознания внутренней формы и значения фразеологизма.

Внутренняя форма несет «сигналы», которые актуализируются благодаря тому, что фоновые знания об обозначаемом входят в «ассоциативно-образный фокус» (В. Н. Телия).

Благодаря ассоциативно-образному прочтению внутренней формы (например: *to have a cylinder missing* «винтика не хватает», *scorpion bile* «низкопробное виски», *walking corpse* «ходячий труп», *at a snail's pace* «очень медленно», (ср. «черепашьим шагом») фразеологические единицы производят определенный прагматический экспрессивный эффект.

Таким образом, понятие образности во фразеологии неразрывно связано с понятием внутренней формы. Образ — та сущность, которая принадлежит смыслу ФЕ как узуальная или окказиональная внутренняя форма.

1.3. Внутренняя форма как мотивирующее основание коннотации

Понятие внутренней формы — понятие сложное, привлекающее к себе внимание и имеющее различную интерпретацию. Затрагивая большой комплекс вопросов, связанных с проблемами сущности языка, В. Гумбольдт одним из первых выдвигает проблему внутренней формы, которую он так же, как и всю свою лингвистическую концепцию, основывает на неразрывной связи с «духом народа». По его мнению, язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык — трудно себе представить что-либо более тождественное.

В понятие «дух народа» В. Гумбольдт включает психический склад народа, его образ мыслей, философию, науку, искусство, литературу, т.е. все, что определяет мировоззрение этого народа, находит отражение в языке. Гумбольдт стремится представить внутреннюю форму как специфический для данного языка способ объединения зву-

кового материала и психического содержания — «духа народа». Он считает, что «дух народа» сперва объективируется во внутренней форме, а затем уже выражается с помощью языка.

В. Гумбольдт разграничил внешнюю и внутреннюю формы языка. Такое деление можно связать с выделением Гумбольдтом двух субстанций: внешняя форма является звуковой формой и представляет внешний, материальный аспект, а внутренняя форма является формальной организацией психической, ментальной субстанции, представляющей нематериальный, идеальный аспект; язык — единство материального и идеального.

Рассмотрев концепцию В. Гумбольдта, нельзя не отметить важность того, что Гумбольдт обрисовал место внутренней формы языка и в какой-то мере охарактеризовал ее природу. Его теорию можно считать отправной точкой в исследовании данного понятия.

Преимственность между взглядами А. А. Потебни и В. Гумбольдта не вызывает сомнений. А. А. Потебня также придерживается взглядов о том, что дух народа проявляется в языке, в традициях, обычаях, нравах, песнопениях, в фольклорном творчестве. Однако, соглашаясь с тем, что дух без языка невозможен, А. А. Потебня придает духу иное истолкование, иной смысл — смысл «сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова».

Говоря о связи языка и мышления, о мышлении и понимании, А. А. Потебня вводит понятие чувственного образа познаваемых предметов и понятий о них. В каждом образе преобладает какой-нибудь признак — центр образа, который, по словам А. А. Потебни, и есть внутренняя форма. Однако внутренняя форма выступает у А. А. Потебни не только как «центр образа», она вместе с этим и обобщает какие-то признаки предмета, создавая из них единство образа, давая значение этому единству. Таким образом, внутренняя форма есть не образ предмета, а «образ образа».

П. А. Флоренский, выделяя внешнюю форму слова (план выражения) и внутреннюю (план содержания), уподобляет внешнюю форму слова телу организма, внутреннюю же форму он сравнивает с душой. «...Душу слова образует объективное его значение, содержащее сколько угодно признаков, имеющее полутона духовной окраски, ассоциативные обертоны, это целый мир смысла, тут свои пропасти и вершины...».

В современной лингвистике существуют различные точки зрения на природу и сущность внутренней формы. Традиционными

являются определения внутренней формы как прямого значения исходных оборотов, как технического признака номинации или как признака, мотивирующего связь между производящим словом и производным. Внутренняя форма фразеологических единиц рассматривается как словесный образ, который лег в основу наименования, как конкретное представление или как элемент конкретного представления, легшего в основу фразеологического значения. Внутреннюю форму приравнивают к значению переменного словосочетания, лежащего в основе ФЕ, определяют как семантическую мотивированность ФЕ. Понятие же внутренней формы гораздо сложнее. Оно основано на психологическом восприятии.

Внутренняя форма — **представление**, вызывающее соответствующий редуцированный образ на базе языковой его мотивированности, это **образный мотив**, организующий содержание в языке. Иными словами, внутренняя форма — это вербальный способ представления образа. По словам А. А. Потемни, внутренняя форма есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль.

Таким образом, внутреннюю форму фразеологизма можно определить как редуцированный образ или представление, который ассоциируется в сознании говорящего или воспринимающего с предшествующим значением выражения, т.е., в нашем случае, с **префразеологическим аспектом ситуации** — тем логико-семантическим аспектом, который лег в основу ФЕ. В отличие от слова фразеологическая единица является обозначением не простого денотата, а сложного, каковым зачастую является ситуация. Префразеологический аспект ситуации играет в значении ФЕ ту же роль, что и отличительный признак предмета, положенный в основу его названия и мотивирующий это название. Категория мотивированности является ключевой при рассмотрении вопросов взаимоотношения между внутренней формой и значением фразеологизма. Внутренняя форма фразеологизмов является их образной мотивацией, это неременная семантическая характеристика любого фразеологизма, «умственный образ» предмета, объективируемый социальным опытом человека и предсказанный ему структурными особенностями самого фразеологизма. Раскрытие смысла фразеологизма базируется не на лингвистический, а на гносеологической компетенции человека, здесь наблюдается не элементарное, а многомерное отражение действительности, при этом реализуется не вся ситуация, а **гештальт** — определенный редуцированный слепок с действитель-

ности, связанный с познанием мира, с национальной культурой, с национальной картиной мира.

По сравнению со словом роль внутренней формы для ФЕ значительно выше — она создает богатый мотивирующий подтекст, благодаря которому формируется не только концептуальное значение ФЕ, но, что особенно важно, — **коннотация**, служащая отличительной чертой фразеологизмов, то, ради чего и создаются эти гиперсемантизированные знаки.

К приведенному выше определению коннотации можно добавить, что коннотация — это ассоциируемый с выражением признак, основанный на внутренней форме, принадлежащий картине мира и присущий носителям данного языка, данной культуре. Это не просто суждение о мире, а суждение об отношении к миру, так как во фразеологизмах выражено отношение носителя языка к объекту речи.

В идиоме *to bury one's head in the sand* «закрывать на факты глаза, придерживаться страусовой политики» — посредством внутренней формы создается определенная ситуация, вызывающая ассоциации, связанные с характерными чертами поведения страуса: зарывать голову в песок, т.е. в данном случае вести себя так, как если бы субъект был страусом, зарывающим голову в песок, чтобы не видеть (и по его мнению, возможно, избежать) приближающейся опасности, что и является основным при создании данного фразеологизма. Подобное поведение не вызывает одобрения.

Мотив субъективно-модального отношения выражается внутренней формой фразеологизма. Внутренняя форма, отсылая к образу, как бы подготавливает эффект экспрессивности. Основанием экспрессивности во фразеологии является мотивация — мотивационный макрокомпонент значения, благодаря которому образ, вербально ассоциируемый с внутренней формой, прочитывается на определенном национально-культурном фоне.

Внутренняя форма участвует в организации фразеологического значения, образ же его реализует посредством различного рода ассоциаций, представлений, неразрывно связанных с отношением человека к окружающей действительности, с его знанием картины мира. Эмоционально-экспрессивные свойства фразеологических единиц предопределяются внушительностью их внутренней формы.

Внутренняя форма является как бы посредником между предметом реальной действительности, его характерными чертами, действиями и тем понятием, которое возникает посредством образно-

го представления. Внутренняя форма – обязательное условие возникновения образной фразеологической единицы, ее (внутреннюю форму) можно представить как образный стержень, конституирующий прагматический аспект фразеологической семантики.

Типы образной мотивации

Субъективно-модальное отношение во ФЕ выражается ее внутренней формой и реализуется посредством образа, вызывая определенное эмотивно-оценочное отношение к объекту высказывания у реципиента, создавая тем самым эффект экспрессивности и реализуя посредством этого прагматические интенции.

Мотивация – целенаправленный процесс – в идиомах английского языка может быть представлена тремя группами:

- 1) первая группа включает образ, адекватный возможному положению дел в мире (реальный образ);
- 2) вторая – парадоксальный образ;
- 3) третья – звуко-символический.

1) К первой группе можно отнести фразеологические единицы типа *the biggest frog in the pond* «местный заправила» (*букв.* самая большая лягушка в пруду); *to catch fleas for smb* «быть в близких отношениях» (*букв.* ловить блох у кого-либо); *to have a cylinder missing* «винтика не хватает (в голове)»; *the cat among the pigeons* «кот на голубятне, источник переполоха» (ср. *русск.* «волк в овчарне», «лиса в курятнике»); *to swallow the gudgeon* «позволить кому-либо себя обмануть, провести, перехитрить» (ср. *русск.* «попасться на удочку»).

Человеческое мышление способно усматривать ассоциативно установленное подобие между сущностями, обладающими разной природой. Например, *long drink of water* – о человеке очень высокого роста (*букв.* большой глоток воды).

В приведенных примерах, являющихся метафорическими и метонимическими переосмыслениями, сосуществуют две параллельные системы представлений о том, что послужило мотивом для этого обозначения. Этот мотивирующий компонент совпадает с внутренней формой фразеологизма.

Образ стимулирует соответствующую эмотивную реакцию, воздействует на реципиента. Благодаря осознанию внутренней формы воспроизводится мотив для субъективно-эмотивной оценки, для собственно экспрессивной окраски фразеологизма.

Функционально нагруженная внутренняя форма сигнализирует о том, что субъект речи относится к обозначаемому (als ob¹) — «как если бы «оно было тем, что соответствует ассоциациям, вызываемым образом, представленным этой внутренней формой. Значение идиомы to kiss the baby «пропустить рюмочку», как если бы поцеловать ребенка — легко, приятно, вызывает положительные эмоции.

Подобные же положительные эмоции возникают и при прочтении внутренней формы фразеологизма to be higher than a kite (досл. взлететь, летать выше змея), «быть на вершине блаженства».

Противоположные эмоции возникают при осознании образа to be under the table (досл. быть под столом), to carry a heavy load (досл. нести тяжелый груз).

Если сравнить две фразеологические единицы — to kick the bucket и to join the angels, то можно отметить, что мотивирующий образ (to join the angels «вознестись к ангелам») придает значению фразеологической единицы возвышенность, другую стилистическую тональность, передавая ту же информацию, что и фразеологическая единица to kick the bucket «дать дуба, умереть», и одновременно выражая эмоциональную реакцию субъекта на данное событие. Образ в данном случае заставляет воспринимать смерть даже не как обычный физический процесс, происходящий в материальном мире, а как некий переход из мира материального в мир более тонких субстанций.

Рассмотренные примеры представлены фразеологическими единицами, в которых посредством внутренней, формы создается образ, адекватный возможному положению дел в реальном мире. Природа мотивационного компонента в данном случае ясна.

Однако в английском языке существуют идиомы, в которых ситуация, создаваемая внутренней формой, хотя и наблюдается в реальном мире, создает ассоциативно-образное представление, не соотносимое со значением фразеологической единицы, т.е. с современной точки зрения в данном случае наблюдаются необоснованные переосмысления.

Например:

to shoot one's grandmother «попасть пальцем в небо» (букв. застрелить свою бабушку); to drown the miller «слишком сильно разба-

¹ Als ob — модус фиктивности, впервые предложенный И. Кантом как модус осмысления мира. Лингвисты обратились к этому термину в 1980-х гг.

вить вино водой» (*букв.* утопить мельника); to suck the monkey «пить ром из скорлупы кокосового ореха» (*букв.* сосать обезьяну); to ride the black monkey «быть в плохом настроении» (*букв.* скакать верхом на черной обезьяне) и т.д.

В перечисленных фразеологических единицах посредством внутренней формы создается образ, не соотносящийся логически с их значением. В основе их переосмысления лежат несущественные или забытые ассоциации. Вероятно, при создании идиом подобного рода существовали определенные логические связи, ассоциации, но со временем эти связи стерлись, произошла демотивация когда-то очевидных метафор или аллюзий, и при современном употреблении рассматриваемые идиомы представляют собой необоснованные переосмысления.

Экспрессивность подобных фразеологизмов создается именно рассогласованием между картиной мира, ситуацией, представленной внутренней формой, и значением идиом. Чем неожиданнее, «абсурднее» соотношения между ними, тем больше экспрессии заложено во фразеологизме, тем сильнее эмоции, которые возникают у воспринимающего в связи с тем, что он заостряет свое внимание, преодолевает барьер при осознании значения. «Красота языка заключается в нелогичности речи, при условии, конечно, что она освящена обычаями», — писал Клод де Вожла.

Естественно, что при восприятии внутренней формы у реципиента возникают определенные ассоциации, создается определенный образ, который реализует значение и те элементы коннотации, которые создают прагматический эффект.

ФЕ to take a hair of the dog that bit you — 1) опохмелиться; 2) клин клином вышибают — возникла благодаря старинному поверью, согласно которому лучшим средством от укуса бешеной собаки считалась шерсть этой собаки, которую прикладывали к укушенному месту. В момент возникновения ФЕ мотивирующий образ в ней улавливался, и она имела значение «чем ушибся, тем и лечись», «клин клином вышибают». Но с течением времени мотивирующий образ постепенно терялся, первоначальное значение ФЕ отошло на второй план, и фразеологизм приобрел новое значение — «опохмелиться».

В настоящее время данная ФЕ представляет собой яркий пример рассогласования между образом, создаваемым внутренней формой, и значением фразеологизма. Внутренняя форма актуализирует ассоциативно-образное восприятие, служащее поводом для вы-

ражения эмотивно-оценочного и функционально-стилистического отношения говорящего к обозначаемому.

2) Интересными представляются идиомы, в которых мотивационный компонент представлен парадоксальным образом. Охарактеризовать подобные выражения можно, употребив чеховское высказывание «сапоги всмятку». Средством создания мотива в рассматриваемом типе идиом является представленная внутренней формой ситуация, но существующая в реальном мире. Ассоциативно-образное представление возникает за счет осознания внутренней формы, в которой проявляется нарушение картины мира.

Например: *to milk the bull (into a sieve)*; *to milk the ram*; *to milk a he-goat* «заниматься бесполезным делом» (*досл.* доить быка, барана, козла (в решето, сито). Ср. *русск.* «доить козла в решето»); фразеологическая единица с подобным же значением *to plough the air* (*букв.* пахать воздух); *fine as frog's hair split* «очень тонкий» (как расщепленный лягушачий волос); *to blush like a blue dog* «потерять способность краснеть» (*букв.* краснеть как синяя собака) и др. Усиление экспрессивности наблюдается здесь в противоречии со стереотипом.

Нельзя, нереально съесть свой пирог и иметь его в то же время — *to eat one's cake and have it* — т.е. преследовать две взаимоисключающие цели, пытаться совместить несовместимое (ср. *русск.* «и волки сыты, и овцы целы»); нельзя спать на обоих ушах (боках) сразу — *to sleep on both ears* «быть совершенно спокойным»; нельзя сидеть «на тонком краешке ничего» — *to sit on the thin edge of nothing* «с трудом уместаться»; быть своим собственным предком — *to be one's own ancestor* «быть всем обязанным самому себе»; дословное значение фразеологизмов *to cook a hare before catching him*, *to eat the calf in the cow's belly* предполагает, что готовится, съедается несуществующий заяц, неродившийся теленок. В реальном мире приготовить и съесть можно лишь то, что есть в наличии.

В рассмотренных выражениях находящиеся в оппозиции части высказывания характеризуют один и тот же объект в одно и то же время. Подобные фразеологические антитезы, заостря притупившееся «различие различного», в яркой образной форме показывают либо глупость человека (*a big head and little wit*), либо высмеивают его гипертрофированное самомнение (*every dog is a lion at home*), либо высмеивают какую-либо работу, неумело сделанную, при этом явное противопоставление, доходящее до абсурда, лишь подчеркивает тот факт, что выполняемая работа не является очень сложной,

и ошибки при ее выполнении просто смешны (to put the cart before the horse; to set the tortoise to catch the hare).

В английской идиоматике мир экстенсионалов весьма экзотичен. Например: a hog on ice (букв. боров на льду, ср. русск. корова на льду); a cow on crutches (букв. корова на костылях) — о неловком, неуклюжем человеке.

В идиомах when pigs fly, on the second Sunday of next week, when the moon turns green cheese, before the cat can lick her ear — пороссятам приписывается неприсущий им признак — способность летать, неделе — иметь два воскресенья, луне — способность превращаться в зеленый сыр и т.д. Значение этих идиом — “never” — «никогда» снижает наблюдаемую алогичность, но именно абсурдность, парадоксальность ситуации, создаваемая их внутренней формой, интенсифицирует значение фразеологической единицы (ср. русск. когда рак на горе свистнет и рыба запоет; когда Волга вверх потечет; когда волк будет овцой, медведь садовником, свинья огородником).

В логике все рассмотренные выше высказывания принято считать эмпирически ложными, т.е. ложными для данного мира, во фразеологии же они характеризуются как эмпирические или прагматические отклонения.

3) И, наконец, третью группу представляют идиомы, где мотивационную роль играет звуко-символическая («внешняя») форма, которая создается как при помощи фонетических средств: рифма, ритм, аллитерация, так и некоторых лексических — тавтология, каламбур, способствующих фонетическим. Например: six and half a dozen — ср. русск. «что в лоб, что по лбу» (букв., шесть и полдюжины) — ритм и тавтологический повтор; betwixt and between «ни то, ни се» (ср. русск. серединка на половинку) — ритм, аллитерация, тавтологический повтор; part and parcel (of smth) — неотъемлемая составная часть чего-либо — аллитерация, ритм и др.

Звуко-символизм в приведенных примерах представляет собой особый вид «эмотивной провокации». Внешняя форма сочетания сигнализирует о том, что во всех перечисленных фразеологизмах главное не само значение, а нечто другое, некий смысл, связанный с необычностью звучания, вызывающий определенные ассоциации, усиливающие, интенсифицирующие значение всего высказывания, придающие ему эмфатичность и эффективность.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что одним из основных макрокомпонентов, составляющих модель структуры значения идиомы, является **мотивационный компонент**, несущий

ший информацию об образно-мотивирующих параметрах. В мотивационный макрокомпонент значения одним из параметров входит характер образа, который в английской фразеологии неоднороден и может быть представлен тремя группами, каждая из которых вызывает то или иное отношение к объекту.

Дескриптивный и рационально-оценочный компоненты, присутствующие в семантике ФЕ, отодвигаются на второй план, а элементы коннотации берут на себя функцию выражения эмотивного отношения говорящего к обозначаемому, описанному и оцененному в дескриптивно-оценочной части, что придает значению тот субъективный фактор, ради которого и существуют фразеологизмы в языке. Это включение субъекта в значение и есть тот собственно прагматический слой информации, который придает фразеологизму прагматические потенции. Эти прагматические потенции, реализуясь в речи, создают экспрессивный эффект.

Вышесказанное показывает, что все, что мы считаем экспрессивным, обязательно прошло либо через вторичную номинацию, либо алогизм, либо звукосимволизм, т.е. через какую-либо мотивацию.

Таким образом, семантика фразеологической единицы представляет собой многоплоскостную структуру. Она состоит из того, что названо (объективный фактор), и еще огромного количества отношений к тому, что названо (субъективный фактор). Эти два фактора вместе образуют целостное значение фразеологизма. При этом мотивация, выраженная посредством внутренней формы и основанная на знании объективной реальности, на знании окружающего мира, является основным способом для того, чтобы выделить второй фактор, поднять его. Это и создает экспрессивность фразеологической единицы, т.е. ее способность производить на реципиента определенный прагматический эффект.

2. Реализация прагматического потенциала фразеологических единиц в контексте

2.1. Контекст как продукт языковой коммуникации

Согласно теории коммуникации, любой текст – материальная реализация процесса коммуникации – представляет собой разновидность творческого акта, имеющего модальный характер и праг-

матическую установку. Контекст – законченный в смысловом отношении отрезок текста – является продуктом языковой коммуникации, в нем наиболее ярко проявляются все формы, установки, намерения, осуществляемые говорящим в речевой стратегии.

При определении контекста лингвистами выделяются собственно лингвистический и экстралингвистический контексты. А. А. Уфимцева называет экстралингвистический контекст речевым контекстом.

Речевой контекст А. А. Уфимцевой имеет прагматическую направленность: «речевым контекст является тогда, когда семантическое указание к реализуемому слову идет от единиц речи – фраз и предложений, от дейктических элементов, от речевых координат конкретного акта речи с присущей ему импликацией – места, времени, лица – субъекта и объекта речевого акта».

На современном этапе развития лингвистики теория контекста как онтологическое понятие имеет семантико-коммуникативную направленность. При этом необходимо обращаться к изучению условий протекания коммуникации, рассматривая их не как посторонние характеристики языка, а как неотторжимые качества общения. По справедливому замечанию Г. В. Колшанского, анализ контекста привязан к конкретным коммуникативным актам – от единичного высказывания до целого текста.

Контекст образуется не только всеми средствами выражения – языковыми и внеязыковыми – но и всей целиком ситуацией, которая окружает слово и определяет его смысл. Таким образом, коммуникативный контекст – это организация средств, организация контекстов и опора на контексты, вербальные и невербальные, для передачи (и восприятия) смысла сообщения.

Говоря о коммуникативном контексте, который образуется совокупностью лингвистического, паралингвистического, ситуативного контекстов, контекста культуры и психологического контекста, необходимо упомянуть и эмоциональный контекст, как эмоциональную позицию говорящего. Так как такая позиция проявляется в характеристиках речи и поведения говорящего, то слагаемыми эмоционального контекста являются вербальные и паралингвистические контексты. При этом функция параязыковых средств в эмоциональном контексте носит вторичный характер сопровождения речевого акта, а не формирования его.

Основная направленность эмоционального контекста – расширение понятийного и прагматического потенциала слова или фразеологизма, актуализация их скрытых и забытых сем. В данном слу-

чае требуются более широкие отрезки речевой цепи с привлечением подтекстной ситуации, включающей такие психологические данные, как характер участников ситуации, их настроения и пр., и внеязыковых факторов, к которым относятся индивидуальные особенности говорящего (языковые и социальные), социальные отношения между коммуникантами и др.

В экстралингвистическом плане эмоциональный контекст можно определить как направленность языковых средств на конкретную эмоциональную реакцию, так как он сообщает о психическом состоянии отправителя речи, его отношении к адресату речи, иными словами, реализует прагматически воздействующую направленность.

В экстралингвистическом плане эмоциональный контекст является объективным индикатором наличия у говорящего определенной степени эмоциональной напряженности, поскольку речь говорящего находится в прямой зависимости от его психического состояния. «Колебания в природе психических явлений определенным образом отражаются и на грамматике чувств» (Н. Д. Арутюнова).

Семантико-коммуникативная направленность контекста обусловила создание теории коммуникативного контекста. В действительной коммуникации существует единый реальный контекст — глобальная ситуация, которая включает в себя не только языковые средства, но и все корреляты ситуации.

Внешние условия общения, присутствующие в сознании говорящего в момент осуществления речевого акта (сфера общения), а также результативность прагматического эффекта, выражающаяся в реакции адресата, представляют коммуникативно-прагматическую ситуацию, наиболее устоявшимися параметрами которой являются обстановка и место коммуникативного акта, предмет и цель коммуникации, социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников речевого общения, ролевые и личностные отношения между коммуникантами.

Сформулированная в тексте прагматическая информация может быть представлена сочетанием как вербальных, так и невербальных маркеров. Это позволяет ввести понятие коммуникативно-прагматического контекста, в котором выделяются параметры, связанные с качеством высказывания, областью применения языка, отношениями между коммуникантами, особенностями коммуникантов и т.д. Именно в прагматическом контексте раскрывается смысл фразеологической единицы.

2.2. Прагматические характеристики вербальной коммуникации

Таким образом, процесс коммуникации органически связан с прагматическим аспектом. По словам Г. В. Колшанского, любое высказывание, являясь первичной полноценной коммуникативной единицей, объединяет в себе грамматический, смысловой и прагматический признаки. При этом прагматику речевого общения следует искать прежде всего в сфере взаимоотношений людей, участвующих в коммуникации. Любое высказывание формируется человеком в определенной ситуации с определенными целями. Любое восприятие высказывания определенным образом связано с его пониманием, которое достигается путем интерпретации всех сигналов, несомых данным отрезком текста, т.е. с уяснением смысла, чему способствует достаточность языковых и неязыковых факторов, включенных в конкретную ситуацию общения.

Прагматическая ориентация текста — один из практически важных признаков его организации — есть ориентация прежде всего в практической деятельности общающихся сторон.

Любой акт коммуникации — это речевое действие ради воздействия говорящего на воспринимающего, ради взаимодействия партнеров по общению в процессе предметно-практической и теоретико-познавательной деятельности.

Анализ же прагматического содержания текста, его интерпретация предполагают учет всех тех отношений, в которые вступают в ходе коммуникативного действия участники коммуникации: их убеждения и ожидания, их взаимные обязательства, совокупность имеющихся знаний, все личностные психологические факторы, все вопросы, цели, практические результаты и ценности для коммуникантов, т.е. учет всего комплекса условий общения, тех контекстов, в которых оно осуществляется, которые присутствуют как в сознании говорящего, так и воспринимающего, и выражаются в реакции адресанта, его вербальном/невербальном поведении. Весь этот комплекс называется коммуникативно-прагматической ситуацией, в состав которой входят:

- участники коммуникации (кто — кому) — различного рода отношения между коммуникантами;
- обстановка и место протекания коммуникативного акта (где, когда) — сфера общения, обстоятельства общения;
- предмет и цель коммуникации (что, зачем) — ядро исследования.

Говорящий достигает цели, когда налицо результат – восприятие сказанного объектом и его определенная (в зависимости от цели высказывания) реакция.

Следовательно, в основе достижения прагматического эффекта лежат взаимопонимание участников коммуникативного акта, их коммуникативная компетенция, включающая как лингвистическую компетенцию, так и знание внешних условий речевого общения: представление об институционной и ролевой структуре общества, принятых нормах межличностных отношений, умение ориентироваться в конкретной ситуации и обстановке общения, представление о самом предмете коммуникации и т.п. (кто – что – когда – о чем – кому – зачем).

Нарушение или отсутствие одного из параметров – ролевых ожиданий, коммуникативной компетенции, принятых норм межличностных отношений и т.д. – приводит к нарушению одного из основных факторов коммуникации – фактора взаимопонимания.

2.3. Роль фразеологических единиц в реализации прагматической установки текста

Любой текст представляет собой не только сложное суждение о действительности, в его основе лежит и определенная коммуникативная задача, которая определяет сознательный выбор средств для воздействия на адресата.

При создании различных коммуникативных структур возникает разнообразие целей, которых их создатель пытается добиться при помощи «высказывания – действия», используя различные механизмы языка.

Существующая определенная прагматическая установка влияет на характер языкового оформления текста. Фразеологизмы – часть языка, которая занимает в этом процессе не последнее место. Они являются тем средством, которое способствует более активному воздействию на адресата. Являясь экспрессивными и прагматически направленными еще в узусе, фразеологические единицы используются в актах коммуникации – текстах, реализуя как свои собственные прагматические возможности, так и приобретая новые. Окружающий ФЕ контекст, коммуникативно-прагматическая ситуация уточняют ее значение, создают новые смыслы, которые могут порождаться в процессе речи. Фра-

зеологические единицы обладают иллюкутивной силой, которая в определенных условиях манифестирует цель говорения.

В процессе коммуникации наряду с концептуальной функцией реализуется и оценочно-коммуникативная функция языка. ФЕ, обладающие положительной или отрицательной оценочностью, выражающие эмотивно-оценочное отношение к предмету действительности, его качеству, действию, состоянию, играют значительную роль в реализации этой функции, в создании и осуществлении прагматической направленности высказывания.

Попытаемся проиллюстрировать, как реализуется заложенный во фразеологическую единицу прагматический потенциал в контексте, непосредственно в акте коммуникации, какое коммуникативное задание заложено в ту или иную фразеологическую единицу и как оно реализуется, так как несмотря на то, что прагматическая информация извлекается из языковой материи (Э. С. Азнаурова), содержательная интерпретация возможна только при соотнесении языковой единицы с внеязыковыми факторами, что проявляется не в статике, а в динамике. Реализация прагматической функции как языка в целом, так и отдельных его элементов (в нашем случае – ФЕ) прослеживается только в коммуникативных процессах.

Требования контекста зачастую преобразовывают фразеологизм, согласно коммуникативной установке привносят новые дополнительные значения, эксплицируют те семы, которые не проявлялись в узусе, но, тем не менее, существовали где-то в значении ФЕ затушеванно, имплицитно.

В анализируемых текстах зафиксировано как узуальное, так и окказиональное использование фразеологизмов. При этом каждый из них несет определенное коммуникативное задание, обладает различной коммуникативной заданностью.

Исходя из коммуникативно-прагматических установок рассматриваемых текстов, можно считать экспрессивность, концептуальную и подтекстовую информацию основными прагматическими параметрами.

В определенных ситуативных условиях, характеризующих процесс общения, наличие ФЕ манифестирует эмоциональность высказывания, поддерживает, уточняет и реализует прагматическую направленность актов коммуникации.

Реализация прагматического аспекта значения фразеологических единиц, заложенного в узусе

В настоящем разделе анализируются тексты, в которых фразеологические единицы, реализуя заложенный в узусе прагматический потенциал, свою прагматическую заданность, являются одним из основных средств, определяющих прагматическое воздействие на реципиента, на формирование его позиций и установок. При этом, вступая в определенные связи с текстом, с его лексическими, грамматическими средствами, образной организацией, синтаксической организацией, фразеологическая единица является доминирующей в реализации его (текста) прагматической направленности. Например:

“But you know something about him?”

“Heard he was by way of being a bad hat. Of course that was only rumour.” (DMM)

Фразеологическая единица a bad hat (egg, lot, penny) «непорядочный человек, человек, пользующийся дурной репутацией; темная личность; пропащий человек» относится к разговорным фразеологическим единицам, по своей коммуникативно-функциональной ориентации является признаковой, «Y» is a bad hat; временных ограничений нет; лично-дейктическое употребление «Я – ТЫ – ОН – грамматика» – ограничение в употреблении рамками поведенческого этикета.

Анализ по глубинно-семантическому уровню: экспрессивная ФЕ, прагматически ориентированная, информация об отношении говорящего к «Y»: отношение эмотивно-оценочное – субъективно-оценочная модальность (отношение говорящего «X» к «Y») выражает неодобрение, оценка «Y» отрицательная (относительно некоего ассоциируемого с ним общепризнанного стереотипа).

Эмотивно-оценочную модальность можно представить в виде следующей модальной рамки.

Субъект «X» считает, что объект «Y», оцениваемый относительно нормы «N», – плохой по аспекту «Q» по признаку «W», и это вызывает у «X» отрицательное эмоциональное отношение к «Y», которое он в процессе общения выражает и сообщает воспринимающему «Z». Знай, что «Y» непорядочный человек, это плохо (как если бы он был плохой шляпой). Подобное не может вызывать ничего, кроме неодобрения. В приведенном примере заложенная в узусе

семантико-прагматическая направленность реализуется без каких-либо изменений. Лишь субъект оценки не говорящий, а некий коллектив. В данном случае отражается мнение группы знающих объект людей. Субъект же высказывания не желает приписывать данного суждения об объекте себе, а, наоборот, подчеркивает тот факт, что он не уверен в точности данной характеристики (Heard..., of course that was only gumour), но, тем не менее, не отрицает этого. Заранее заданная прагматическая установка, ситуация протекания коммуникативного акта предопределили выбор именно этого фразеологизма, в котором и сосредоточена вся экспрессия, так как весь окружающий ее контекст практически нейтрален. В следующем примере:

“...It didn't take me long to put two and two together. Mrs. Blair's distrust of colonel Race, her agitation, her entreaty that I would take care of her souvenirs for her.” (MBS)

ФЕ to put two and two together «сопоставить факты, сообразить, смекнуть в чем дело, прикинуть; понимать что к чему» не только называет действие, но и характеризует его, показывает, что субъекту (в данном случае субъект и объект совпадают) не представило труда сообразить, сделать выводы, как если бы ему нужно было сложить 2 и 2. Создаваемый внутренней формой образ реализуется в высказывании, подчеркивает коннотативный аспект значения: говорящий доволен своими действиями, тем, что не ушло слишком много времени (It didn't take me long) на решение проблемы. Оценка положительная, тем более что говорящий употребляет такую характеристику по отношению к самому себе. Реализуется полное удовлетворение своими умственными способностями.

Основная тема включена во фразеологизм, который занимает ведущее место (доминирует) в оценке (как рациональной, так и эмоциональной) поведения субъекта. Прагматический потенциал реализуется полностью. Никаких отступлений от нормы не наблюдается.

Примерами, в которых фразеологические единицы реализуются с их традиционной словарной прагматической заданностью без каких-либо отклонений от узуса, можно считать следующие:

“I'm sorry”, I said coldly. “But No 1 has been allotted to me”. “I can't agree to that!” The steward put in his oar. “The other cabin's just the same, only better”. “I want No 1”. We had come to an impasse. Each of us was

determined not to give way... My blood was up. ...Pagett began to lose his temper... And still none of us would give way an inch. (MBS)

Основными актуализаторами эмоциональной насыщенности текста здесь являются сами фразеологические единицы: *to put in one's oar* «вмешиваться в разговор»; *one's blood is up* «он (она и т.д.) вышел (вышла) из себя, раздражен»; *to lose one's temper* «выйти из себя, разозлиться, потерять самообладание».

Этот «каскад» фразеологических единиц помогает раскрыть личные свойства коммуникантов, их психическое состояние, напряженную обстановку в споре из-за каюты на корабле, где никто не мог и не желал уступить (ни на йоту — *an inch*).

Оба приведенных ниже примера отражают размышления субъекта, его желание прийти к какому-либо конкретному решению. Всевозможные изменения фразеологизма по *smoke without fire* порождают новый фразеологизм *smoke screen*, который, в свою очередь, наталкивает говорящего на мысль о том, что все анонимные письма — результат чьего-то преднамеренного действия, чтобы скрыть нечто важное, отвлечь от него внимание (как если бы они были дымовой завесой).

As I dropped off to sleep, words danced irritatingly through my drowsy mind.

No smoke without fire. No fire without smoke. Smoke... Smoke? Smoke screen... No, that was the war — a war phrase. War. Scrap of paper... Only a scrap of paper. Belgium — Germany...

I fell asleep. (MF)

“To begin with, that tiresome phrase “No smoke without fire”. It irritated you, but you proceeded quite correctly to label it for what it was *a smoke screen*. Misdirection, you see — everybody looking at the wrong thing — the anonymous letters, but the whole point was that there weren't any anonymous letters!” (MF)

“He's a peculiar man, Miss Beddingfeed, with an abnormal sense of humour. It seems to amuse him *to keep me on tenderhooks*. All the time, I dare say, he was perfectly well aware of the true facts.” (MBS)

При помощи ФЕ *to keep smb on tenderhooks* «держат кого-либо в состоянии мучительной неизвестности, беспокойства, мучить кого-либо неизвестностью» (ср. русск. «как на раскаленных углях») автор раскрывает отношение говорящего к сэру Юстасу. В добавле-

ние к таким характеристикам, как a peculiar man «своеобразный, странный человек», with an abnormal sense of humour «человек с необычайным чувством юмора», говорящий характеризует сэра Юстаса как человека, которому доставляет удовольствие держать кого-либо в неведении, а так как этот кто-то — сам говорящий субъект, то, естественно, такая черта вызывает у него чувство раздражения, обиды, которое он в силу своего социального положения, своей статусной роли не может выразить откровенно. Реализуется прагматическая направленность, заложенная в узусе — отрицательное отношение к человеку, который своим молчанием держит другого в неведении и тем самым мучает его.

В следующем примере:

When we had recovered from our emotion a little, I sat down on the bed and told her the whole story from A to Z. (MBS)

ФЕ from A to Z «от начала до конца, ничего не утаивая», интенсифицирует значение to tell the story «рассказывать обо всем», подчеркивает тот факт, что все было рассказано без утайки, что само по себе уже положительно. С точки зрения норм поведения и общения людей, правда всегда оценивается положительно, а правдивый человек заслуживает уважения, одобрительного отношения. Реализация значения, заложенного в узусе.

ФЕ to wash one's hands of smth «умывать руки», употребляется в значении «устраняться от ответственности за что-либо»; она возникла из евангельской легенды. Пилат умыл руки перед толпой, отдав ей Иисуса для казни, и сказал: «Не виновен я в крови праведника сего» (Матф., 27: 24). С тех пор имя Пилата стало употребляться как символ лицемерия и жестокости, а фразеологическая единица «умыть руки» характеризует объект отрицательно, наделяя его чертами, вызывающими неодобрительное чувство-отношение к нему, к его поступкам (предательство всегда оценивалось отрицательно, а субъект, совершивший его, заслуживает осуждения и даже презрения).

During the days that followed he never once mentioned the Edgware case. If I spoke of it, he answered monosyllabically and without interest. In other words, he had *washed his hands of it*. (LED)

В приведенном примере говорящий осуждает действия объекта посредством фразеологической единицы to wash one's hands of smth,

т.е. этот фразеологизм несет всю прагматическую информацию, реализуя прагматическую направленность высказывания — осудить поведение человека, отстранившегося от очень важного и серьезного дела.

В рассмотренных примерах контекст вводит ФЕ в речь и реализует только ее традиционную, т.е. заданную языковой системой, лингвопрагматическую коннотацию.

Изменение прагматических смыслов фразеологизма под влиянием контекста

В предыдущем разделе рассматривались примеры, в которых фразеологические единицы реализовывали традиционную, заданную языковой системой лингвопрагматическую коннотацию. Однако очень часто при внесении ФЕ в речь ее прагматическая заданность усиливается или ослабляется, а порой полностью изменяется под влиянием контекста.

В настоящей подгруппе исследуются приемы употребления фразеологических единиц без каких-либо структурно-семантических преобразований, прагматический эффект которых усиливается за счет эмоционального окружения, создаваемого с помощью элементарных стилистических приемов: синтаксических, лексических, фонетических, графических.

В эмоциональном контексте вербально отражаются эмоции и чувства говорящего, это особая форма отношения к предметам и явлениям действительности, обусловленная их соответствием или несоответствием потребностям человека.

Эмоциональный контекст (эмоциональная речь) не только реализует мысль говорящего, но и те психические переживания, которые входят в задачу и намерение сообщения.

В теории коммуникации важным является и факт мотивации речевой деятельности, т.е. то, что является причиной, что побуждает человека действовать именно так, а не иначе. Мотивационную сферу можно включить в ситуацию, в которой разворачиваются составляющие деятельность операции.

Помимо мотивационной доминанты существует еще и целый ряд других факторов, которые способствуют проявлению (выходу) эмоций, — ситуационная роль говорящего и слушающего, психологи-

ческий тип личности (как адресата, так и адресанта), уровень образования, воспитания, возрастные характеристики говорящего и слушающего, половые различия и др.

С лингвистической точки зрения все эмоции реализуются при помощи различных языковых средств, актуализируемых различными механизмами.

Эти механизмы операционного уровня представлены механизмом выбора слов (семантической реализации программы), механизмом синтаксического конструирования (грамматической реализации программы), механизмом моторной реализации высказывания (интонацией, артикуляцией). Или, как уже указывалось выше, лексическими, синтаксическими, фонетическими выразительными средствами и приемами, которые являются системными средствами эмоциональной оценки, прошедшей через фильтр сознания. Эмоциональный контекст в лингвистическом плане может быть определен как **направленность языковых средств на конкретную эмоциональную реакцию**. Эмотивные лингвистические средства являются как бы сигналами наличия определенной эмоции у говорящего (у порождающего высказывание) и, следовательно, эмоционального контекста, в создании которого они принимают непосредственное участие; они являются также теми контекстуальными факторами, которые способствуют не только актуализации сем эмоционально-оценочного отношения в речевом контексте, но и их индуцированию, когда под влиянием контекста в семантическую структуру реализуемого слова или фразеологизма входят какие-то новые семы.

При помощи контактных и дистантных эмотивных лингвистических средств актуализируются семы эмоционально-оценочного отношения, содержащиеся в смысловых структурах исследуемых фразеологических единиц. Помимо этого присутствие контактных и дистантных контекстуальных факторов одновременно способствует нагнетанию степени эмоциональной напряженности, усилению воздействующей силы высказывания.

Под влиянием упомянутых выше факторов, а также в зависимости от определенной референциальной отнесенности в речевом контексте одни и те же фразеологические единицы наряду с семами, выявленными в системном контексте, зафиксированными в узусе, могут также выявлять окказиональные семы. В большинстве случаев фразеологические единицы выступают в контексте как интенсификаторы целенаправленного воздействия на адресата.

Акт коммуникации необходимо рассматривать в тесной связи с контекстом, а также условиями протекания самого акта коммуникации, детерминированного конкретной ситуацией.

Употребление фразеологической единицы *to make an ass of oneself*, помимо информации о глупости кого-либо, что само по себе отрицательно по сравнению с общепринятым признанием стандарта умственных способностей людей, отсылает нас к образу, создаваемому внутренней формой, что является мотивом для создания эмоциональной оценки. *Досл.* «делать из себя осла», т.е. вести себя глупо, что «плохо», так как если бы «Y» был ослом, поступал как осел, и это не получает одобрения как со стороны говорящего («X»), так и со стороны воспринимающего («Y»).

Со своей стороны, «Y» – объект характеристики – по-своему реагирует на подобное отношение к нему.

Семантика этой фразеологической единицы в узусе может быть представлена следующим образом: *to make an ass of oneself* «вести себя как осел, свалить дурака, поставить себя в глупое, дурацкое положение»; ФЕ поведенческого характера. *Smb («X») makes an ass of himself*, лично-дейктическое употребление «Я – ТЫ – ОН – грамматика» – временных ограничений нет. Выражение разговорное, грубоватое. Ограничение в употреблении рамками поведенческого этикета. Практически не употребляется при открытой характеристике поведения вышестоящего по должностной лестнице или по социальному положению лица. Субъективно-оценочная модальность – выражение неодобрительно-уничижительного отношения. Оценка поведения – отрицательная. Модальная рамка: субъект «Y» считает, что поведение объекта «Y», оцениваемое относительно нормы «N», – плохое по аспекту «Q», и это вызывает отрицательное отношение к «Y», и то, что «Y» ведет себя так, как если бы был ослом, не получает одобрения со стороны «X».

Рассматриваемый ниже пример – внутренняя речь одного из героев романа. Внутренняя речь сама по себе уже является сильным средством речевой характеристики героя, так как она всегда более откровенна, чем речь произнесенная. Человека, которому принадлежит внутренний монолог, все последнее время преследуют неудачи. Перед сном он анализирует события дня, выражая свое недовольство поведением окружающих его людей, в данном случае – молодым человеком, уделяющим чересчур много внимания девушке, которая ему нравится. Мысли его обрываются, так как он засыпает:

...Thank goodness, that Colonial fellow had taken himself off. He had monopolized *far too* much of Virginia's society, anyway. And of course if George Lomax went on *making an ass of himself* like this – his mind seething with resentment, Bill fell asleep. And, in dreams, came consolation. (S of Ch)

Эмоциональный контекст создается за счет таких экспрессивов, как *thank goodness, far too much*; ФЕ *to take oneself off* «убраться»; лексическими средствами – *his mind seething with resentment*, и только во сне приходит разрядка – *in dreams came consolation*, в котором вершинную позицию занимает фразеологизм *to make an ass of oneself*, раскрывающий негативное чувство по отношению к другому – чувство-отношение уничтожения. Квалификация Ломакса «как если бы он поступал как осел» конденсирует в себе все высказанные ранее интенции.

Лишь во внутреннем монологе говорящий может обнаружить подобное отношение к Ломаксу, так как вслух он его высказать просто не посмеет из-за ряда объективных экстралингвистических причин: социальное положение героев, их служебные отношения и личные взаимоотношения.

Насколько известно, никакая монологическая речь не протекает впустую. У нее всегда есть адресат. В данном случае им является читатель, который воспринимает эту оценку и впоследствии по-своему реагирует на поведение как субъекта речи, так и объекта. То есть в данном случае наблюдается «реакция на реакцию».

Фразеологические единицы с эксплицитно выраженной отрицательной коннотацией *to take oneself off* «убраться», *to make an ass of oneself* «глупо себя вести» поддерживают в данном случае общий отрицательный фон, создают отрицательную оценочность и, в конечном счете, эмотивно-оценочное отношение к объекту.

В следующем примере говорящий отождествляет себя с объектом «У». Подобное поведение (*to make an ass of oneself*) вызывает у него досаду, раздражение. В данном случае говорящий более свободен в выборе средств. Если в предыдущем примере положение героя, среда, социальный статус, т.е. определенные внешние факторы ограничивают его, не позволяют употреблять более сильное выражение, то по отношению к себе говорящий не лимитирован.

“It’s a mix-up”, confessed Anthony. “I’ve been away on a wild-geese chase. *Made a thorough ass of myself...*”. (S of Ch)

Экспрессивность высказывания создается как при помощи образного переосмысления, в основе которого лежит метафора, вве-

дением такого интенсификатора, как *thorough* (в данном случае наблюдается один из приемов трансформации фразеологической единицы – вклинивание), так и введением другого фразеологизма – *to be on a wild-goose chase* «гоняться за недостижимым; сумасбродная затея, бессмысленное предприятие», также несущего неодобрительную, отрицательную оценку действия.

В данном случае субъект «Х» недоволен *своими* действиями, фразеологизм *to make an ass of oneself* отражает неодобрительно-уничижительное отношение, в нем выявляются семы неодобрения, досады, горечи. Герой осуждает себя, ему горько, он раздражен тем, что так глупо себя вел; и девушка, которую он любит, является свидетелем его поведения, которому он сам дает отрицательную оценку. Цель – вызвать у воспринимающего сопереживание, сочувствие, поддержку. В данном случае вступает в силу «Я – прагматика»: человек никогда не относится к своим поступкам так, как к поступкам других людей.

«Речь – это та область языка, тот реально функционирующий язык, где наряду с системными значимостями... возникает в целях коммуникации большое число новых смыслов...» (А. А. Уфимцева). Следовательно, в семантике рассматриваемого фразеологизма на базе существующей семы оценочного отношения – неодобрительно-уничижительного – могут возникать разнообразные дополнительные семы (осуждения, презрения, недовольства, горечи, сожаления) в зависимости от того, кого данный фразеологизм характеризует, и передающие определенное состояние героя в момент речи. Так как эти психические состояния или эмоциональные реакции являются ситуационными (временными), то дополнительные эмоциональные семы (эмосемы) наслаиваются на основную (узвальную) сему, являются ситуационно-обусловленными, окказиональными. При этом роль контекста, по словам В. И. Шаховского, «сводится к экспликации, т.е. «обнародованию» эмотивных смыслов, которые не возникают, а лишь обнаруживаются» в результате взаимодействия ФЕ и окружающего контекста.

Полученные новые эмотивные смыслы оказываются извлеченными из «мутной семантической среды индивидуальных представлений» (Н. Д. Арутюнова) Новые смыслы порождаются в соответствии с конкретным опытом и прагматическими условиями коммуникации.

Горечь и недовольство своим поведением находим в следующем признании героя:

“I must admit”, said Anthony, “that as soon as I spoke to her I had an uneasy conviction that *I was barking up the wrong tree*. She seemed so absolutely the governess.” (S of Ch)

Фразеологизм *to bark up the wrong tree* разг. «напасть на ложный след, ошибиться, ругать и т.п. не того, кого следует», т.е. поступать неверно. Оценка действия отрицательная, герой сожалеет о своей ошибке.

Эмфатическое построение фразы *She seemed so absolutely the governess* усиливает чувство неудовлетворенности своим поведением, так как герой полагает, что он безосновательно обвинял честного человека, и, вместе с этим, каким-то образом оправдывает его поведение. Ср. с употреблением фразеологизма, реализующим прагматическую направленность:

“I suppose”, said Suzanne doubtfully, “that we’re not barking up the *wrong tree*? *Being led completely astray*, after all, he is a perfect honest man?” (MBS)

Эмоции одного из героев, его раздражение, неудовольствие, неудовлетворение как поведением окружающих его людей, так и происходящими событиями, эмоции, которые он испытывает на протяжении всего романа, ярко представляются в следующем примере:

He delivered the message to Bill, who was duly disgusted. “Damn it all”, grumbled Bill to himself, as he strode off to the house, “why can’t Codders sometimes leave me alone? And why can’t these blasted Colonials stay in their Colonies? What do they want to come over here for, and pick out all the best girls? I’m *fed up to the teeth with everything*.” (S of Ch)

Эмоциональный контекст создается как при помощи таких экспрессивов как “Damn it all”, “blasted”, так и синтаксическим построением всего высказывания: целой цепью риторических вопросов, в которых отражается страстное желание говорящего, чтобы его оставили в покое, чтобы ему не мешали, так как ему все уже до смерти надоели.

Вершиной всего высказывания, отражающей высшую степень раздражения, является употребление фразеологизма *I’m fed up to the teeth (with everything)*. В узусе этот фразеологизм несет отрицательную направленность, которая не только сохраняется, но и усиливается в контексте. Происходит «взаимопроникновение» контекста во фразеологизм и, наоборот, фразеологизма в контекст, т.е. двойное усиление прагматической направленности высказывания (в данном случае раз-

дражение героя, его отношение к окружающему). Приведенный пример является ярким подтверждением того факта, что фразеологизмы в основном обслуживают эмоциональную сферу языка.

Таким образом, коннотативно-прагматическая направленность фразеологических единиц проявляется в субъективно-оценочном, эмоционально-экспрессивном характере их значения. Этот прагматический потенциал, как показали рассмотренные выше примеры, может либо полностью реализовываться в тексте, либо усиливаться, либо приобретать новые, дополнительные «оттенки». При этом подобные изменения зависят от многообразия возможных конкретных ситуаций языкового общения, от того, по отношению к кому употребляется фразеологизм (Я – ТЫ – ОН – грамматика), от социального статуса собеседников, их отношений, принадлежности к той или иной профессиональной группе, места и времени общения и пр., что в своей совокупности приводит к созданию «неспокойной безбрежности» прагматических смыслов, которые порождаются в процессе речи.

2.4. Выбор фразеологических единиц, диктуемый коммуникативно-прагматической ситуацией, и их прагматическая функция в разных позициях

Как уже отмечалось выше, коммуникативно-прагматическая ситуация представляет собой комплекс внешних условий общения и результативность прагматического эффекта. Отношения между коммуникантами, сфера и обстоятельства общения предопределяют целесообразность выбора того или иного языкового знака для достижения желаемого прагматического эффекта. Фразеологические единицы, в силу явного преобладания коннотативного аспекта в их значении, занимают в этом процессе не последнее место. Большую роль в выборе фразеологизма играют статусные и позиционные роли, а также сфера общения.

Значение статусных и позиционных ролей коммуникантов в выборе фразеологической единицы

Социальный статус коммуникантов определяет выбор фразеологических единиц, характерных для данной социальной группы. Например, на протяжении всего романа Э. МакБейна “Give the Boys a Great Big Hand” герои-полицейские как в беседах друг с другом, так и во внутренней речи (в случае, когда адресат и адресант совпа-

дают) употребляют разговорные, просторечные (жаргон, сленг) фразеологические единицы. Например:

Now *cut it out*, he thought. It's bad enough. It's raining. We don't have to start thinking of creepy cadavers... Listen, let's not even think about it. *It makes me itchy*. Well, listen, you're a cop, he reminded himself. What do you think cops do? Turn off fire hydrants all the time? Break up stick-ball games? I mean now let's face it, every now and then a cop has got to find a stiff. Listen, that *makes me itchy*, I mean, that's what you're got paid for, man. (E McB)

Приведенный пример — внутренняя речь главного героя романа — полицейского, которого постоянно преследуют неприятные воспоминания, связанные с его работой, воспоминания, которые он постоянно пытается отогнать от себя (*cut it out*), так как они возбуждают его, заставляют чувствовать беспокойство (*it makes me itchy* (sl) ср. с *нейтр.* ill at ease).

Речь же образованных людей, людей, стоящих на более высокой ступени социальной лестницы, отличается своим лингвистическим наполнением. Хорошее воспитание, эрудиция, образование определяют языковое оформление их высказываний. Такие люди не позволяют себе употребление грубостей, тем более вульгаризмов, ни при каких обстоятельствах. Лингвистическое наполнение речи образованного человека может колебаться лишь в пределах «разговорный — литературный».

Однако как уже указывалось выше, речь любого человека может меняться в зависимости от сферы общения и той цели, которую адресант преследует. В подобном случае фразеологические единицы, как знаки с хорошо отработанной экспрессивностью, всегда могут служить той маской, которую говорящий надевает в определенном кругу. Например, речь Пуаро становится изысканной, даже возвышенной для того, чтобы выразить сочувствие и, тем самым, заставить собеседника раскрыться¹.

“Monsieur”, said Poirot, his manner suddenly very foreign, “believe me, *my heart bleeds for you*. Such a loss! Such agony as you must be enduring! Ah, but I will say no more”. (DMM)

И, наоборот, высокопоставленные особы (в данном случае — премьер-министр и адмирал) ни при каких обстоятельствах не позволили бы себе употребление таких выражений, которые они упот-

¹ Ср.: «Говорить, значит не передавать свою мысль другому, а только возбудить его собственные мысли».

ребляют в неформальной беседе друг с другом, что лишь подчеркивает их близкие отношения, отношения «на равных».

Употребление в их беседе грубой (бранной) ФЕ *start arseing around*, включенной в разряд вульгаризмов, отражает негативное отношение адмирала Бланта к русским и к установлению с ними каких-либо контактов.

Употребление подобного фразеологизма обусловлено требованиями коммуникативно-прагматической ситуации для того, чтобы реализовать прагматическую направленность текста. Высшая степень презрения передается как посредством всего «контекста ситуации», так и посредством фразеологизма, который материализует в тексте «осознанное намерение отправителя сообщения оказать соответствующее воздействие на получателя речи» (Наер В. Л.).

“...If one could get into touch with the Russians – I really think a personal visit at top level”. “You stick where you are, Prime Minister,” said Admiral Blunt. “Don’t you start arseing around with the Russkies again. All they want at present is to keep out of all this mess... All they mind about is keeping an eye on the Chinese to see what they’ll be up to next.” (P to P)

Речь полицейского, изобилующая вульгарными, просторечными и даже бранными выражениями при общении со своими приятелями-коллегами, меняется, когда он разговаривает с женой, которую очень любит, уважает и с мнением которой считается, либо со старшим по званию, или по социальному положению, в то время как последние употребляют по отношению к нему довольно бесцеремонные выражения, которые они могут себе позволить в силу своей статусной роли. Например:

“Boy, there are times I wish I was a movie star or something”, Frick said. “All right, get out. Look alive, Genero. Keep on your goddamn Joes.”

“Yes, sir.” Genero saluted and left the captain’s office hurriedly, thanking his lucky star that no one had discovered he’d had two glasses of wine in Max Mandel’s shop just before finding the bag. (Ed Mc B)

Употребление ФЕ *keep on your toes* (ср. *русск.* «держи хвост пистолетом») имеет ограничение в лично-дейктическом употреблении: «ТЫ – грамматика» только в речи вышестоящего по должности, положению, возрасту и т.д., либо в речи коммуникантов, стоящих «на одной ступени». Эмотивная модальность в данном случае – покровительственный совет-пожелание с оттенком одобрения.

Фразеологические единицы, имеющие подобные ограничения в лично-дейктическом употреблении, наблюдаются лишь в косвенной речи, либо в авторском тексте, когда вступает в силу непрямая характеристика «ОН – грамматика». В силу своего положения говорящий не может позволить себе прямого обращения «заткнись» (shut up) или «послать подальше» собеседника, например:

“You’re such a cheerful fellow, Pagett!” I said. “I trust your *imagination runs away with you*. If I were you I should go to the dance as a death’s head or an executioner. It will suit your mournful style of beauty”. That shut him up for the time being. I went on deck. (MBS)

Resisting the temptation to say, “Donald Duck to you.” I put down the telephone and called up the stairs to where I could hear the sound of Partridge’s activities overhead. (The MF)

Таким образом, помимо характеристики героев с точки зрения их социального статуса, фразеологические единицы могут также отражать и позиционные, и ситуационные роли коммуникантов.

В приводимых примерах «Х» выше «У»: либо старше по возрасту, либо более образован, либо имеет больший жизненный опыт. Фразеологические единицы, зафиксированные в подобных текстах, употребляются, в основном, реализуя свой узуальный прагматический потенциал. Благодаря же всей коммуникативно-прагматической ситуации высказывания «Х»-а звучат покровительственно по отношению к «У». Вступают лично-дейктические отношения – «ТЫ – грамматика».

Таким образом, статусные, позиционные, ситуационные роли коммуникантов предопределяют выбор того или иного фразеологизма, который может являться как средством характеристики говорящего, так и выполнять определенную роль в реализации других целей, предусмотренных коммуникативно-прагматической ситуацией: предупредить, предостеречь, запугать, убедить, а также выразить свое чувство-отношение к тому или иному событию.

Фразеологические единицы как средство характеристики третьего лица

Фразеологические единицы как характеризующее средство, будучи насыщенными эмотивно-оценочными коннотациями уже в узусе, в большинстве случаев употребляются при косвенной характеристике субъекта (некоего третьего лица), так как здесь их возможности не ограничены («ОН – грамматика»).

В подобных случаях высказывание с ФЕ отражает чувство-отношение говорящего к описываемому субъекту/объекту и направлено на то, чтобы вызвать подобное же чувство-отношение у воспринимающего (адресата), чтобы убедить его, внушить, порой, возможно, и навязать ему свои знания, впечатления, мнение о некотором лице или явлении, свои убеждения, намерения. Цель подобных высказываний – вызвать реакцию адресата, адекватную интенции адресанта.

Прагматическая функция в данном случае – функция непосредственного речевого воздействия. Например, в следующем отрывке мисс Гриффис, характеризующая Меган Хантер как «свихнувшуюся», преследует цель внушить это своему собеседнику, вызвать у него соответствующее отношение к девушке. (Знай, что она такая, и делай свои выводы).

“I hear Megan Hunter found the body? Must have given her a bit of a shock!”

I said shortly: “It did.”

“Not too good for her, I should imagine. In my opinion she is not too strong in the head – and a thing like this might send her completely off her onion.”

I took a sudden resolution. I had to know something.

Tell me, Miss Griffith, was it you who persuaded Megan to return home yesterday?”

“Well. I wouldn’t say exactly-persuaded.”

I stuck to my guns. (MF)

Фразеологическая единица *not too strong in the head* = *soft/touched* или *weak/in the head* «придурковатый, слабоумный»; «не все дома, мозги набекрень» (наблюдается синонимическая замена); *to be off one’s onion* *жарг.* «рехнуться, спятить» характеризуют человека с отклонениями в психике, с ущербными умственными способностями. Здоровому человеку свойственно проявление снисходительного (порой даже пренебрежительного) отношения к человеку с такими отклонениями.

В приведенном примере в речи мисс Гриффис наблюдаются даже сочувственные нотки, нотки жалости: девушку с нарушенной психикой все происходящие события могли глубоко потрясти и еще больше ухудшить ее состояние (*send her completely off her onion*). Цель – убедить молодого человека, заставить поверить ее словам и, тем самым, возбудить в нем подозрение в том, что именно Меган является автором преследовавших всех анонимных писем, которые мог писать

только не вполне нормальный человек, человек с отклонениями, даже маньяк. Налицо функция непосредственного речевого воздействия.

Однако достижения прагматической цели не происходит, так как поведение воспринимающего. его речевая реакция прямо противоположны ожидаемым. У него уже возникли подозрения к самой мисс Грифис, которые породило знание, близкое знакомство с предметом коммуникации (Меган), умение ориентироваться в сложнейшей ситуации, способность к аналитическому мышлению. Ему недостает лишь некоторых доказательств, которые он пытается найти, настойчиво добываясь ответа на свои вопросы (ФЕ *to stick to one's guns* «не сдавать позиций, держаться стойко, твердо стоять на своем»).

Полное взаимопонимание коммуникантов, совпадение мнений находим в следующем примере:

“So that’s Mr. Hercule Ppirpt! I’ve heard of him.”

“Old friend of mine,” explained Japp. “*Not half so balmy as he looks.* mind you. All the same he’s getting on now.”

“*Gone a bit gaga*, as they say, sir,” suggested Inspector Jameson. “Ah, well, age will tell.” (DMM)

Фразеологическая единица *to go gaga* «сходить с ума, быть сумасшедшим» полностью подтверждает мнение Джаппа “*Not half as balmy as he looks*” и отражает пренебрежительное отношение говорящих к описываемому субъекту, которое они никогда не посмеют высказать ему прямо в глаза. При описании данной фразеологической единицы отмечаем запрет на ее употребление по отношению к вышестоящему или старшему по возрасту лицу.

Например, ФЕ *to be nuts* может употребляться при непосредственном прямом обращении лишь к человеку, находящемуся с говорящим на одной ступени иерархической лестницы, равному или младшему по возрасту и находящемуся в приятельских отношениях. В подобных случаях употребление фразеологизма раскрывает неодобрительное отношение к какому-либо поступку «У», либо «Х» его осуждает, но практически никогда не выражает презрения. И еще менее суровый приговор выносится, когда говорящий употребляет это выражение по отношению к себе, при описании своего внутреннего состояния.

He looked out the pub window at the sky-high mountain peaks that seem to be nudging Vancouver into the sea.

“Sometimes I think I’ll go nuts staring at those things.” (D. Carter)

В следующем примере фразеологизм *to be nuts, to go nuts* употребляется при не прямой (косвенной) характеристике третьего лица «ОН – грамматика».

“I ask you, should I be likely to think of such a thing? The Old Man seemed to enjoy himself throwing his weight about. I never imagined he'd do such a thing. I can't think why he did it. I suppose just because he was nuts.” (DMM)

Говорящий «Х» неодобрительно относится к характеризуемому им «У»-у. Ему не нравится, он осуждает, даже презирает его манеру помыкать людьми, держаться заносчиво (*throw his weight about*) и получать от этого удовольствие; по его мнению, подобный человек никогда, будучи в здравом уме, не кончит жизнь самоубийством, а если уж он совершил это, то он просто сошел с ума (*he was nuts*).

Чувство недовольства, раздражения, неприятия вызывает человек, который везде сует свой нос, что и отражает фреймовая семантика идиомы *to put one's nose everywhere*, выраженная в первой части приводимого ниже примера. Человеку свойственно «совать свой нос в какие-то дела», ему свойственно любопытство – черта, вызывающая отрицательное чувство-отношение к субъекту, обладающему ею, но, тем не менее, являющаяся естественной для человеческой натуры. Человек, который ничем не интересуется, вызывает настороженность, и уж совсем непонятен человек, который, несмотря на то, что ничем не интересуется, ни во что не вмешивается, «никуда не сует свой нос», тем не менее обладает сверхъестественной силой знать все обо всех. Такой человек вызывает у окружающих мистический страх, такого человека следует опасаться, так как это не свойственно человеческой натуре.

Налицо уже не эксплуатация собственно семантики идиомы, а отсылка к обиходно-бытовому уровню, к отражению картины мира.

Otherwise I was depending on the fictional presentment of vicar's wives, caricatures of females *poking their noses everywhere*, and uttering platitudes. Probably, no such type exists.

Mrs. Dane Calthrop never *poked her nose in everywhere*, yet she had an uncanny power of knowing things and I soon discovered that almost everyone in the village was slightly afraid of her. (The MF)

Прагматическая направленность приведенных отрезков текста определила выбор именно этих, характеризующих объект, фразео-

логических единиц, так как в них самих уже заложена соответствующая данной коммуникативно-прагматической ситуации прагматическая информация.

До сих пор мы рассматривали употребление фразеологических единиц для характеристики самих коммуникантов и объекта коммуникации, т.е. того, что в схеме коммуникативно-прагматической ситуации представлено в виде вопросов (кто? – кому? – с чем?). Необходимо рассмотреть также употребление фразеологические единицы при описании сферы общения (где? – когда?), при описании пропозиции. Употребление фразеологических единиц в приведенных ниже примерах можно отнести к описанию некоего третьего лица («ОН – грамматика»).

Напряженность, сложность ситуации, неверная оценка ситуации представлены в следующих примерах при помощи таких фразеологических единиц, как *a pretty kettle of fish* «неразбериха», «сам черт ногу сломит», «ну и каша заварилась!»

“A pretty kettle of fish,” muttered Major Finney. He tapped with his fingers on the table. “Is Huish here?” he asked. (O by I)

A mare’s nest «иллюзия, заблуждение»

A rumour came along yesterday of a mysterious island somewhere up the river, with a man and a girl on it.

Rase got very excited. It turned out to be all *a mare’s nest* however. The man had been there for years, and is well known to the manager of the hotel. (MBS)

The fat is in the fire «дело сделано, дело скверно, быть беде»

“And, of course,” said Battle, “if he’s blurted it out in his precious memoirs, the *fat is in the fire*. Especially after the way the whole thing was hushed up.” (S of Ch)

Death lay at the door (death knocks at the door) «смертный час близок, смерть стучится в дверь»

...for one terrible moment she must have feared that Mrs. Ingleshorp’s *death lay at the door*. She is seized with panic... (MAS)

To be (skate) on/over thin ice «скользить по тонкому льду», быть на грани опасности, быть в затруднительном, щекотливом положении; коснуться опасной темы (в разговоре)

He paused. The moment had come for *skating over thin ice*. “I must tell you that in my struggle with the waiter Giuseppe, I had wrested from him a small bit of paper with some words scribbled on it...”

a skeleton in the closet/cupboard; family skeleton «семейная тайна, скрывающаяся от посторонних»

“Quite right, Battle. It’ll be hushed up, I hope. You can understand what I feel about family skeletons.” “Trust Mr. Lemax for that, sir. No one will ever know. That is, a lot of people will know, but it won’t get about.” (S of Ch)

“It will mean a good deal of unhappiness and they’ll wish they’d never meddled with the thing. *Skeletons should be kept in their cupboards*. Still, you know, I can quite see young Jile’s point of view. Dash it all, I couldn’t leave the thing alone myself. Even now, I’m curious...” He broke off and directed a stern glance at Miss Marple. (SM)

Наблюдаемое в приведенных примерах описание места действия, обстоятельств, сопутствующих ему, вызывает у воспринимающего соответствующее чувство-отношение, чувство-реакцию на происходящие события и определяет его дальнейшее поведение — отношение к происходящему, так как восприятие последующих событий опирается на те ассоциативные связи, которые устанавливаются с предшествующими им событиями, на предварительно полученные знания и модели, формирующиеся в сознании человека. Знакомясь с описываемой ситуацией, воспринимающий получает необходимые сведения, «на фоне которых обеспечивается понимание той или иной информации» (Г. В. Колшанский).

Самохарактеристика адресанта

Интерес представляет употребление фразеологических единиц для описания самим адресантом своих собственных чувств, переживаний, настроений, своего восприятия тех или иных событий, отношения к ним. В этом случае «X» и «Y» совпадают (Я — о себе) («Я — грамматика»).

Воспринимающий (адресат) «Z» — либо воображаемый — читатель — при употреблении фразеологических единиц во внутренней речи, либо реальный — какое-то третье лицо, какой-то персонаж произведения, поскольку, как уже указывалось выше, никакая монологическая речь не протекает впустую. При этом личностные

свойства субъекта «Y» – адресанта, его психологическое состояние проявляются в подобных случаях более свободно.

В данном примере намерение отправителя сообщения – оказать соответствующее воздействие на получателя речи – отличается от намерений говорящего в рассмотренных выше примерах, где все высказывание было направлено на «вмешательство» в систему взглядов адресата, на воздействие на его (адресата) мысли, суждения, оценки, отношения к характеризваемому объекту. В данных примерах прагматическая функция иная – функция ознакомления с внутренним миром субъекта речи. По словам П. М. Якобсона, такая форма общения направлена на то, чтобы сделать другого человека – реального или воображаемого адресата – на основе контакта с ним близким себе в каких-то отношениях, так же как и себя сделать близким другому. В этом случае идет установка на сопереживание.

Цель адресанта – достигнуть сопереживания, сопонимания, создать эмоциональный и интеллектуальный контакт с адресатом. Эмоциональное состояние говорящего, его страхи, опасения и переживания отражены в следующих примерах при помощи фразеологические единицы: *a goose (smb или someone) is walking over smb's grave* «дрожь пробирает; мурашки по спине (по телу) бегают; кровь стынет в жилах»:

“...Why, Anne, dear, what's the matter?”

For I had burst into a flood of tears.

“You haven't caught a chill, have you, Anne?”

“It's nothing!” said. “Nerves – *or someone walking over my grave*. I keep feeling something dreadful's going to happen.” (MBS)

“Why, Mary, what a gruesome conversation cried Mrs. Inglethorp. “It makes me feel as *if a goose were walking over my grave*. Oh, there's Cynthia!” (MAS)

To make smb's flesh creep; to give smb the nasty feeling, to give smb the (cold) shivers down the spine – нагнать страх на кого-либо, привести кого-либо в трепет; заставить содрогнуться; «мороз по коже продирает»; «мурашки по спине бегают»

“What information?”

“Well, I don't suppose you'll like what I'm going to say now,” said Mrs. Oliver. “I didn't like it myself. In fact, it gives me a very nasty feeling *all down my spine* because I think it was – well, such awful cheek. Awful bad manners. Absolutely unpardonable.” (ECR)

“What about Colonel Racel?”

“Yes, *that was a nasty jar*. When Pagett told me he was a Secret Service fellow, I *had an unpleasant feeling down the spine*. I remembered that he'd been nosing around Madina in Paris during the war – and I had a horrible suspicion that he was out after me. I don't like the way he's stuck to me ever since. He's one of those strong, silent men who have always got something up their sleeve.” (MBS)

“...Be cheerful, always be on the lookout for danger...” “*You make my flesh creep*. Mr. Rayburn!” said, with some truth. “Why do you take the trouble to warn me?” (MBS)

В следующем монологе говорящий, описывая свои трудности при разрешении проблемы, создает эмоциональный контакт с воспринимающим, чтобы вызвать у него чувство сопонимания, сочувствия.

“Morning. I've just received rather an odd letter. From a woman called Lily Kimble. I've been racking my brains to remember who she is. Thought of a patient first – *that put me off the scent*. But I rather fancy she must be a girl who was in service once at your house. House – parlourmaid at the time we know of. I'm almost sure her name was Lily, though I don't recollect her last name.” (SM)

Жалобой на усталость, на переутомление мисс Марпл стремится вызвать сочувствие у доктора и тем самым убедить его разрешить ей уехать, против чего доктор возражал, считая это не обязательным.

“For a woman of your age,” he said, “and in spite of that misleading frail appearance, you're in remarkably good fettle.”

“I'm sure my general health is sound,” said Miss Marple.

“But I confess I do feel a little overtired – a little *run down*.” (SM)

В следующем примере героиня взывает к сочувствию к ней, к тому, чтобы окружающие поняли ее состояние, то, как ей неприятно вспоминать о случившемся:

“Let us just reconstruct that little scene. You were lying in you bunk – so – and you could not see for yourself, you say?”

“No, because of the sponge-bag. Oh, my, I shall have to get a new sponge-bag. It makes me feel sick in my stomach to look at this one.” (M on the OE)

Фразеологическая единица – to feel sick in one's stomach.

Страх, удивление отражены при помощи ФЕ *bring smb's heart into smb's mouth* (т.ж. *make smb's heart leap into smb's mouth*) «перепугать кого-то до смерти»; «душа в пятки ушла»:

Suddenly my heart leapt into my mouth. The man who had followed me crossed to the middle of the road and spoke to a policeman. (MBS)

Внутреннее состояние героя, высшая степень удивления представлены с помощью ФЕ *all my eye (and Betty Martin)* «ерунда! сущий вздор! ахинея!», выполняющей усилительную функцию и отражающей пренебрежительное отношение героя к происходящим событиям, ко всем выдвигаемым теориям.

“All my eye and Betty Martin,” said Colonel Pikeaway.

“Hitler never had a son.” (P to F)

Таким образом, можно отметить, что ФЕ, будучи употребленными в разных позициях, имеют свою прагматическую функцию.

Речевая деятельность «Я – говорящего» – деятельность рефлексивная, отражающая отношение субъекта к своим собственным поступкам, поведению, действию и т.д. При этом цель – не заставить воспринимающего осудить, не вызвать у него отрицательную реакцию-отношение к себе, а наоборот, смягчить его отношение, вызвав с его стороны жалость, сочувствие, понимание и т.д.

Как показал анализ, вступая в определенные связи с текстом, фразеологические единицы могут являться одним из основных средств, определяющих прагматическое воздействие на реципиента, являться доминирующим в реализации прагматической направленности текста, реализуя без каких-либо изменений только узуальную, т.е. закрепленную в языковой системе лингвопрагматическую коннотацию.

Под влиянием эмоционального контекста, реализующего не только мысль говорящего, но и те психические переживания, которые входят в задачу и намерение сообщения, фразеологические единицы, наряду с семами, выявленными в системном контексте, зафиксированными в узусе, могут также выявлять окказиональные семы, выступая в большинстве случаев как интенсификаторы направленного воздействия на адресата.

Дополнительные эмоциональные семы, которые наслаиваются на основную (узуальную) сему, могут возникать в зависимости от того, где, когда, кем употребляется данный фразеологизм, кого он характеризует. Употребление того или иного фразеологизма обусловлено требованиями коммуникативно-прагматической ситуации для того,

чтобы реализовать прагматическую направленность текста. При этом их прагматическая функция в разных позициях «Я – ТЫ – ОН – грамматика» меняется.

Фразеологическая единица, употребляясь в речи в ряду других языковых элементов, становится одним из эффективных средств для воплощения интенции говорящего, для реализации прагматической заданности текста.

* * *

Фразеологические единицы представляют собой сложные семантические образования, структура значения которых до сих пор не имеет еще четкого описания. Тем не менее, можно утверждать, что коннотативный аспект в значении фразеологические единицы является ведущим.

Коннотация в данной работе представлена как комплекс сигналов, направленных на эмоциональное воздействие на реципиента, возбуждающих то или иное эмотивно-оценочное отношение к описываемому объекту, она является средством экспрессивности фразеологические единицы.

Экспрессия фразеологической единицы – это ее способность производить на реципиента определенный прагматический эффект.

Семантика фразеологической единицы представляет собой многомерную структуру. Она состоит из того, что названо, – объективного фактора и огромного количества отношений к тому, что названо, – субъективного фактора. Только в синтезе они образуют целостное значение фразеологизма.

Фразеологическая единица является маркированной прагматической единицей, а фразеология в целом – одним из прагматических средств языка, так как в коннотации экспрессивно-окрашенного фразеологизма уже в узусе запрограммировано эмотивно-прагматическое воздействие.

Являясь же прагматически направленными еще в узусе, фразеологические единицы, используемые в тексте, реализуют как свои собственные прагматические возможности, так и под влиянием контекста, коммуникативно-прагматической ситуации, в зависимости от сферы общения, ситуационной роли говорящего и слушающего, психологического типа личности, уровня образования, воспитания, возрастных характеристик говорящего и слушающего, их социального положения, полового различия, а также в зависимости от оп-

ределенной референциальной отнесенности в речевом контексте, могут выявлять различные окказиональные семы, новые дополнительные значения, которые, не проявляясь в узусе, тем не менее существовали в значении ФЕ имплицитно.

В настоящем курсе проанализированы фразеологические единицы, функционирующие в ограниченном контексте, в определенном фрагменте речевого общения, где сфера общения, вся коммуникативно-прагматическая ситуация были ограничены микрокоммуникативным актом, где в качестве адресанта выступал «внутренний коммуникант» — субъект речи, персонаж, а в качестве адресата — персонаж литературного произведения или массовый читатель. В данном случае прагматическая функция фразеологические единиц зависит от факторов, присущих конкретной, ограниченной коммуникативно-прагматической ситуации.

Несомненный интерес представляет исследование прагматических функций, прагматического воздействия и значения фразеологические единиц в макрокоммуникативном акте — целом речевом произведении, где конечными участниками коммуникации являются адресант — писатель и адресат — массовый читатель. Прагматическое значение и прагматическая функция фразеологические единиц в этом случае отличаются от рассмотренных в данной работе. Эта проблема требует своего разрешения в дальнейшем, так как в рамках одной работы невозможно осветить все аспекты прагматики фразеологических единиц.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Азнаурова Э. С.* Прагматика художественного слова. — Ташкент, 1988.
2. *Арнольд И. В.* Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // *Экспрессивные средства английского языка.* — Л., 1975. — С. 11–20.
3. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. — Л.: Просвещение, 1981. — 295 с.
4. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979, 1986.
5. *Березин Ф. М.* История лингвистических учений. — М.: Высшая школа, 1975.
6. *Берлизон С. Б.* Эмоциональное значение — особый компонент смысловой структуры ФЕ // *Вопросы лексико-синтаксической системы языка.* — М., 1971.
7. *Вежбицка А.* Речевые акты // *НЗЛ: Лингвистическая прагматика.* Вып. XVI. — М.: Прогресс, 1985 — С. 251–275.

8. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
9. *Ивин А. А.* Основания логики оценок. — М.: Изд-во МГУ, 1970. — 230 с.
10. *Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. — Л.: ЛГУ, 1978.
11. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. — М., 1975.
12. *Кубрякова Е. С.* Актуальные проблемы современной семантики. — М., 1984. — 130 с.
13. *Кунин А. В.* Английская фразеология. — М.: Высшая школа, 1970. — 346 с.
14. *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка. — М.: Международные отношения, 1972.
15. *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // НЗЛ: Лингвистическая семантика. — Вып. X. — М.: Прогресс, 1981. — С. 350–368.
16. *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. — М.: Наука, 1980.
17. *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения. — М.: Высшая школа, 1988. — 168 с.
18. *Психолингвистические* проблемы семантики. — М.: Наука, 1983.
19. *Стивенсон Ч.* Некоторые прагматические аспекты значения // НЗЛ: Лингвистическая прагматика. — Вып. XVI. — М.: Прогресс, 1985. — С. 129–154.
20. *Столнейкер Р. С.* Прагматика // НЗЛ: Лингвистическая прагматика. — Вып. XVI. — М.: Прогресс, 1985. — С. 419–428.
21. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986. — 142 с.
22. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // НЗЛ: Когнитивные аспекты языка. — Вып. XXIII. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52–92.
23. *Чейф У.* Значение и структура языка. — М., 1975.
24. *Шаховский В. И.* Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // ВЯ. — 1984. — № 6.
25. *Charleston B. M.* Studies on the Emotional and Affective Means of Expression in Modern English (Schweizer anglistische Arbeiten — Bd 46). — Bern: Francke Verlag, 1960. — 357 p.
26. *Cherry C.* On Human Communication: a Review — A Survey and a Criticism — Cambridge (Mass.). — London, 1970.
27. *Leech G. N.* Meaning and the English Verb. — London: Longman, 1971. — 131 p.
28. *Lyons J.* Basic Problems of Semantics // Proceedings of Language. — 1975. — Vol. 12. — № 3.
29. *Nida E. A.* Componential Analysis of Meaning. — Indian Univ. The Hague; Paris; Mouton, 1975.
30. *Wierzbicka A.* Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language — Sydney etc: Academic Press, 1980. — 367 p.
31. *Wunderlich D.* Methodological Remarks on Speech Acts Theory and Pragmatics. — Dordrecht etc, 1980.

Глава V

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Задачей настоящего раздела является следующее: проанализировать проблему перевода фразеологических единиц с английского языка на русский, рассмотреть существующие на этот счет точки зрения и существующие классификации фразеологизмов, так как в границах каждой группы преобладает тот или иной прием перевода, а затем проверить на фактическом материале, как теория согласуется с практикой перевода.

С этой целью нами были рассмотрены все существующие в отечественном языкознании теории перевода фразеологических единиц. Кроме того, был использован фактический материал — текст романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» и его перевод, осуществленный М. Дьяконовым. В работе использовался метод сопоставительного анализа оригинала и текста русского варианта книги.

В структурном отношении глава состоит из трех разделов, в которых мы рассмотрели предпосылки передачи слова как лексической единицы, а также различные способы перевода фразеологических единиц, которые применяются при переводе безэквивалентных фразеологизмов и ФЕ, имеющих эквиваленты. В ней также было проанализировано, насколько удачно использован тот или иной вид перевода применительно к ФЕ из текста оригинала романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия».

Слова Эдмонда Кари «...мы живем в век перевода», сказанные им в 1962 г., отражают тот положительный сдвиг, который наметился в отношении к переводу за последние два-три десятилетия. В истории культуры, литературы, филологической науки не было еще периода, когда бы с такой силой и живостью отмечался интерес к переводу и к теоретическим проблемам, связанным с ним. Это объясняется тем, что наше время — время интенсивного международного обмена культурными ценностями, в том числе литературными, разнообразной научной, политической, технической и деловой информацией.

В процессе познания всей «культурной коммуникации» одно из ведущих мест занимает перевод, посредством которого сопоставляются, сравниваются, а также одновременно и обогащаются взаимно два мира, две культуры, два языка. При этом текст оригинала должен, с одной стороны, хорошо восприниматься языком, на который он переведен, отвечая нормам языка, и, с другой стороны, оставаться текстом иностранным, со своей спецификой и национальным колоритом. Теоретики такой перевод называют «адекватным». Эти две качественные характеристики перевода связаны с тем, что и иностранный язык, и язык перевода обладают только ему присущей лексико-грамматической структурой, в каждом из них выражены особенности бытия, мироощущения и культуры определенной нации и эпохи, что создает немалые трудности для перевода.

Переводческая работа неразрывно связана с основной функцией языка как орудия общения и его общенародным характером.

Л. С. Бархударов определяет перевод «...как процесс преобразования речевого произведения (текста) на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания. Это значит, что при переводе происходит замена единиц плана выражения, т.е. единиц языка, но сохраняется неизменным (точнее, относительно неизменным) план содержания, т.е. передаваемая текстом информация» (Бархударов, 1975:174). При этом он отмечает, что единицей перевода может быть единица любого языкового уровня — от фонемы до текста в целом. З. Е. Роганова называет такую единицу «транслемой» (Роганова, 1971)

В шкале «непереводимости» или «труднопереводимости» фразеологизмы занимают едва ли не первое место: «непереводимость» фразеологии отмечается всеми специалистами в числе характерных признаков устойчивых единиц, на нее ссылаются сторонники «теории непереводимости».

Стандартного метода перевода ФЕ нет. Часто, даже при наличии равноценного фразеологического соответствия в словаре, приходится искать иные пути перевода, так как этот эквивалент не годится для данного контекста.

Чтобы в теоретическом плане говорить о приемах перевода ФЕ, нужно всю фразеологию данного языка расклассифицировать по какому-то обоснованному критерию на группы, в границах которых наблюдался бы как преобладающий тот или иной прием. К вопросу о систематизации и классификации явлений фразеологии пер-

вым обратился выдающийся швейцарский лингвист Ш. Балли в книге «Французская стилистика» (1-е издание — 1909 г.), построенной на сопоставлении с немецким языком. Противопоставив область фразеологии свободным сочетаниям слов, он установил в ней два основных вида словесных комплексов (в порядке возрастающей степени спаянности компонентов) — фразеологические группы и фразеологические единства (с шестью подгруппами в тех и других) (Балли, 1961: 88—111).

В дальнейшем изучение фразеологии широко развивалось в советском языкознании в 1940—1960 г.г. Классификация фразеологизмов русского языка, предложенная В. В. Виноградовым (Виноградов, 1947, 1946) и впоследствии применявшаяся также по отношению к другим языкам, предусматривает, помимо свободных сочетаний, три основных типа фразеологических единиц в порядке убывающей степени близости связи между компонентами: фразеологические сращения, единства и несвободные (иначе — устойчивые) сочетания.

В отличие от Ш. Балли и В. В. Виноградова, исходивших при классификации фразеологизмов из современного состояния языка и ограничивших их от свободных сочетаний, Б. А. Ларин подошел к материалу исторически, учитывая пути становления ФЕ — от свободного сочетания к слитному и далее к неразложимому; кроме того, имея в виду влияние традиции на словоупотребление, большую или меньшую ограниченность свободных сочетаний этой традицией, т.е. их далеко не полную свободу, Б. А. Ларин обозначил их термином «переменные» и тоже ввел их в пределы своей классификации, которая тем самым охватила всю область языка. Она включает три рубрики (в порядке возрастающей слитности): 1) переменные словосочетания, в которые входят и устойчивые фразеологические сочетания (по терминологии Виноградова);

2) устойчивые метафорические словосочетания, отчетливо выделяющиеся «наличием стереотипности, традиционности и метафорического переосмысления, отхода от первоначального значения, иносказательным применением», еще вполне понятным в современном языке;

3) идиомы, отличающиеся от предыдущей группы «более сокращенным, далеким от первоначального составом (лексическим и грамматическим) и заметным ослаблением той семантической членораздельности, какая и обуславливает метафоричность» (Ларин, 1956: 222—223), другими словами, мотивировка значения здесь ут-

рачена. Вторая и третья рубрики близко соответствуют «фразеологическим единствам» и «фразеологическим сращениям» по классификации В. В. Виноградова.

Для теории перевода эти три классификации ФЕ, во многом даже совпадающие, представляют собой интерес, так как они имеют общеязыковой характер, поскольку в основном опираются на семантический критерий, и тем самым применимы к широкому кругу языков – в отличие от других классификаций, рассчитанных либо на один конкретный язык, либо на язык определенного морфологического типа, имеющих в виду английский язык или шире – язык аналитического строя – и заостряющих внимание на структурных особенностях ФЕ. С точки же зрения перевода очень важны такие черты ФЕ, как степень смысловой слитности или отдельности элементов, степень ясности или неясности мотивировки (наличие или утрата внутренней формы, образности), стилистическая окрашенность.

Многие авторы (Аристов, Тучкова, Критская) в качестве исходной точки берут лингвистические классификации, построенные в основном на критерии неразложимости ФЕ, слитности ее компонентов, метафоричности и т.д. В соответствии с этой классификацией и определяется место ФЕ в одном из разделов: 1) фразеологические сращения (идиомы), 2) фразеологические единства (метафорические единицы), 3) фразеологические сочетания и выражения. Эта классификация весьма удобна для теории и практики перевода и, по мнению Я. И. Рецкера, который берет из нее, однако, только единства и сращения, считая, что по отношению к этим двум группам ФЕ следует применять неодинаковые приемы перевода: «перевод фразеологического единства должен быть образным», а перевод фразеологического сращения «осуществляется преимущественно приемом целостного преобразования» (Рецкер, 1974: 151). Ведущие теоретики перевода считают, что такой подход к классификации приемов перевода ФЕ нельзя считать неправильным. Однако, опираясь на лингвистические схемы, они насыщают их своим содержанием, вводят дополнительное деление на образные (Комиссаров, Рецкер, Тархов, 1960, 1965) и необразные единицы, на ФЕ пословичного и непословичного типа (Катцер, Кунин, 1964).

Я. И. Рецкер посвящает ФЕ большую главу в своей книге, отмечая, что бурный рост словарного состава английского языка приводит к тому, что ФЕ появляется все больше, а фразеологические словари отстают от жизни и что, следовательно, переводчик должен уметь самостоятельно разбираться в основных вопросах тео-

рии фразеологии, уметь выделять ФЕ, раскрывать их значение и передавать их экспрессивно-стилистические функции в переводе (Рецкер, 1974:145).

Фразеология обладает всеми качествами, которые могут поставить в затруднение переводчика уже на этапе распознавания ФЕ: раздельнооформленность, характер компонентов, большей частью не отличающихся от обычных слов, ничем не примечательная, за немногими исключениями, связь между ними и контекстом. Значительная часть неудач в переводе фразеологизмов обусловлена «неузнаванием их в лицо»: переводчик 1) принимает их за переменные (свободные) сочетания слов, и это приводит к переводу их на уровне слова, или 2) замечая их слитность, приписывает ее индивидуальному стилю автора; или же, наоборот, 3) наделяет свободное сочетание качествами устойчивого и передает его на фразеологическом уровне (Влахов, Флорин, 1980:180).

Следующий барьер — это трудность восприятия, понимания распознанной единицы. В связи с характерной для ФЕ невыводимостью значения целого из значений компонентов, «пословный» перевод редко бывает верным. Компонент ФЕ может заслонить от переводчика значение целого.

Английский фразеологизм отличается, кроме того, большой смысловой и стилистической недифференцированностью, что затрудняет нахождение соответствий при переводе. “You never can tell” можно перевести «почем знать», «чем черт не шутит», что стилистически далеко не равноценно. Переводчик должен выбирать один из вариантов перевода, отличающихся по своей экспрессивно-стилистической окраске, в зависимости от контекста, тогда как приведенное выше английское выражение может быть употреблено и с оттенком иронии, и с оттенком горечи и раздражения.

Выбирая способ перевода ФЕ, переводчик должен учитывать, что она может обладать многозначностью. Нередко при развитии значений новое слово оказывается диаметрально противоположно старому, как это имеет место в отношении фразеологического единства “there’s no love lost between them”, что теперь обозначает: «они недолюбливают друг друга», а у Шекспира значило: «они любят друг друга». Некоторые английские ФЕ имеют разные значения в различных сферах речевого общения. Так, “to take the floor” в общественно-политической жизни означает «взять слово», «выступить», а в быту «пойти потанцевать». А если в газетах сообщается, что премьер-министр “may go to the country”, то речь идет не о времяпреп-

ровождении премьеры, а о его намерении распустить парламент и назначить новые выборы.

Необходим и учет стилистической многоплановости. Так, например, “that will do” может иметь разные стилистические (а в конечном счете и смысловые) оттенки. Как восклицание это значит: «Довольно! Хватит!» С интонацией сообщения эта ФЕ может употребляться в значениях: 1) достаточно, я удовлетворен; 2) согласен, ладно; 3) можете идти, вы мне больше не нужны.

От переводчика требуется также хорошее знание английской образной фразеологии и потому, что в контексте может быть употреблена не вся ФЕ, а лишь ее часть (пример усечения). В некоторых случаях смысл ФЕ остается ясен; вполне, например, понятен смысл “to teach one’s grandmother” — части ФЕ “to teach one’s grandmother to suck eggs”, но часто сокращенная ФЕ может быть понята только тогда, когда переводчику известна ее полная форма.

Так, в романе Голсуорси «В тисках» (“In Chancery”) Вэл Дарти размышляет о том, что его вынужденное решение пойти добровольцем в армию даст ему возможность не присутствовать на бракоразводном процессе его матери: “He would be out of the way of that beastly divorce. It was an ill wind!”

Второе предложение здесь — это часть ФЕ “It is an ill wind that blows nobody good”. И в переводе следует привести образное выражение полностью. «Теперь он сможет не иметь ничего общего с этим противным разводом. Нет худа без добра!»

Необходимо отметить, что термин «единица перевода» во многом условен. Точнее было бы говорить о единице переводческой эквивалентности. Эту мысль можно найти, например, в работах А. В. Кунина; который говорит об использовании в переводе эквивалентов: полных, частичных и словесных (Кунин, 1967). Говоря о приемах передачи образной фразеологии, В. Н. Комиссаров и Я. И. Рецкер считают, что лучшим способом ее перевода является «использование соответствующего фразеологизма в русском языке» (Комиссаров, Рецкер, Тархов, 1960) (здесь имеется в виду фразеологический эквивалент и фразеологический аналог). В своей работе «Язык и перевод» Л. С. Бархударов имеет в виду «такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода» (Бархударов, 1975: 175).

Идея выбора соответствия в практике перевода вообще проводится А. В. Федоровым в его «Введении в теорию перевода». Он выделяет три наиболее характерных случая:

1. В языке перевода нет словарного соответствия слову подлинника (вообще нет или нет в данном его значении).

2. Соответствие является неполным, т.е. лишь частично покрывает значение иноязычного слова.

3. Различным значениям многозначного слова подлинника соответствуют разные слова в языке перевода, в той или иной степени точно передающие их (Федоров, 1953:122).

В применении к ФЕ это будет выглядеть так:

1. В первом случае ФЕ не имеет в языке перевода ни эквивалентов, ни аналогов, она непереводаема в словарном порядке и передается нефразеологическими средствами.

2. Во втором случае ФЕ можно передать на языке перевода тем или иным соответствием, обычно с некоторым отступлением от полноценного перевода; переводится вариантом (аналогом).

3. В третьем случае ФЕ имеет в языке перевода точное, не зависящее от контекста соответствие, полноценное значение (смысловое значение + коннотации). ФЕ переводится эквивалентом.

Упрощая схему, можно сказать, что с переводческой точки зрения английские ФЕ делятся на две группы:

1. имеющие эквиваленты и аналоги в русском языке. К ним применим фразеологический перевод (пункты 2 и 3);

2. безэквивалентные ФЕ. Здесь возможен только нефразеологический перевод (пункт 1).

Между этими полярными положениями имеется множество промежуточных решений.

1. Перевод фразеологических единиц, имеющих эквиваленты и аналоги в русском языке

Фразеологический эквивалент — это ФЕ на языке перевода, по всем показателям равноценная переводимой единице. Вне зависимости от контекста она должна обладать теми же денотативными и коннотативными значениями, т.е. между соотносительными ФЕ не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски; они должны иметь примерно одинаковый компонентный состав, обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей; сочетаемостью (например, в отношении требования одушевленности —неодушевленности: “as fresh as a

cucumber" «свежий, как огурчик» применяется только по отношению к одушевленным), принадлежностью к одной грамматической категории (обе ФЕ – компаративные), употребительностью, связью с контекстом, со словами-спутниками и т.д. и еще одним – отсутствием национального колорита (Влахов, Флорин, 1980:184). Фразеологический эквивалент, если речь идет об образной фразеологии, – это ФЕ на языке перевода, которая полностью соответствует по смыслу английской ФЕ и основана на одном с ней образе. Фразеологические эквиваленты – это немногочисленные единицы, работа с которыми сводится к их обнаружению в языке перевода, решающая роль в этой работе принадлежит отличному владению языком перевода и словарем. Количество образных ФЕ, совпадающих по смыслу и образности в обоих языках, невелико. Значит, чаще приходится использовать фразеологические аналоги, т.е. аналогичные ФЕ, но основанные на иных образах. Например, “make hay while the sun shines” «куй железо, пока горячо», “to get out of bed on the wrong side” «встать с левой ноги», “out of the frying pan into the fire” «из огня да в полымя». А. В. Кунин называет аналоги частичными эквивалентами (см. ниже).

Итак, фразеологические эквиваленты могут быть двух типов:

1) постоянное равнозначное соответствие, которое является единственно возможным переводом и не зависит от контекста. Этот вид перевода назван Я. И. Рецкером «эквивалентом» в статье, где впервые был поставлен вопрос о закономерных соответствиях при переводе на родной язык (Рецкер, 1950). Поскольку всякое равнозначное соответствие является эквивалентом, то целесообразнее такой тип перевода назвать **моноэквивалентом**. Эти соответствия могут возникать в результате дословного перевода английских фразеологизмов, например: “time is money” «время – деньги».

2) С другой стороны, возможно наличие в русском языке двух или более эквивалентов английской ФЕ, из которых для перевода данного текста выбирается наиболее подходящий. Такие эквиваленты А. В. Кунин называет **выборочными**. Помимо указанного деления, А. В. Кунин предлагает также и следующую классификацию:

1.1. Полные эквиваленты

Это русские эквиваленты, в большинстве своем являющиеся моноэквивалентами английских ФЕ, совпадающие с ними по значению, по лексическому составу, образности, стилистической на-

правленности и грамматической структуре. Число подобных соответствий невелико; к этой группе относятся ФЕ интернационального характера, основанные на мифологических преданиях, библейских легендах и исторических фактах.

Augean stables	авгиевы конюшни
to burn one's boats	сжечь свои корабли
in the seventh heaven	на седьмом небе.

Большинство таких фразеологических единиц вошли в языки многих народов из античных источников, и заимствовались они из языка в язык или же возникли в разных языках одни независимо от других вследствие общности человеческого мышления, близости отдельных моментов социальной жизни, трудовой деятельности. Многие из таких единиц относятся к крылатым выражениям; среди них немало связанных с историческими или мифологическими личностями. Например, в русском языке существует эквивалент английского Achilles' heel «ахиллесова пята», Pyrrhic victory «пиррова победа». Об исторических событиях, мифах, поверьях напоминают: the die is cast «жребий брошен», the apple of discord «яблоко раздора», the salt of the earth «соль земли» и т.д. Из ФЕ других типов можно отметить:

устойчивые сравнения: as bold (brave) as a lion, as cold as ice, as cunning as a fox, as sharp as a razor «храбрый как лев», «холодный как лед», «хитрый как лиса», «острый как бритва»;

половицы: better late than never «лучше поздно, чем никогда», extremes meet «крайности сходятся», habit is a second nature «привычка – вторая натура»;

глагольные словосочетания: to gild a pill «позолотить пилюлю», to play with fire «играть с огнем», to read between the lines «читать между строк» (нетрудно заметить, что перечисленные ФЕ – кальки, что намного облегчает работу переводчика);

грамматическая фразеология – условное название раздельно оформленных частей речи, главным образом составных предлогов и союзов. Предлоги «в течение» (чего), «в связи» (с чем), союзы «так как», «благодаря тому, что», «в то время, как» и так далее, подобно терминам требуют эквивалента, но также необязательно фразеологического. Например, “thanks to” переводим обычно «благодаря (чему)». Среди них есть и единицы интернационального распространения: “in accordance with” «в соответствии с», “with the exception of” «за исключением» (Акуленко, 55);

глагольно-именные сочетания составляют значительную группу необразных ФЕ, категория которых теоретически еще недостаточно четко очерчена, но практически уже представлена несколькими русскими словарями-справочниками (Дерибас, 1975; Регина, Тюрин, Широкова, 1976). Их называют еще устойчивыми, или несвободными словосочетаниями — определение, относящееся, по сути дела, к любому фразеологизму.

Независимо от того, считаются эти единицы фразеологизмами или нет, их перевод тяготеет к фразеологическому, хотя нередко приходится прибегать к их однословным синонимам. То *win a victory* переводят как «одержать победу», но эту же мысль на обоих языках можно выразить проще — “win” «победить». Дело в том, что эти «описательные глагольно-именные выражения» (Мордвилко, 101) нередко отличаются от своих синонимов-слов стилистически.

Это исследование отнюдь не имело целью «подогнать» перевод ФЕ к голой теории. Чтобы не выходить за установленные рамки, мы сознательно ограничили себя исследованием перевода ФЕ только в одном литературном произведении. В качестве сопоставляемого материала нами был выбран роман У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» и его русский вариант в переводе М. Дьяконова под общей редакцией А. Аникста, М. Лорие, М. Урнова (М., 1976). Нами установлено, что в основном при переводе этого произведения теория и практика перевода мало чем отличаются, однако переводчик не всегда буквально следует существующим теориям. В ходе работы была проанализирована выборка, состоящая из 140 ФЕ, взятых произвольно из текстов подлинника и из русского варианта. В выборке имели место все виды перевода.

Число полных эквивалентов, которые нам удалось обнаружить в тексте, относительно невелико. Можно привести примеры такого перевода:

“I wish I could exchange my position in society, and all my relations for a snug sum in the three per cent consols;” for so it was that Becky felt the vanity of human affairs and it was in those securities that she would have liked to cast anchor. (Ch. XLI)

«Я с удовольствием променяла бы мое положение в обществе и все мои связи на кругленькую сумму в трехпроцентных консолях», — вот каким образом воспринимала Бекки тщету человеческих дел и вот в какой надежной пристани мечтала она бросить якорь.

At all events, what use was there in delaying? *The die was thrown*, and now or tomorrow the issue must be the same. (Ch. XV)

Русская ФЕ является полным эквивалентом английской, они вошли в языки из одного источника и связаны с историческими личностями.

But it may be said as a rule that every Englishman in the Duke of Wellington's army paid his way. The remembrance of such a fact surely becomes *a nation of shop-keepers*. (Ch. XXVIII)

Оба фразеологизма имеют один источник. Это – литературное произведение, автором которого является А. Смит (*Wealth of Nations*).

Perhaps she just looked first into the bouquet to see whether there was a *billet-doux* hidden among the flowers; but there was no letter. "Do they talk the *language of flowers* at Boggley Wollah, Sedley?" asked Osborne laughing. (Ch. IV)

Можно привести также два примера перевода ФЕ другого типа – устойчивых сравнений:

... epigrams that were *as sharp as razors*. (Ch. LXIII)

В этих двух ФЕ разница в числе существительного объясняется только желанием автора подлинника согласовать существительное "razor" в числе с существительным "epigrams".

For she could not only *sing like a lark*... and dance like Hillisberg or Parisot... (Ch. I)

Во всяком случае, что пользы откладывать? *Жребий брошен*, и теперь ли, завтра ли – результат будет один.

Но, как правило, можно сказать, каждый англичанин из армии Веллингтона платил за себя. Воспоминание об этом обстоятельстве, без сомнения, приятно *нации лавочников*.

Очень может быть, что прежде всего она заглянула внутрь букета, чтобы узнать, нет ли там какого-нибудь *billet-doux*, спрятанного среди цветов; но письма не было. «А что, Седли, у вас в Богли-Уоллахе умеют разговаривать *на языке цветов*?» – спросил Осборн, смеясь.

Они постоянно ранили друг друга эпиграммами, *острыми, как бритва*.

Эмилия не только умела *петь, словно жаворонок*, и танцевать, как Хиллисберг или Паризот.

В данном случае переводчик предпочел использовать также полный эквивалент компаративной ФЕ, хотя больше подошел бы аналог, так как для русского языка более характерно сравнение с соловьем.

His mother scarcely ever took notice of him. (Ch. XXXVII)

Мать почти никогда не обращала на него внимание.

Этот и подобные ему случаи не представляют практически никакой трудности для переводчика. Английская необразная ФЕ относится к разряду глагольно-именных сочетаний, и ее вполне можно перевести однословным синонимом «замечать».

1.2. Частичные эквиваленты

Они не означают какой-либо неполноты в передаче значения, а лишь содержат лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения, одной и той же стилистической направленности; у них может быть иная морфологическая соотнесенность, могут быть небольшие изменения синтаксического построения (предложная — беспредложная конструкции) и т.д. В остальном частичные эквиваленты являются полноценными соответствиями переводимой ФЕ, относительность, частичность которых вполне скрадывается контекстом. Поэтому частичный эквивалент по степени адекватности перевода равен полному, абсолютному эквиваленту.

а) Частичные лексические эквиваленты подразделяются на две группы:

Первая группа — русские эквиваленты английских ФЕ, совпадающие по значению, стилистической направленности и близкие по образности (грамматическая структура может как совпадать, так и не совпадать), но несколько расходящиеся по лексическому составу “turn one’s back” не «повернуть», а «показать спину», “to kill the goose that lays the golden eggs” «убить курицу, несущую золотые яйца», “to put by for a rainy day” «отложить на *черный* день». К этой же группе относятся и некоторые пословицы: “one swallow doesn’t make a summer” «одна ласточка *весны* не делает»; “don’t count your chickens before they are hatched” «цыплят по осени считают», (последний случай — пример антонимического перевода, т.е. передача негативного значения с помощью утвердительной конструкции);

Вторая группа — русские эквиваленты английских ФЕ, совпадающие по значению, стилистической направленности, но различные

по образности (грамматическая структура может как совпадать, так и не совпадать). Частичные, т.е. относительные эквиваленты с заменой образа, по терминологии Рецкера, — *аналоги* (Комиссаров, Рецкер, Тархов, 1960:58). Подавляющее большинство образных ФЕ относятся к этой группе. Например, “to be born with a silver spoon in one’s mouth” «родиться в сорочке», “a fly in the ointment” «ложка дегтя в бочке меда», “birds of a feather flock together” «рыбак рыбака видит издалека». Универсальные, вошедшие во многие языки «молот» и «наковальня» отсутствуют в английском, где им предпочитают «дьявола» и «глубокое море» “to be between the devil and the deep sea”.

Довольно часто фразеологические эквиваленты встречаются среди устойчивых сравнений. У многих народов говорят: «поет как соловей», «смел как лев», «упрям как осел», «пьян как свинья». Но для тех же качеств наряду с этими образами есть и другие, непривычные для языка переводы. Сравнение с соловьем явно не подойдет для стран, где его не знают, и переводчик должен много раз взвесить, прежде чем один раз ввести непривычный образ. Такого же взвешивания требуют и остальные сравнения — переводить своим, обычным или же ввести «экзотичное». Например, англичане видят упрямоту скорее у мула, а осел является также символом глупости; что же касается пьянства, то самые большие пьяницы у них, видимо, лорды (as drunk as a lord). Приведем еще несколько примеров. Сравним ФЕ со значением «быть удачливым»: наряду со «счастливой звездой», во фразеологии встречаются метафорические синонимы, но на иной образной основе: у англичан это — «серебряная ложка» (“to be born with a silver spoon in one’s mouth”), у русских — «рубашка» (родиться в сорочке). Образы могут быть очень близкими, соприкасающимися: «тихая вода», «тихий омут»: “still waters run deep” «в тихом омуте черти водятся». Один и тот же образ может быть выражен экономичнее и пространнее: to trim one’s sails to the wind = держать нос по ветру (в обоих случаях сохранен морской колорит).

Образы могут быть весьма далекими, но логически сопоставимыми. Например, «похожесть» русские видят в «двух каплях воды», а англичане — в «двух горошинах» (as like as two peas). Но образы двух аналогов могут не иметь между собой ничего общего как образы, что не мешает эквивалентам исправно исполнять свою функцию в переводе. Например, “when the moon turns green cheese” переводится как «когда рак (на горе) свистнет (и рыба запоеет)». Возможность передавать аналогами с образностью, совершенно не имею-

шей точек соприкосновения, объясняется тем, что это — стертые метафоры, воспринимаемые подсознательно носителем языка: ведь в значении «остаться с носом» никакого «носа» русский не видит.

Степень яркости образа — очень низкая — до нулевой у фразеологических сращений, а в единствах более высокая, но редко достигающая интенсивности в свободном сочетании, — является одной из главных предпосылок для выбора приема перевода между аналогом и калькой.

Наконец, очень часты различия, возникающие в случаях использования таких приемов перевода, как трансформации типа антонимического перевода, конкретизации и генерализации. Например, английское “even reckoning makes long friends” «честный счет создает надолго друзей» переводится антонимом «счет дружбе не помеха».

б) Частичные грамматические эквиваленты включают в себя русские эквиваленты английских ФЕ, совпадающие с ними по значению стилистической направленности и образности, но отличающиеся числом, в котором стоит существительное, или порядком слов. Пример расхождения в числе:

the game is not worth a candle	игра не стоит свеч
there is no rose without a thorn	нет розы без шипов

Примеры расхождения в порядке слов:

all is not gold that glitters	не все то золото, что блестит
all is well that ends well	все хорошо, что хорошо кончается
strike while the iron is hot	куй железо, пока горячо

Частичные эквиваленты встречаются гораздо чаще в переводе «Ярмарки тщеславия». Особенно часто переводчик прибегает к использованию аналогов. Например:

I say she's the best, the kindest girl in England; and that, bankrupt or no, my sisters are <i>not fit to hold candles to her</i> . (Ch. XXI)	Я утверждаю, что она лучшая, добрейшая девушка в Англии и что, разорился ее отец или нет, но мои сестры <i>не стоят и мизинца</i> Эмили.
---	--

Эти ФЕ совпадают как по значению, так и по стилистической направленности, но различны по образности. Возможно также использование второго аналога этой английской ФЕ: «...но только мои сестры и в подметки ей не годятся».

Amelia...got up, and went upstairs to her room, and *cried her little heart out*. (Ch. VI)

Эмилия вскочила и побежала наверх к себе в комнату *выплакать там свое горе*.

В данном случае авторизованная ФЕ (добавлено прилагательное "little") переведена одним из двух возможных аналогов. Возможен также вариант: «выплакать все глаза».

Rawdon made her a tolerate annuity; and we may be sure that she was a woman who could make a little money *go a great way*, as the saying is. (Ch. LV)

Родон определил ей сносное ежегодное содержание, а Бекки, и мы в этом совершенно уверены, была женщиной, которая сумеет и с малыми средствами *жить на широкую ногу*.

В этом случае перевод снова осуществлен аналогом; образность единиц различна.

...when his sisters believed the infatuated youth to be at Miss Sedley's *apron-strings*, he was not always with Amelia, while the world supposed him at her feet. (Ch. XII)

Из двух возможных аналогов «быть под башмаком» и «сидеть пришитым к чьей-либо юбке» переводчик выбирает последний, так как он действительно в данной ситуации больше подходит по смыслу: «... его сестры думали, что влюбленный юноша сидит пришитый к юбке миссис Седли, но на самом деле, он не всегда бывал у Эмилии, когда, по мнению окружающих, должен был проводить время у ее ног». Образы двух ФЕ очень близки, но все-таки не совпадают. Следовательно, и в этом случае мы имеем право говорить об использовании аналога при переводе.

We have seen how Mrs. Bute, *having the game in her hands*, — had really played her cards too well. (Ch. XXXIII)

Мы видели, как миссис Бьют, *имея в руках все козыри*, сыграла чересчур уж тонко.

Эти ФЕ основаны на различных, но тем не менее очень близких образах, связанных с карточной игрой. При переводе текста подлинника М. Дьяконов умело пользуется совпадающими с последними по значению, стилистической направленности, близкими по образности, но несколько расходящимися по лексическому составу. Например:

My daughters are plain, disinterested girls, but *their hearts are in the right place*. (Ch. XXI)

В данном примере образы, на которых основаны ФЕ («сердце»), совпадают, но лексический состав неодинаков.

...I'm sure that the widow and the child whom you have ever protected and loved will always *have a corner in your heart*. (Ch. XLIII)

So Rebecca during her stay at Queen's Crawley, made as many *friends of the mammon of unrighteousness* as she could possibly bring under control. (Ch. XLI)

Only there's one thing I order you to avoid, which, if you do not, I'll *cut you off with a shilling*, by Jove, and that's gambling, sir. (Ch. XIII)

As they were discussing that meal, he took occasion to ask the secretary whether he knew anything about a certain Mrs. Rawdon Crawley, who had, he believed, *made some noise* in London. (Ch. LXVI)

One great cause why Mr. Crawley had such a hold over the affections of his father resulted from money arrangements. (Ch. IX)

And presently the pair of riders disappeared at canter down the street leading in the direction of the Ghent road: Mrs. O'Dowd pursu-

Мои дочери простые, бесхитростные девочки, но *сердце у них доброе*.

Я уверена, что вдова и ее ребенок, которых вы всегда любили и защищали, навсегда сохранят место в вашем сердце.

Итак, Ребекка во время своего пребывания в Королевском Кроули приобрела себе столько друзей среди *служителей мамоны*, сколько только было в ее власти.

Есть только одно, что я тебе категорически запрещаю, и в случае непослушания *не оставлю тебе ни гроша*. Это азартные игры, сэр.

Во время обеда он воспользовался случаем и спросил секретаря, не знает ли тот чего-нибудь о некоей миссис Родон Кроули, которая, как ему кажется, *наделала немало шума* в Лондоне.

Одна из причин, в силу которых мистер Кроули имел такое влияние на чувства отца, обуславливалась денежными расчетами.

В это время оба всадника пустились легким галопом и исчезли в конце улицы в направлении Гентской дороги. Миссис

ing them with a fire of sarcasm so long as they were in sight. (Ch. XXXII)

В данном случае различие возникло в связи с использованием такого приема перевода, как трансформация типа антонимического перевода.

...Colonel Crawley has *dragged* the name of Crawley *through the mud* Miss Briggs. (Ch. XXXIII).

He shot a man in a duel — he's *over head and ears* in debt, and he's robbed me and mine of the best part of Miss Crawley's fortune. (Ch. XXXIII)

...I never have seen the individual who has dared in my own house to question my authority, I have *nourished a viper in my bosom*. (Ch. II)

“You did have a round with this coachman,” captain Dobbin said, “and *showed plenty of fight*, too.” (Ch. VI)

When Sir Pitt designed to *offer me his hand*... I told Sir Pitt that I was already a wife. (Ch. XVI)

Where have you been, wretch? Here is Emmy *crying her eyes out* for you. (Ch. XXIX)

His interesting patient, Jos, was a regular *milk cow* to the doctor. (Ch. LXVII)

О'Дауд преследовала их огнем сарказма, пока они не скрылись из вида.

...Полковник Кроули *вотптал в грязь* имя Кроули, мисс Бригс.

Он убил человека на дуэли, он *по уши* в долгах и ограбил меня и мое семейство, оттяпав большую часть состояния мисс Кроули.

...я еще не встречала человека, который бы осмелился оспаривать мой авторитет в моем собственном доме. Я *пригрела змею на своей груди*.

«Да, у тебя, действительно, была схватка с кэбменом, — подтвердил капитан Доббин, — и вообще ты *рвался в бой*».

Когда сэръ Питт соблаговолил *предложить мне руку*..., я сообщила ему, что я уже замужем.

Где вы были, негодный? Эмили тут без вас *все глаза вылакала*.

Его интересный пациент Джоз был для доктора настоящей *дойной коровой*.

Частичные грамматические эквиваленты в тексте перевода «Ярмарки тщеславия» представляют собой сравнительно небольшую группу.

As his hero and heroine pass the matrimonial barrier, the novelist generally *drops the curtains*. (Ch. XXVI)

Романист обычно *опускает занавес*, когда герой и героиня вступают в брак.

В этом примере переводчик использует частичный грамматический эквивалент; от английской ФЕ он отличается числом, в котором стоит существительное. Частичные грамматические эквиваленты используются также в следующих случаях:

No quarter is to be given to the English, on account of their cruelty to our braves on board the infamous pontoons. Look — here, here it is *in black and white*. (Ch. XXXI)

Англичанам не будет пощады, так как они жестоко обращались с нашими героями на своих проклятых понтонах. Взгляните, здесь все напечатано *черным по белому*.

В этом случае различие обусловлено разным управлением.

This matter arranged George, and Jos, and Dobbin had *a council of war* over their cigars. (Ch. XXV)

Урегулировав этот вопрос, Джордж, Джоз и Доббин держали *военный совет*, покуривая сигары.

В этом примере имеет место замена английского существительного русским прилагательным.

...his lordship, we say, appeared among the ladies and the children who were assembled over the tea and toast and *a battle royal* ensued apropos of Rebecca. (Ch. XLIX)

... его милость появился среди дам и детей, собравшихся за чаем с гренками; и тут произошла *генеральная баталия* из-за Ребекки.

Разница в ФЕ в данном случае — только в месте атрибутива.

1.3. Калькирование фразеологических единиц при наличии полного или частичного эквивалента

Устойчивые сочетания слов иногда приходится переводить дословно, несмотря на наличие полного или частичного эквивалента. Дословный перевод особенно важен, когда образ, заклю-

чающийся во фразеологизме, не безразличен для понимания текста, а замена его другим образом не дает достаточного эффекта. Дословный перевод часто применяется при наличии расширенной метафоры, фразеологических синонимов, при игре слов и каламбурах. Например, оборот "hoist sail while the wind is fair" означает «куй железо, пока горячо», но такой перевод невозможен в следующем предложении из романа В. Скотта "The Fortunes of Nigel" благодаря наличию в этом предложении синонима "strike while the iron is hot". Поэтому здесь приходится прибегать к калькированию ФЕ:

A man should strike while the iron is hot and hoist sail while the wind is fair. (W. Scott, The Fortunes of Nigel, Introduction)

Куй железо, пока горячо и поднимай паруса, пока дует ветер.

Другой пример: оборот "care killed a cat" переводится «заботы до добра не доводят», «не работа старит, а забота». Но наличие противопоставления в следующем отрывке из произведения Шекспира требует дословного перевода:

Claudio. What! Courage, man! what care killed a cat, thou hast mettle enough in thee to kill care. (W. Shakespeare, Much Ado about Nothing, act V, sc. 1)

Клавдио. Подбодришь, дружок! Хотя и говорят, что забота и кошку уморить может, у тебя такой живой нрав, что ты можешь и заботу уморить. (Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник)

В русском варианте «Ярмарки тщеславия» калькирование при наличии эквивалента используется нечасто. Примеры такого калькирования:

At this time, as some old readers may recollect, the genteel world had been thrown into a considerable state of excitement, by two events, which, as the papers say, might give employment to *the gentlemen of the long robe*. (Ch. XI)

В переводе читаем:

«В описываемое время, как, пожалуй, помнят более пожилые наши читатели, великосветское общество было подвергнуто в немалое волнение двумя происшествиями, которые, как пишется в газетах, могли бы дать занятие *джентльменам в мантиях*».

Хотя ФЕ “the gentlemen of the long robe” имеет лексический эквивалент «судьи», «юристы», переводчик предпочел скалькировать образ в целях достижения наибольшей выразительности.

For, you see, we have adroitly *shut the door* upon the meeting between Jos and the old father, and the poor little gentle sister inside. (Ch. LIX)

Как видите, мы ловко *закрыли дверь* за Джозом, его стариком-отцом и бедной кроткой сестричкой и утаили от вас их встречу.

При переводе этой английской ФЕ был использован интересный прием: ФЕ переводится дважды (сначала — калькой, затем — лексическим эквивалентом). Переводчик отказывается от использования эквивалента «отрезать путь к чему-либо», равно как и от использования описательного перевода.

Описанные выше примеры подтверждают теоретическое положение о том, что калькирование при наличии эквивалента используется только в том случае, когда образ ФЕ безразличен для понимания текста или служит для достижения определенного эффекта.

1.4. Контекстуальный перевод при наличии эквивалентов

Этот вид перевода называется еще «обертональным» по терминологии А. В. Кунина. Он является своего рода окказиональным эквивалентом, используемым для перевода ФЕ только в данном контексте. Подобные переводы («контекстуальные замены» по терминологии Рецкера) занимают большое место в «Англо-русском фразеологическом словаре». Там «обертональный» перевод дается в переводе цитаты, а не данного фразеологизма. Окказиональность данного эквивалента определяется исключительно особенностями контекста. Нахождение «обертонального» перевода, в отличие от использования готового эквивалента, — творческий процесс.

Выражение “one’s/the naked eye” переводится как «невооруженный глаз». Однако такой перевод невозможен для передачи каламбура из романа Диккенса «Мартин Чезлвит» (гл. XXII):

“The most short-sighted man could see that at a glance with his *naked eye*,” said Martin. Mrs. Homini was a philosopher and an authoress, and consequently had a pretty strong digestion; but this hoarse, this indecorous phrase was almost too much for her. For a gentleman sitting alone with a lady — although the door was open — to talk about a naked eye!”

Переводчица романа Н. Л. Дарузес нашла прекрасное решение вопроса, используя «обертональный» перевод:

«Увы, это *голая истина*, которая видна даже самому близоручкому взгляду», — сказал Мартин. Миссис Хомини была философ и писательница и, следовательно, могла переварить все, что угодно. Но эта грубая, неприличная фраза оказалась даже и для нее слишком сильной. Разве можно джентльмену, сидящему рядом с дамой, хотя бы и при открытых дверях, говорить о голой истине».

К этому же виду перевода можно условно отнести и «индивидуальные» эквиваленты. Не находя в языке перевода полного соответствия, переводчик вынужден иногда прибегать к словотворчеству, оформляя фразеологизм, максимально напоминающий «естественный». Если такую «подделку» читатель примет, значит, удалось передать содержание ФЕ и ее стиль в достаточно фразеологической форме. Если индивидуальный фразеологизм мастерски сделан, то он отличается от обычной ФЕ только по одному, самому важному показателю — он не воспроизводим. Очень мало вероятно, чтобы такой перевод закрепился за данной единицей настолько, чтобы вошел в язык. Поэтому здесь скорее идет речь о контекстуальном переводе.

При создании своего фразеологизма-аналога переводчик может воспользоваться уже существующими в языке перевода фразеологическими средствами и моделями. Примером может послужить переведенная Ю. Катцером и А. Куниным ФЕ «копейка рубль бережет». Передавая эту ФЕ на английский язык, они берут близкую английскую, заменяют в ней пенсы копейками и фунты рублями и получают превосходную поговорку: “take care of the copecks and the roubles will take care of themselves”. Таким образом, удается не только передать содержание, но сохранить и реалии, причем в очень удобной для восприятия англичан форме.

Близким к этому является приспособление к контексту уже существующего фразеологизма путем изменения структуры, добавления компонентов, придания им при помощи фонетических средств (рифмы, цезуры и т.п.) вида поговорок, комбинирования из двух единиц одной и т.д. Это те пути, которые можно было бы назвать лексико-фразеологическим переводом.

Переводчик «Ярмарки тщеславия» создает свои, невоспроизводимые ФЕ в следующих случаях:

He was admitted into Dr. Swishtail's academy upon what are called "mutual principles" – that is to say the expenses of his board and schooling were defrayed by his father in goods, not money. (Ch.V)

ФЕ "mutual principles" имеет эквивалент «оплата натурой». Тем не менее, переводчик передает ФЕ другим способом: он предпочел создать свой фразеологизм:

«Носились слухи, будто мальчика приняли в заведение доктора Порки на так называемых «началах взаимности», – иными словами, расходы по содержанию и обучению малолетнего Уильяма возмещались его отцом не деньгами, а натурой».

Every calculation made of these valuables, Mrs. Rebecca found... that should circumstances occur she might reckon on six or seven hundred pounds at the very least, *to begin the world with*. (Ch. XXX)

"To begin the world" имеет русский эквивалент «начать новую жизнь»; но в переводе эта ФЕ опущена вообще; она как бы растворяется в контексте:

«Вычислив стоимость всех этих ценностей, миссис Ребекка убедилась..., что, если ее постигнет это несчастье, она может рассчитывать, по крайней мере, на шестьсот-семьсот фунтов».

She had, *by way of* a morning robe, a pink domino, a trifle faded and soiled, and marked here and there with pomatum. (Ch. LXV)

ФЕ "by way of" переводится как «вместо», «в качестве чего-либо». Эта ФЕ относится к необычным, и вполне оправдан такой перевод: «Ее утренним нарядом было розовое домино». Этот случай также можно назвать нулевым переводом.

...the sands of life were running out in the old man's glass upstairs. (Ch. LXI)

Переводчик не использует ни соответствующий фразеологизм («дни сочтены»), ни описательный перевод («немного уже оставалось жить»), а создает авторский эвфемизм:

«А тем временем в часах жизни отца пересыпались уже последние песчинки».

Перевод в целом – это процесс творческий, но в обертональном (контекстуальном) переводе элемент творчества проявляется особенно ярко.

1.5. Неполный фразеологический эквивалент

Это такая единица языка перевода, которая является эквивалентом полным и абсолютным, соотносительной *многозначной* единицы иностранного языка, но *не во всех ее значениях*. Например, “the massacre of the innocents” (библейзм) полностью соответствует русскому «избиение младенцев», но эта русская единица является лишь неполным эквивалентом, так как английская фразеологическая единица имеет еще одно значение – *жарг.* «нерассмотрение законопроектов ввиду недостатка времени (в контексте парламентской сессии)» (Англо-русский фразеологический словарь).

Неполных фразеологических эквивалентов сравнительно немного, так как явление многозначности менее характерно для фразеологии (в доступной нам литературе встретилась только цифра 17% многозначных ФЕ из 4000, содержащихся во ФСРЯ) (Глухов, 1968: 321–330).

1.6. Выборочные эквиваленты

И все-таки разнообразные примеры убеждают нас в том, что в практике перевода огромное место занимают вопросы множественности словарных соответствий как для многозначного, так и для однозначного фразеологизма. Эти соответствия используются в переводе в зависимости от контекста. Часто у английской ФЕ может быть несколько эквивалентов, и переводчику приходится выбирать наилучший для данного контекста.

Например, оборот “to break the ice” переводится: «пробить лед», «нарушить молчание», «сделать первый шаг», «положить начало».

“On the instant he was thinking how natural and unaffected her manner was now that the ice between them had been broken.” (Th. Dreiser, *An American Tragedy*, Book II, Ch. XVII)

Это предложение можно перевести при помощи полного эквивалента:

«И Клайд подумал, как просто и естественно держится она теперь, когда лед между ними сломан».

Однако при переводе следующего предложения такой вариант невозможен:

“They nodded to each other by way of breaking the ice of unacquaintance”. (Th. Hardy, *The Three Strangers*)

«Они поклонились друг другу, чтобы завязать знакомство».

Использование выборочных эквивалентов дает возможность переводчику не только выбирать оптимальный вариант, но и вносить разнообразие в перевод одного и того же слова, фразеологизма, неоднократно употребляющегося в одном и том же произведении. Так, например, выражение "to cost a pretty penny" переводится в разных главах романа Голсуорси следующим образом:

She must cost him a pretty penny in dress. (J. Galsworthy, part I, ch. I)

Ее туалеты, должно быть, недешево обходятся ему.

...he merely said: He didn't know — he expected she was spending a pretty penny on dress. (J. Galsworthy, The man of Property, part I, ch. VI)

...и он сказал, что не знает, но думает, что она тратит уйму денег на наряды.

And he had heard that the house was costing Soames a pretty penny beyond what he had reckoned on spending. (J. Galsworthy, The Man of Property, part II, ch. IV)

Вот теперь говорят, что постройка дома обходится Сомсу куда дороже, чем он рассчитывал.

Выборочный перевод у Ю. Катцера и А. Кунина (Катцер, Кунин, 1964) противопоставлен многоэквивалентному и свободному переводам, а С. Влахов и С. Флорин предпочитают рассматривать его в несколько ином плане: не как «перевод устойчивого сочетания слов посредством одного из возможных фразеологических синонимов» (Катцер, Кунин, 1964:98), а шире — как неизбежный период, этап любого перевода устойчивого сочетания, да и перевода вообще. Выбирают, опираясь обычно на словарные (общепринятые) соответствия, в первую очередь варианты, т.е. синонимы или близкие значения многозначных ФЕ.

При выборе учитываются все показатели исходной ФЕ и, не в последнюю очередь, ее стиль и колорит; иногда именно стилистическое несоответствие или наличие колорита не допускают в перевод казалась бы самую подходящую единицу. Один из ярких примеров разностильных синонимов — фразеологизмы со значением «умереть» — от приподнятых «уйти в иной, лучший мир», «испус-

тить дух», «уснуть вечным сном» до грубо просторечных «дать дуба», «отдать концы», «сыграть в ящик»; если добавить и лексические синонимы — от почтительного «опочить», «скончаться» до грубого просторечного «загнуться» или «окочуриться», то переводчику предстоит нелегкая работа.

В процессе перевода «Ярмарки тщеславия» переводчику часто приходилось выбирать из множества словарных соответствий ФЕ наиболее, по мнению самого переводчика, подходящие. Например:

When Miss Sharp... had seen the Dixonary flying over the pavement of the garden fall *at length* at the feet of astonished Miss Jemima, the young lady's countenance... assumed a smile. (Ch. 1)

В АРФС Кунина дается два значения ФЕ “at length” («наконец» и «во всю длину, в растяжку»). Оба значения подходят по смыслу. Переводчик же выбирает второе значение, и сама единица «растворяется» в контексте: «После того как мисс Шарп... удостоверялась, что словарь, перелетев через мощеную дорожку садика, упал к ногам изумленной мисс Джемаймы, лицо молодой девушки... озарилось улыбкой».

This almost caused Jemima faint with terror. “Well I never,” — said she. — “What an audacious.” Emotion prevented her from completing either sentence. (Ch. 1)

“Well I never” — восклицание, выражающее удивление. Предоставляется большой простор для переводчика в выражении того смятения чувств, в которое повергла Джемайму дерзкая выходка Ребекки. В переводе М. Дьяконова: «Да что же это! — воскликнула она. — Какая дерзкая...» Вариант Кунина в АРФС: «Джемайма чуть не упала в обморок от ужаса. — Что такое, я никогда бы... — воскликнула она. — Какая дерзкая...» Волнение помешало ей кончить и ту, и другую фразу».

Необходимо также отметить, что помимо фразеологических эквивалентов существуют еще и лексические.

1.7. Лексические эквиваленты

Перевод с помощью этих эквивалентов называется *нефразеологическим*. Строго лексический перевод применим в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом — словом. Так, многие английские существительные, глаголы,

выраженные словосочетаниями, можно передать совершенно безболезненно их лексическим эквивалентом:

“to set или put on fire” «зажечь», “to catch fire” «загореться», “to set fire to smth” «поджечь что-либо». Такие описательные глагольные выражения обычно лишены экспрессии и метафоричности, что и позволяет считать нормальным путь лексической замены (в отличие от других ФЕ); тем не менее контекст, стиль его может подсказать и другой перевод, например, «предать огню», «пустить красного петуха».

Такому переводу поддаются (менее безболезненно) и ФЕ, у которых в иностранном языке есть синонимы-слова. Бывают также случаи, когда русским эквивалентом английского сложного слова (e.g. scapegoat) является словосочетание («козел отпущения»).

Приведем несколько примеров из «Ярмарки тщеславия» У. Текеря:

...the baronet and his brother had every reason which two brothers possibly can have for *being by the ears*. (Ch. XI)

...у баронета и его брата были все причины *ненавидеть* друга, какие только могут существовать у двух братьев.

В этом случае не следовало пренебрегать общепринятым правилом: «переводить фразеологизм фразеологизмом же», и ФЕ можно было бы перевести отличным русским фразеологизмом «быть на ножах».

Rawdon Crawley, though the only book which he studied was the Racing Calendar, and though his chief recollections of polite learning were connected with the floggings which he received at Eton in his early youth, had that decent and honest reverence for *classical learning* which all English gentlemen feel. (Ch. LII)

Обе ФЕ – фразеологизмы-синонимы, им соответствует эквивалент в русском языке «классическое образование», но чтобы не повторять его два раза в одном предложении, переводчик в первом случае заменяет его лексическим эквивалентом:

«Хотя единственной литературой, которую изучал Родон Кроули, была программа скачек, и хотя его воспоминания о *школе* связывались главным образом с поркой, которую он получал в Итоне в своей ранней юности, однако он, как это подобает истинному английскому джентльмену, питал искреннее уважение к *классическому образованию*».

“Pooh, damn; don’t let us have this sort of thing! P’Jos cried out, ... anxious to get rid of a scene.” (Ch. LXVI)

ФЕ переведена указательным местоимением: «Вздор! О, черт, оставим это!» – воскликнул Джоз, до смерти боявшейся всяких сцен».

Please, do *put that up the spout*, ma’am with my pins and rings, and watch and chain and things. (Ch. XXX)

Будьте добры *продать* все, сударыня, а также мои булавки, кольца, часы с цепочкой и прочие вещи.

В данном случае перевод не вполне точен: в АРФС Кунина ФЕ “to put up the spout” переводится лексическим эквивалентом «заложить».

One of the armies opposed to the emperor was scattered to the winds already. (Ch. XXXII)

Одна из армий, действовавших против императора, была уже рассеяна.

Переводчик выбрал один из целого ряда лексических эквивалентов, приведенных в словаре Кунина. Возможны варианты «разбита», «уничтожена» и т.д.

What pride he had in his boy... And this, this was the end of all! – to marry a bankrupt and fly in the face of duty and fortune! (Ch. XXIV)

И эта глагольная ФЕ также переведена одним словом:

«Как он гордился своим мальчиком!... И вот конец всему! Жениться на дочери банкрота и *пренебречь* сыновним долгом и богатством!»

He was deploring the dreadful predicament in which he found himself, in a house full of old women, “Regularly *up a tree*, by Jingo P’ exclaimed the modest boy...” (Ch. XXXIV)

Переводчик вполне оправданно предпочитает нейтральному «попасть в неловкое положение» слово «вляпаться»:

«Он сетовал по поводу ужасного положения, в котором оказался, – в доме, полном старух. – Вот вляпался-то, честное слово! – воскликнул скромный юноша...»

To *stare* Becky out of countenance required a severer glance than even the frigid old *Bareacres* could

Но для того чтобы *смутить* Бекки, требовался более грозный взгляд, чем тот ледяной хо-

shoot out of her dismal eyes. (Ch. XXXVII)

With regard to the world of female fashion and its customs, the present writer, of course, can only speak *at second-hand*. (Ch. XXXVII)

Becky... could *cut her rival to pieces* with her wit. (Ch. XXXVI)

В данном случае вполне возможно использование русской ФЕ «разнести в пух и прах» или лексического эквивалента «разгромить».

And, that's flat – unless I see Amelia's ten thousand down, you don't marry her. I'll have no *lame duck's* daughter in my family. (Ch. XIII)

...they begged hard a bunch of hot-house grapes but he said that Sir Pitt had numbered *every man Jack* of them, and it would be as much as his place was worth to give away. (Ch. VIII)

“It's a shame, by Heavens,” said George, “...*to play at fast and loose* with a young girl's affections.” (Ch. XXI)

В словаре эта ФЕ переведена так: «вести нечестную игру». Она имеет любопытную этимологию: на ярмарках ловкачи заключали пари, завязывая узел вокруг пальца. Они, конечно, всегда выигрывали, так как развяжется узел или нет – это зависело от того, за какой конец веревки потянуть. В этом случае переводчик также предпочел использовать лексический эквивалент.

лод, который исходил из мрачных глаз старой Бейракрес.

Что касается мира светских женщин и их обычаев, то автор, конечно, может говорить только *понаслышке*.

Бекки... своим остроумием могла уничтожить свою соперницу.

Я бесповоротно решил: пока я не увижу, что за Эмилией дают 10 000 приданного, ты не женишься на ней. Не желаю вводить в свою семью дочь *банкрота*.

... девочки клянчили по кисточке оранжерейного винограда, но садовник сказал, что сэр Питт пересчитал *каждую ягоду*, и поэтому он поплатится местом, если даст им что-нибудь.

«Честное слово, это позор, – говорил Джордж, – *играть* чувствами молодой девушки».

2. Перевод безэквивалентной фразеологии

Многие английские ФЕ не имеют эквивалентов в русском языке. Это в первую очередь относится к ФЕ, обозначающим несуществующие у нас реалии. При переводе специфики национальных выражений (“to fight like Kilkenny cats”, “to send to Coventry”, “to put the Thames on fire”) возникают дополнительные трудности, связанные с необходимостью сохранения национального колорита. При переводе подобных ФЕ руководствуются следующими правилами (Комиссаров, Рецкер, Тархов, 1960:64–65):

а) Использовать дословный перевод только в тех случаях, когда содержащиеся в переводимом фразеологизме реалии хорошо известны читателю или, во всяком случае, калькированный образ будет совершенно прозрачен и понятен читателю. Например, английскую поговорку “to carry coals to Newcastle” обычно передают дословно, так как то, что Ньюкасл является центром угольной промышленности Англии, известно большинству читателей. С другой стороны, в предложении “He is a real Sir Galahad” следует отказаться от дословного перевода, так как имя сэра Галаада, самого благородного рыцаря при дворе короля Артура, хорошо знакомое английскому читателю, ничего не говорит русскому читателю. Правильный перевод здесь будет: «Он настоящий рыцарь».

б) При переводе образных ФЕ любого типа никогда не использовать русские ФЕ, содержащие специфические национальные реалии. Так, хотя английское выражение “to carry coals to Newcastle” и “what will Mrs. Grundy say” по значению и стилистической окраске полностью соответствуют русским оборотам «ездить в Тулу со своим самоваром» и «что будет говорить княгиня Марья Алексеевна», последние не могут быть использованы при переводе. В самом деле, нелепо было бы заставлять англичанина употреблять слова «Тула» и «самовар» или щеголять цитатами из «Горе от ума». Примеры такой неуместной русификации были едко высмеяны К. И. Чуковским в книге «Высокое чувство». Он пишет, что при таком переводе получается такое впечатление, будто все эти лорды и леди «живут в Пятисобачьем переулке в Коломне и только притворяются британцами, а на самом деле такие же Ивановы и Трофимовичи, как персонажи Щедрина или Островского» (Чуковский, 1964:105).

Перевод «возить уголь в Ньюкасл» тоже не всегда будет уместен, так как новое название, не имеющее отношения к самому повествованию, неизбежно отвлечет внимание читателя. И дословный пере-

вод оборота “what will Mrs. Grundy say?” тоже не всегда оправдан, так как имя миссис Гранди – персонажа комедии Т. Мортонa “Speed the Plough”, персонажа, являющегося воплощением ходячей морали, – мало что говорит русскому читателю.

Итак, оптимальный вариант перевода – страноведчески нейтральный: «морю воды прибавлять» или «что скажут люди». Следовательно, третье правило:

в) Стремиться передавать английские ФЕ с яркой национальной окраской страноведчески нейтральными ФЕ. Например, “He will not put the Thames on fire” «он пороху не выдумает»; “to fight like Kilkenny cats” «бороться не на жизнь, а на смерть». Вообще, обычно никто не спорит против установки: «переводить фразеологизм фразеологизмом». К такому переводу, как к идеалу, нужно стремиться, а искать иные пути следует, лишь убедившись в нецелесообразности фразеологического перевода в данном тексте.

При сопоставлении различных способов перевода национально окрашенных ФЕ нужно учитывать, что дословный перевод хорошо передает национальный колорит подлинника, хотя порой при этом может понадобиться примечание (скалькированный образ может оказаться недостаточно понятным). С другой стороны, использование в переводе страноведчески нейтрального русского фразеологизма воссоздает образный характер текста за счет утраты его национального своеобразия. Зная достоинства и недостатки каждого из возможных способов перевода, переводчик в каждом конкретном случае выбирает тот из них, который лучше всего отвечает условиям контекста.

При переводе безэквивалентных ФЕ используются нефразеологические способы перевода – калькирование и описательный перевод.

2.1. Калькирование

В данном случае имеется в виду покомпонентная передача ФЕ в ходе перевода, а не уже готовый фразеологизм-калька. Дословный же перевод не означает перевод «буква в букву». Его предпочитают, когда другими, фразеологическими, приемами нельзя передать ФЕ в целости ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно донести до читателя образную основу.

Предпосылка для калькирования – достаточная мотивировка значения ФЕ значениями компонентов, т.е. калькирование возмож-

но только тогда, когда дословный перевод может довести до читателя истинное содержание всего фразеологизма, а не значение составляющих его частей. Это осуществимо, во-первых, в отношении образных ФЕ, особо — фразеологических единств, сохранивших достаточно свежей свою метафоричность (в истинных идиомах — фразеологических сращениях — образная основа почти не воспринимается, и кальки с них кажутся бессмыслицей); во-вторых, калькировать можно пословицы, которые не обладают подтекстом; в-третьих, некоторые устойчивые сравнения, но только убедившись, что носитель языка перевода воспринимает их правильно.

Bite the hand that feeds you «кусать руку, которая тебя кормит» — вызывает представление о неблагодарности: пословицу “fish and visitors smell in three days” можно перевести также калькой «рыба и гости протухают через три дня», и такой перевод, несмотря на наличие подтекста («нельзя злоупотреблять гостеприимством»), будет всем понятен.

Иначе чем калькой, которая сближается здесь с лексико-фразеологическим и свободным переводом, и не переведешь характерные английские пословицы типа правил гигиены: after dinner sleep awhile, after supper walk a mile «пообедавши — вздремни, ужин съел — гулять иди».

К калькам прибегают и тогда, когда «семантический эквивалент» отличается от исходной фразеологической единицы по колориту или при «оживлении» образа.

Калькирование метафорических единиц — обоюдоострое оружие. С одной стороны, оно позволяет читателям перевода увидеть содержащийся в ФЕ образ. Так, например, иллюстрирующим значения (прямое и фразеологическое) русских ФЕ (Dubrovín, 1977: 196) «не лезть за словом в карман» переведено дословно not to climb for a word into one's pocket (и показано на рисунке — слово торчит из кармана). Этот пример уже показывает оборотную сторону: почти стертая метафора «оживает», создавая иное, чем подлинник, впечатление. Поэтому внимание переводчика должно быть направлено на точное «взвешивание» этих двух «впечатлений» — подлинника и перевода, с тем чтобы не перевешивала ни та, ни другая сторона.

Многие кальки можно отнести к переводу фразеологическому. Например, caution is the parent of safety можно перевести почти дословно и получить неплохую, вполне осмысленную русскую пословицу «осмотрительность — мать безопасности», т.е. по типу «повторение — мать учения».

Хочется привести еще один пример, хорошо иллюстрирующий то, как калькирование помогает донести до читателя живой образ английского фразеологизма: *The old lady of Threadneedle Street* — *шутл.* «старая леди с Треднидл-стрит» (английский банк). Пониманию перевода помогает примечание: назван «старой леди» из-за своего консерватизма (Треднидл-стрит — улица, на которой он находится). Перевод же «английский банк» не передаст специфики данного фразеологизма. Ср.:

When dinner was announced Mr. Dombey took down an old lady like a crimson pin cushion stuffed with banknotes who might have been the identical old lady of Threadneedle Street, she was so rich and looked so unaccommodating... (Ch. Dickens, *Dombey and Son*, ch. XXXVI)

Когда обед был подан, мистер Домби предложил руку старой леди, похожей на малиновую бархатную подушку для булавок, набитую банковскими билетами, которая могла сойти за подлинную леди с Треднидл-стрит — так была она богата и такой казалась непокладистой.

Такие прозвища, как *John Bull* (Джон Буль), *Uncle Sam* (дядя Сэм) и др. передаются также с помощью калькирования.

Калькирование используется и для передачи ФЕ других типов, не имеющих эквивалентов, например, пословиц:

Better a witty fool than a foolish wit.

Лучше умный дурак, чем глупый мудрец (шекспировское выражение. «Двенадцатая ночь», д. I, сц. 5)

No one is a fool always, every one sometimes.

Никто не бывает всегда дураком, а по временам бывает каждый.

He knocks boldly at the door who brings good news.

Громко стучит в двери тот, кто приносит хорошие новости.

Калькирование не является фразеологическим переводом, так как оно не использует готовые ФЕ, имеющиеся в языке перевода, а создает новый образный оборот, чуждый русскому языку, хотя и вполне понятный, причем его образность не создает впечатления несоответственности и несвойственности общепринятым нормам русского языка:

...when I was awarded a number of prizes at school, a clergyman assured me, that I already *had a foot on the ladder of success*.

...когда я получал награды в школе, священник уверял меня, что я уже *вступил на лестницу, ведущую к успеху*.

Иногда при дословном переводе ФЕ прибегают к вводным словам: «как говорится, как говорят англичане, недаром говорится», как бы подчеркивая, что иностранная фраза переведена дословно.

В некоторых случаях кальки прочно входят в употребление наряду с исконными ФЕ. Например, обороты «поставить телегу впереди лошади» (to put the cart before the horse), «люди, живущие в стеклянных домах, не должны бросаться камнями» (people, who live in glass houses shouldn't throw stones).

Таким образом, калькирование возможно, если образная безэквивалентная ФЕ сохранила достаточно свежей свою метафоричность, как, например, в следующем случае из перевода «Ярмарки тшеславия»:

We do not claim to rank among the military novelists. Our place is with the non-combatants. *When the decks are cleared for action, we go below and wait meekly.* (Ch. XXX)

Мы не претендуем на то, чтобы относить себя к военным писателям. Наше место — в рядах невоюющих. Когда *палубы очищены для военных действий*, мы опускаемся вниз и покорно ждем.

Наличие последующей расшифровки, базирующейся на образе самой фразеологической единицы, требует калькирования ФЕ.

2.2. Описательный перевод

Описательный перевод применяется, когда у английской фразеологической единицы нет в русском языке эквивалента, а дословный перевод мог бы привести к малопонятному буквализму. Описательный перевод — это объяснение смысла ФЕ при помощи свободного сочетания слов. Он очень удобен при передаче оборотов терминологического характера, не допускающих буквального перевода:

to cross the floor of the House

перейти из одной партии в другую (*парл.*)

to accept the Chiltern Hundreds

слагать с себя полномочия члена парламента (*парл.*)

kangaroo closure

допущение председателем парламентской комиссии обсуждения лишь некоторых поправок к законопроекту

Описательный перевод при передаче образных выражений применяется редко, так как такой вынужденный перевод уступает подлиннику по яркости, хотя и верно передает его значение. Например, *red herring (across the trail)* «что-то сбивающее со следа», «намеренно отвлекающее внимание», «отвлекающий маневр».

You see how new I am to politics. Wheat and meat are the red herrings across the trail. (J. Galsworthy, *Over the River*, ch. XXXVII)

Вы видите, какой я новичок в политике. Пшеница и мясо являются тем, что отвлекает мое внимание.

It was still not unheard of for an angry parent to cut off his son with a shilling... (W. Maugham, *Cakes and Ale*, ch. VII)

Все еще случалось иногда, что взбешенный отец лишал сына наследства...

Конечно, английский фразеологизм более экспрессивен, чем простое «лишить наследства».

Иногда смысл ФЕ может быть передан одним словом:

These reactionary diplomats have built up a war hysteria in the USA and now they must keep it boiling.

Эти реакционные дипломаты вызвали в США военную истерию, и теперь они должны поддерживать ее.

Однако, вопреки теоретическим установкам, которые гласят, что описательный перевод используется только в тех случаях, когда у ФЕ нет эквивалентов и аналогов, переводчик «Ярмарки тщеславия» зачастую прибегает к использованию свободного сочетания слов и при наличии эквивалентов ФЕ. Он делает это или же с целью достижения определенного эффекта (игра слов, зевгма), или же просто по своему усмотрению. Ведь в конечном итоге выбор перевода зависит от вкуса, от чувства меры у переводчика.

Her house began to have an unfortunate reputation. The *old hands* warned the less experienced of their danger. (Ch. XXXVI)

Эта ФЕ имеет в русском языке аналоги типа «стреляный воробей», «тертый калач». Но стилистически они не подходят для перевода, и поэтому фразеологическая единица переведена описательно:

«Ее дом стал приобретать печальную славу, и *опытные игроки* предупреждали менее опытных об опасности».

The colonel *plays a good knife and fork* at tiffin and resumes those weapons with great success at dinner. (Ch. XLII)

Английскому фразеологизму соответствует русский «уплетать за обе щеки», можно также использовать описательный перевод «есть с аппетитом». Но слово «*weapon*» несет на себе основную нагрузку (ведь действующее лицо – военный), и переводчик пришел к единственно верному решению. Переведя ФЕ описательно, он сохранил игру слов: «Он усердно действовал вилкой и ножом за завтраком и с таким же успехом снова пускал в ход это оружие за обедом».

I know no sort of lying is more frequent in Vanity Fair than this; and it may be remarked how people who practice it *take credit to themselves* for their hypocrisy. (Ch. XXXIV)

У ФЕ есть эквивалент «ставить себе в заслугу», а употребление описательного перевода объясняется лишь желанием переводчика выразить ту же мысль более пространно:

«Я не знаю лжи, которая была бы более распространена на Ярмарке Тщеславия, чем эта ложь, и следует отметить, что люди *уважают себя за такое лицемерие и видят в этом чуть ли не добродетель*».

He was both *out of pocket and out of spirits* by that catastrophe, failed in his health, and prophesied the speedy ruin of the empire. (Ch. LXVII)

Эта катастрофа одинаково *отразилась и на его кармане и на состоянии его духа*; ему нездоровилось, и он пророчил скорую гибель империи.

В данном случае описательный перевод обусловлен наличием зевгмы. Чтобы сохранить стилистическую окраску фразы, переводчик отказывается от аналога «быть на мели».

On which he replied that he would do exactly as he liked, and would just thank her *to keep a civil tongue in her head*. (Ch. XXV)

На что тот ответил, что будет поступать, как ему вздумается, и будет весьма признателен, если она станет *выражаться по-вежливо*.

В словаре эта ФЕ также переведена описательно, так как не имеет эквивалента в русском языке.

...in a *curtain lecture*, I say, Mrs. Sedley took her husband to task for his cruel conduct to poor Joe. (Ch. IV)

...во время *ночной супружеской беседы* миссис Сэдли упрекнула мужа за его жестокое обращение с бедным Джо.

Английская ФЕ не имеет эквивалента в русском языке и во фразеологическом словаре переводится как «выговор», «выговор, получаемый мужем от жены в спальне».

Rebecca was seventeen when she came to Chiswick, and was bound over as an *articled pupil*: her duties being to talk French as we have been seen, and her privileges to live cost free, and, with few guineas a year to gather scrapes of knowledge from the professors who attended the school. (Ch. II)

Этот фразеологизм может быть передан только описательно, так как он относится к разряду безэквивалентной фразеологии и понятие это встречается только в английском языке.

«Ребекке исполнилось 17 лет, когда она явилась в Чизик и была принята *на особых условиях*: в круг ее обязанностей входило говорить по-французски, как мы это видели, а ее привилегией было — бесплатно жить и питаться, да за несколько гиней в год собирать крохи знаний у преподавателей, посещавших школу».

Little Bob Suckling, who was *cap in hand* to her three months before ... nodded to her over shoulder, without moving his hat. (Ch. LXIV)

Маленький Боб Саклинг, который только три месяца тому назад так *подобострастно* к ней относился, ... кивнул ей через плечо, не снимая шляпы.

Вполне возможен также вариант «был ее рабом».

She's just as rich as most of the girls who come out to India. Не

В сущности, она не беднее большинства девушек, отправ-

might go *father and fare worse*. (Ch. IV)

ляющихся в Индию. Право же, он не хуже других.

В этом случае подлежащее заменено, но смысл при этом сохранён.

Lord Steyne made no reply except by *beating the devil's tattoo*, and biting his nails. (Ch. XLVIII)

Лорд Стейн не отвечал ни слова и только раздраженно *барабил пальцами по столу* и кусал ногти.

Безэквивалентная ФЕ переведена здесь описательно, как и в следующем случае:

Miss Sedley's papa was a merchant in London, and a man of some *wealth*. (Ch. I)

Отец миссис Сэдли был лондонский *купец, довольно состоятельный*.

2.3. Контекстуальные замены при переводе безэквивалентной фразеологии

Стремление к адекватной передаче не только смыслового содержания, но и экспрессивно-стилистической окраски фразеологизма, не имеющего ни эквивалента, ни аналога, побуждает переводчика к поискам контекстуальной замены. Ее сущность в том, что переводчик стремится найти такую русскую ФЕ, которая с достаточной точностью передает содержание исходного оборота в данном контексте.

Примеры контекстуальных замен при переводе образного фразеологического сочетания *to be (make) a poor hand at something* (А. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. — М, 1955, Н-276):

“Well, Mr. Cherrell, what would you do?”

— А вы, мистер Черрел, как бы вы поступили?

“I am a poor hand at advice.” (J. Galsworthy, *Flowering Wilderness*, ch. XVI)

— Я не мастер давать советы.

Это устойчивое сочетание — «не мастер давать советы» — передает скромную и сдержанную манеру отца Динни Черрел.

I am afraid I shall make a poor hand of managing cannon foundry. (B. Shaw, *Major Barbara*, Act I)

Боюсь, что из меня получится из рук вон плохой управляющий орудийным заводом.

В следующем примере найдена яркая идиоматическая замена «из рук вон»:

I know, I don't express myself properly: I am a bad hand at sentimentality. (B. Shaw, Cashel Byron's Profession, Ch. IX)

Я знаю, что выражаюсь недостаточно ярко, но сентиментальность — не по моей части.

Идиоматическая замена «не по моей части» вполне соответствует данной ситуации.

Таким образом, благодаря контекстуальным заменам переводчик имеет возможность адекватно перевести образную ФЕ, не имеющую непосредственного эквивалента в русском языке. Следовательно, проблемы перевода нередко решаются в зависимости от узкого или широкого контекста.

Контекстуальный перевод иногда бывает нулевым, когда единица сама по себе как бы растворяется в контексте перевода. При отсутствии эквивалентов и аналогов ФЕ передают нефразеологическими средствами, и тогда вспоминают о контекстуальном переводе. «Белый билет» не имеет соответствия в английском языке. В словарях он передан калькой с пояснением или описательно. Но голая калька ничего не разъясняет, осмысление трудно вместить в текст, а сноски — слабое утешение. Поэтому лучше «обойти» само сочетание, давая в тексте понять, что речь идет об освобождении от военной службы, причем сделать это нужно в такой форме, чтобы не пропустить намек на соответствующую коннотацию — пренебрежение, сожаление или иные оттенки модальности.

Приведем еще несколько примеров контекстуальных замен при переводе безэквивалентной фразеологии в “Vanity Fair”.

В XV главе старик Пит Кроули делает предложение Бекки, но узнав, что она уже замужем, восклицает: “The feller has left you, has he?” the baronet said, beginning, as he fancied, to comprehend. “Well, Becky, come back if you like, you can't eat your cake and have it.”

Это английское выражение не имеет непосредственного соответствия в русском языке и обычно передается путем объяснения: «нельзя делать две взаимно исключающие друг друга вещи». Естественно, в данном случае описательный перевод был бы неуместен, так как нельзя вложить такое научное объяснение в уста малограмотного грубияна. Попытка переводчика В. И. Штейна (1929) сохранить английский образ привела к совершенно неприемлемому варианту: «Что же поделаешь, если я не могу ни съесть, ни разде-

лить с вами вашего свадебного пирога.» Но в 1934 г. переводчик Дьяконов успешно разрешил трудную задачу, применив в переводе русское выражение «что с возу упало, то пропало», которое является одним из аналогов совершенно другой ФЕ (“there’s no crying over spilt milk”). «Значит, молодчик вас бросил, так что ли? — сказал баронет, начиная, как он воображал, понимать. — Ладно, Бекки! Возвращайтесь, если хотите. Что с возу упало, то пропало».

Примером нулевого перевода ФЕ, не имеющей непосредственного эквивалента в русском языке, может послужить следующий случай:

We never got such Madeira in the West Indies, sir, as yours. Colonel Heavytop *took off three bottles* of that you sent me down, *under his belt* the other day. (Ch. XIII)

Переводчик опускает ФЕ, придавая больше экспрессии глаголу:

«Полковник Хэвитоп *вылакал* три бутылки из тех, что вы послали мне прошлый раз».

Итак, мы рассмотрели различные приемы перевода ФЕ, а теперь тот же материал рассмотрим с точки зрения характерных особенностей самих ФЕ.

3. Перевод фразеологических единиц с учетом их характерных особенностей

3.1. Перевод образных и необразных фразеологизмов

Многие авторы делят ФЕ на образные и необразные. Это деление тесно связано с приемами перевода. Необразные ФЕ переводятся обычно эквивалентами, не допуская большей частью калькирования, и не представляют особых затруднений для переводчика. Перевод образной фразеологии намного сложнее, что обусловлено необходимостью решить: передавать или не передавать метафоричность и обязательно ли сохранять стилистические и коннотативные особенности переводимой единицы, не забывая об ее семантике, а при неизбежности потерь правильно решить, чем жертвовать — образом или содержанием ФЕ (Комиссаров, Рецкер, Тархов, 1960, 1965).

Образной фразеологии свойственны характерные особенности. Образные выражения подобны тропам, утратившим свою конкретность, но сохранившим какие-то следы ее. И действительно, «не хватать с неба звезд» когда-то было свежей метафорой. Теперь это выражение не дает образа «хватания звезд», но все-таки сильнее, чем просто «быть посредственностью».

Для осуществления мастерского перевода важнейшим является установление степени «стертости» образа для носителя иностранного языка и умение нащупать тот, иногда единственно верный вариант, путь между Сциллой полной утраты метафоричности и Харибдой неоправданного «оживления» образа. Только тогда впечатление, получаемое читателем перевода, не будет отличаться от впечатления, получаемого читателем подлинника.

3.2. Перевод фразеологических единиц пословичного и непословичного типа

Пословицы обычно неохотно включают во фразеологические словари. Это дает основание с точки зрения перевода рассматривать их отдельно. От остальных устойчивых единиц пословицы, крылатые выражения, афоризмы, сентенции отличаются: а) своей синтаксической структурой (это – четко оформленные предложения), б) тем, что они выражают суждение, обобщенную мысль, мораль, нравоучение и т.д. в отличие от остальных ФЕ, обозначающих обычное понятие или предмет. Но этими рубежами почти нельзя руководствоваться в плане перевода. И те, и другие ФЕ могут быть образными и необразными, обладать большей или меньшей мотивированностью значения целого значением компонентов. От этого-то и будет зависеть выбор наиболее подходящего перевода. Что же касается формы, то, несмотря на обычное стремление пословицу переводить пословицей же, нет никакого препятствия к переводу в контексте единиц одного типа единицами другого типа.

Между ФЕ пословицами и «непословицами» с точки зрения перевода есть разница в том смысле, что в отличие от единиц непословичного типа, которые мы передаем фразеологическими эквивалентами (а другие приемы ищем только в крайнем случае), при переводе пословиц намечаются два пути, зависящие от характера самой пословицы и от контекста: передача эквивалентом (или аналогом) и передача обычным перефразированием, аналогичным переводу нормального художественного текста (ведь пословица как лаконичное выражение сужде-

ния, мысли, назидания является художественным произведением, которое лучше всего передать именно как произведение, а не как воспроизводимую единицу, причем переводчик должен сохранить формальные «особенности жанра» — лаконичность, рифму и т.д., чтобы соответствие напоминало пословицу и в переводе).

3.3. Связь приема перевода с источником фразеологических единиц и с соответствием между языками

Приемы перевода отчасти связаны и с языковым источником ФЕ и с соответствием между иностранным языком и языком перевода.

Выше уже говорилось о возможностях перевода интернациональной фразеологии эквивалентами. Но нужно осветить и обратную сторону медали, коснувшись ФЕ, заимствованных из других языков. Близость плана выражения между двумя соотносительными ФЕ данной пары не всегда обуславливает и близость плана содержания. В этой группе ФЕ можно встретить «ложных друзей переводчика». В отличие от этого понятия в лексике, здесь «ложность» заключается реже в межъязыковой омонимии, а чаще — в несоответствии между дословным и фразеологическим переводами. “To turn over a new leaf” «начать новую жизнь, исправиться, измениться к лучшему, порвать с прошлым» (АРФС) не совсем совпадает по содержанию с очень близкой по форме русской единицей «открывать новую страницу в чем-либо».

3.4. Перевод «авторских» фразеологических единиц

Об «авторстве» ФЕ можно говорить лишь в отношении крылатых выражений, афоризмов, сентенций, восходящих к определенному литературному или историческому источнику. Выбор приема их перевода — тот же, что и при переводе остальной фразеологии. Однако нужно сохранить еще и их форму, а также часть присутствующих в их содержании коннотативных значений: намеков, аллюзий, связанных с источником. Среди подобных ФЕ немало относящихся только к иностранному языку. Даже на очень близком языке трудно выразить ярко и лаконично «рыцарь на час», «а судьи кто?», «человек в футляре».

С подобными ФЕ не следует смешивать цитаты, встречающиеся в подлиннике. Последние воспроизводят в том виде, в котором они фигурируют в переводимом тексте или в уже известном переводе.

3.5. Перевод национально окрашенной фразеологии

Выбор приемов перевода ФЕ зависит также еще и от наличия или отсутствия у нее национальной окраски. Национальный колорит может быть обусловлен специфической окраской отдельного компонента (реалии, имени собственного) или характером самой единицы, связанной с национальными особенностями соответствующего народа, содержащими упоминание или намек на какую-нибудь национальную реалию: «попасть впросак», «точить ляды», «тришкин кафтан», «у разбитого корыта» (Россельс, 1965: 210–211).

Колорит превращает ФЕ в своеобразную реалию, которая, в отличие от «лексической реалии», передается при переводе не транскрипцией, а калькой. Но с этим некоторые авторы (Влахов, 1976:25–29) согласны только наполовину.

3.6. Перевод «авторизированных» фразеологических единиц

ФЕ уже и сами по себе трудно поддаются переводу, но намного сложнее перевод, когда писатель в определенных стилистических целях меняет содержание или форму ФЕ, т.е. употребляет ФЕ не в их «нормальном» виде. Существует много путей авторизации ФЕ, которые приводят к ее разрушению как устойчивого сочетания слов. Вместе с тем ФЕ продолжает существовать в языковом сознании читателя (Абрамович, 1964: 213), создавая новые необычные эффекты, на которых строится каламбур. В качестве рабочей гипотезы каламбуром считают такие ФЕ, трансформации которых приводят к двуплановому восприятию и к возникновению юмористического эффекта, обычно связанного с эффектом неожиданности.

Необразные ФЕ при авторизации могут «освежаться», не превращаясь при этом в каламбуры. Так, введенный в состав глагольно-именного сочетания эпитет-определение или однородный член к привычному компоненту придает вес последнему, а у самой ФЕ оживает внутренняя форма (Сальникова, Шулежкова, 1975), например, «принять твердое решение», «произвести ошеломляющее впечатление». Перевод таких сочетаний особой трудности не представляет, так как всегда есть возможность то же самое выразить глаголом и наречием «твердо решить». Такие добавления-определения можно допустить и в ряде образных ФЕ, не превращая их в каламбуры, а лишь привлекая к ним внимание читателя. Пример безбу-

оживленного перевода такого «оживляющего» добавления: The adulation has not gone to his fair, curly head, где ФЕ “to go to one’s head”, соответствующую русскому «вскружить голову», нетрудно воссоздать: «не вскружила его белокурую, кудрявую голову» (Левицкая, Фитерман, 1968:49).

* * *

Вопрос о средствах и путях достижения адекватности при переводе ФЕ — один из важных вопросов в теории художественного перевода. В теоретической части нашей работы мы рассмотрели практически все способы перевода английских ФЕ на русский язык. Теория художественного перевода существует только в системе. Мнение многих теоретиков перевода выразил А. В. Федоров, подчеркнув необходимость «таких объективных научно обоснованных принципов, которые исключили бы субъективный произвол переводчика и ссылки на «интуицию», как оправдание переводческого произвола. Всякая творческая работа нуждается в установлении закономерностей и в теоретическом обобщении, которое позволило бы выводить из него выводы более широкого масштаба, распространять их на целый ряд случаев, преодолевать эмпиризм, кустарные приемы работы» (Федоров, 1968:22).

При переводе английских ФЕ можно использовать следующие виды перевода: полные, частичные и лексические эквиваленты, калькирование, обертональный перевод (т.е. контекстуальные замены), описательный перевод.

Нельзя забывать, что теории перевода создаются теоретиками, а не переводчиками. В реальной практике переводчик не просто пользуется уже готовыми рекомендациями — он творит.

При сопоставлении текстов оригинала и перевода нами было установлено, что в целом теория мало отличается от практики. Но различия все же имеются. Например, теоретики перевода считают, что в первую очередь нужно соблюдать правило «фразеологизм переводить фразеологизмом же». На деле же очень часто используются при передаче ФЕ, имеющих эквиваленты и аналоги, такие виды перевода, как лексические эквиваленты и описательный перевод. Последний вид часто применяется для достижения определенного эффекта, но чаще всего такой перевод ничем не обусловлен кроме желания переводчика передать данный фразеологизм именно так, а

не иначе. Нами также были обнаружены несколько примеров неоправданного сохранения образа ФЕ.

В целом же перевод романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» выполнен на высоком уровне, настоящим мастером своего дела. К. И. Чуковский справедливо отмечал: «...хороший переводчик заслуживает почета в нашей литературной среде, потому что он не ремесленник, не копиист, но художник. Текст подлинника служит ему материалом для сложного и часто вдохновенного творчества. Переводчик — раньше всего талант». (Чуковский, 1964:7)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Н. Б. Основы перевода. — М., 1959.
2. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. — Л.: ЛГУ, 1963.
3. Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М., 1975.
5. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — Л., 1964.
6. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик Шахматов А. А. — М.-Л., 1947.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М., 1980.
8. Влахов С. Реалия как компонент фразеологизма // Болгарская русистика. — 1976.
9. Катцер Ю. М., Кунин А. В. Письменный перевод с русского языка на английский. — М., 1964.
10. Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. — М.: Высшая школа, Ч.1. — 1960, Ч.2. — 1965.
11. Кузьмин С. С. Идиоматический перевод с русского языка на английский (Теория и практика). — М., 2004.
12. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. — Л., 1956.
13. Левицкая Т. Р., Фитерман А. Ш. Обновление ФЕ и передача этого приема при переводе // Тетради переводчика. — № 5. — М., 1968.
14. Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии. — М., 1964.
15. Роганова З. Е. Перевод с русского языка на немецкий. — М., 1971.
16. Роганова З. Е. Пособие по переводу с немецкого языка на русский язык. — М., 1974.
17. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. — М., 1950.
18. Россельс В. Вопросы художественного перевода. — М., 1955.
19. Тучкова Т. А., Критская О. В. Пособие по переводу с французского языка на русский. — М.-Л., 1964.

20. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М., 1983.
21. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. – М., 1976.
22. Чуковский К. И. Высокое искусство. – М., 1964.
23. Шадрин Н. Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. – Саратов: Саратовский госуниверситет, 1991.
24. Шахматов А. А. Сборник статей и материалов. – М.-Л., 1947.
25. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. – М., 1973.

Глава VI

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИДИОМ

Фразеология — неотъемлемая, органическая часть системы языка. Без освоения достаточного количества фразеологических оборотов, особенно таких, которые входят во фразеологическое ядро языка, невозможно правильное понимание речи как в устной, так и в письменной форме, невозможно свободное общение.

Включение фразеологии в учебный материал, по словам В. Г. Костомарова, повысит «не только лингвострановедческую, но и собственно языковую отдачу учебного процесса» (Костомаров, 1977:49).

При изучении иностранного языка овладение его фразеологическим фондом является одной из важных задач, так как во фразеологизмах, более чем в каких-либо других строевых единицах языка, присутствует национально-культурная семантика, без знания которой невозможно свободное владение языком.

Одним из условий, способствующих выполнению этой задачи, является наличие фразеологических словарей (как одно-, так и двуязычных), как толковых, так и переводных.

Фразеологический фонд английского языка, как правило, довольно полно представлен как в больших толковых словарях, которые традиционно перерабатываются и переиздаются в Англии и США каждые 20–25 лет, так и в учебных толковых словарях, которые создавались для иностранных учащихся. В качестве примера можно привести широко известные словари английского лингвиста и методиста А. С. Хорнби. Так, в выпущенном в 2000 г., шестом, значительно переработанном издании словаря “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” (Oxford, Oxford University Press, 9th impression 2004, edited by Sally Wehmeier), наряду со сравнительно небольшим по словнику справочником (50 тыс. заголовочных слов и производных), рассматривается около 11 тыс. идиоматических выражений. Несмотря на небольшой объем, этот сло-

варь регистрирует именно те идиоматические выражения современного английского языка, которые наиболее часто встречаются в разговорной речи и в современных английских художественных текстах.

Специальные фразеологические словари непосредственно посвящены анализу фразеологического состава языка, его идиоматике. Таких словарей в англо-американской лексикографии много, но не все одинаково качественно выполнены.

Нам представляется целесообразным упомянуть в ряду наиболее уважаемых и до сих пор популярных английских фразеологических справочников впервые изданный в 1870 г. *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable* (по фамилии первого составителя Э. Бруэра. — E. Brewer). Это толковый словарь, содержащий слова и выражения из области мифологии, истории, религии, искусства, культуры и т.п. Хотя "Brewer" и нельзя назвать чисто фразеологическим словарем, идиоматические выражения занимают в нем едва ли не центральное место. Словарь выдержал многочисленные переиздания с 1870 г.

В 1952 г. вышло полностью переработанное издание, и только за 16 последующих лет появилось 10 новых переизданий. Своей основной задачей автор считал попытку объяснить происхождение слов и выражений (*seeks to explain origins of words and phrases if these be known*). Приведем в качестве иллюстрации несколько словарных статей из словаря Э. Бруэра:

Down on one's luck. Short of cash and credit.

Give a man luck and throw him into the sea. Meaning that his luck will save him even in the greatest extremity. Jonah and Arion were cast into the sea, but were carried safely to land, the one by the whale and the other by the dolphin.

He has the luck of the devil, or the devil's own luck. He is extraordinarily lucky; everything he attempts is successful.

Luck or lucky penny. A trifle returned to a purchaser for good luck; also a penny with a hole in it, supposed to ensure good luck.

Not in luck's way. Not unexpectedly promoted, enriched, or other wise benefited.

Одним из наиболее добротных фразеологических словарей, появившихся в послевоенный период, можно признать Оксфордский идиоматический словарь (Cowie A. P., Mackin R. *Oxford Dictionary*

of Current Idiomatic English. Vol. I, Verbs with Prepositions and Particles. Oxford, 1975).

Высокой оценки заслуживает также фразеологический словарь, изданный в Японии: Ichikawa S. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms. Tokyo, 1980.

Одним из лучших словарей английской фразеологии XX в., специально подготовленным для изучающих этот язык за пределами Великобритании, был словарь W. McMordie. English Idioms and How to Use Them. (London, OUP, 1965). Написанный в начале века, он многократно пересматривался и дополнялся (только второе издание 1913 г. было переиздано 21 раз!).

За названными выше словарями следуют известные книги В. Х. Коллинза (Collins V. H. A Book of English Idioms. Lnd., Longman, 1956; A Second Book of English Idioms. Lnd., 1956; A Third Book of English Idioms. Lnd., 1960). Каждая из трех книг включает и описывает около 1 тыс. фразеологизмов.

Одним из лучших американских словарей является справочник М. Боутнера и Дж. Гейтса (Boatner M. T., Gates J. E. A Dictionary of American Idioms. Ed. by A. Makkai. NY, 1987. "This expanded and updated edition defines more than 5,000 American idiomatic words and phrases; it is an ideal tool to increase fluency and comprehension of students whose first language is not English, as well as travelers visiting America. It is also a valuable reference source for native-born Americans who are 'sometimes confused by colloquial phrases not readily found in ordinary dictionaries", — гласит реклама словаря.

Отличным подспорьем для изучающих английский язык может служить и «Словарь американских идиом» Ричарда А. Спирса (Richard A. Spears. American Idioms Dictionary. Special Edition. NTC, Lincolnwood, Москва, 1991). Словарь содержит около 8 тыс. устойчивых словосочетаний английского языка, употребительных в США, с их толкованиями и примерами, иллюстрирующими их употребление в речи.

Кроме перечисленных справочников, в Великобритании и США имеется еще довольно большое количество фразеологических словарей. Назовем некоторые из них: Martin H. Manser. A Dictionary of Contemporary Idioms. Lnd., 1983; Michael J. Wallace. Dictionary of English Idioms. Collins, 1984; F. T. Wood. English Colloquial Idioms. Lnd., 1969; A. J. Worrall. English Idioms for Foreign Students. Lnd., 1970; More English Idioms for Foreign Students. Lnd., 1970; Dixon J. M. English Idioms. Lnd., Partridge E. A Dictionary of Cliches. Lnd.; F. T. Wood English Verbal Idioms. Lnd., 1964.

В англоязычной лексикографии есть также большое количество словарей, регистрирующих поговорки, крылатые слова, пословицы и т.п. Из них наиболее популярны следующие справочники: Browning D. C. *Everyman's Dictionary of Quotations and Proverbs*. Lnd., Dent (6 тыс. изречений и 4 тыс. пословиц); Smith W. G. *Oxford Dictionary of English Proverbs* (более 11 тыс. пословиц); R. Ridout, C. Witting. *English Proverbs Explained*. Lnd., 1967.

Из двуязычных фразеологических словарей следует особо отметить «Англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина. Это отличный, весьма квалифицированно составленный справочник, описывающий фразеологический состав английского языка от Ч. Диккенса до наших дней. По объему обработанного материала он не имеет себе равных. Четвертое издание словаря, значительно переработанное и дополненное, вышло в 1984 г. и содержит около 20 тыс. фразеологических единиц. Словарь снабжен многочисленными иллюстрациями из произведений английских и американских классиков и современных писателей с указанием автора и произведения.

Кроме словаря А. В. Кунина, наиболее известными являются также следующие справочники: Borkowski P. *The Great Russian-English Dictionary of Idioms and Expressions. Over 8600 Russian Entries*. L., 1973; Алехина А. И. *Краткий русско-английский и англо-русский фразеологический словарь*. Минск, 1960; Гуревич В. В., Дозорец Ж. А. *Краткий русско-английский фразеологический словарь*. — М.: Русский язык, 1988; *Словарь употребительных английских пословиц*. — М.: Русский язык, 1988 и др.

Из появившихся в последнее время словарей, которые, несомненно, заслуживают пристального внимания, следует, в первую очередь, отметить публикацию в России словаря С. И. Лубенской (Большой русско-английский фразеологический словарь. — М.: АСТ-ПРЕСС, 2004 г. — 1018 с.). (Его английская версия была опубликована в 1995 г. в Нью-Йорке.)

В своей рецензии на этот словарь Д. О. Добровольский рассматривает его не только как «самый полный русско-английский фразеологический словарь (около 13000 фразеологизмов и 6900 словарных статей), но и практически единственное лексикографическое описание русской фразеологии в сопоставлении с английской, основанное на современных представлениях о лингвистически значимых особенностях идиоматики» (Добровольский, 2004: 142–148).

Характерным отличием данного словаря от аналогичных лексикографических источников является наличие в нем толкований,

написанных на английском языке, которые помогают пользователю понять значение каждого русского фразеологизма и чрезвычайно полезны для переводчиков, позволяя последним легче найти наиболее подходящий эквивалент. В качестве иллюстративных примеров автор использует либо контексты из произведений художественной литературы, либо контексты, сконструированные самим автором. Все контексты переводятся на английский язык. Приведем пример полной словарной статьи:

НОСИТЬ <ТАСКАТЬ, ЧЕРПАТЬ> ВОДУ РЕШЕТОМ; НОСИТЬ <ТАСКАТЬ> ВОДУ В РЕШЕТЕ *all coll, iron or humor* [VP; subj; human; usu. infin. after все равно что or то же самое, что] to do smth. Knowing that one's efforts, actions are in vain, will bring no results: делать X – все равно, что воду решетом носить = **doing X is like trying to carry (draw) water in a sieve; doing X is like plowing the sands**. Дмитрий человек упрямый, спорить с ним все равно, что воду решетом носить. Dmitry is a stubborn person: arguing with him is like trying to carry water in a sieve.

Однако даже в лексикографии, имеющей куда более давние традиции, чем фразеография, нет достаточно четкого представления о том, каким образом должна строиться словарная статья. Еще более серьезно обстоят дела в сфере фразеологии.

Анализ некоторых существующих фразеологических словарей, словарей идиом как отечественных, так и зарубежных изданий, позволил сделать следующие выводы.

Обязательными компонентами словарной статьи во фразеологических словарях является толкование (дефиниция) фразеологической единицы в одноязычных фразеологических словарях, перевод – в двуязычных и один-два примера, демонстрирующие употребление данного фразеологизма в контексте.

Словарь Мак Морди «Английские идиомы» именно этим и ограничивается (W. McMordie, 1965).

В словаре Фредерика Вуда “English Colloquial Idioms” помимо дефиниций и примеров в некоторых случаях встречаются стилистические пометы и иногда информация о сопутствующих коннотациях. Например, Shut up... “a certain degree of annoyance or impatience is suggested by the idiom” (Wood, 1970).

В словаре американских идиом Адама Маккея (Makkai, 1987), для того чтобы указать, приемлемо ли употребление той или иной идиомы в той или иной ситуации, предлагаются следующие пометы: *slang, informal, formal, literary, vulgar, substandard* (указывает на то,

что выражение, в основном, употребляется необразованными людьми), *nonstandard* (указывает на необычность фразы), *archaic, dialect, chiefly British* (указывает на то, что американцы употребляют идиому очень редко), *Southern* (чаще употребляется на Юге США, чем на Севере).

Помимо стилистического маркера в статье приводятся дополнительные варианты той же идиомы, даются грамматические пометы, иногда присутствует дополнительная информация о том, как употребляется идиома (Напр.: *out of this world* – a cliché).

В словаре американских идиом Ричарда А. Спирса (Спирс, 1991) имеются следующие пометы: *cliché* (указывает на то, что выражение употребляется достаточно часто в разговорной речи и не употребляется в письменной), *folksy* (относится к диалектным выражениям), *informal, slang*. Фразеологические единицы, несущие перечисленные пометы, отмечены значком (*), который играет предупредительную роль.

Наибольшая информация представлена в «Англо-русском фразеологическом словаре» А. В. Кунина (Кунин, 1984). В этом словаре используются:

1) различные типы помет: стилистические (*бран., вульг., груб., ирон., ласк., неодобр., презр., шутл., эвф.*); функционально-стилистические (*книжн., разг.*); терминологические (*воен., ком., мед., мор., охот., парл., полит., спорт., театр., юр.*). Если фразеологическая единица не имеет общелитературного употребления или ограничена исторически, то она сопровождается соответственно пометами *диал., жарг.,¹ прост., уст., ист.*; грамматические пометы; пометы, обозначающие территориальную принадлежность, локальный характер фразеологизма.

2) комментарии всех типов: комментарии политического характера, этимологические, стилистические (относящиеся к изменению значения и стилистического статуса фразеологической единицы), уточнительные (уточняют перевод фразеологизма, характер или сферу его употребления, а также его денотаты); предостерегающие (указывают на опасность смешения английского фразеологизма с русским, обладающим тождественной образностью, но не совпада-

¹ Автор словаря отказался от пометы *sl.* (сленг) и ввел помету *жарг.*, которая употребляется для характеристики фразеологизмов, стоящих ниже литературной нормы, употребление которых неограниченно ни локально, ни социально, а также для характеристики профессионального жаргона.

ющим по значению); объясняющие устаревшие значения; объясняющие просторечные и диалектные написания слов.

Все фразеологические единицы, зафиксированные в «Англо-русском фразеологическом словаре», и приводимые примеры, иллюстрирующие их значение, даны с переводом. При этом в словаре используются различные виды перевода: эквивалент, аналог, описательный, антонимический, калькирование, комбинированный перевод. В этом словаре именно перевод указывает на выбор говорящим нужной единицы.

«Английская фразеология — это сложнейший конгломерат устойчивых сочетаний слов, стилистический диапазон которых варьируется от нейтральных общелитературных оборотов до жаргонных вулгаризмов. Недостаточная разработанность фразеологической стилистики, подвижность границ различных стилистических разрядов, таких, например, как нейтральный или книжный, а также изменение нормы фразеопотребления в значительной мере затрудняют определение стилистического статуса фразеологизма. Вследствие этого система стилистических помет, даваемая в словарях, не может считаться незыблемой, так как она часто не поспевает за жизнью языка и нуждается в коррективах» (Кунин, 1986:157). Тем не менее А. В. Кунин считает, что для более полного понимания функционирования фразеологизмов в контексте эта система вполне справляется с этой задачей. Он выделяет стилистические пометы двух типов: 1) функционально-стилистические, определяющие стилистическую функцию ФЕ, и 2) коммуникативно-стилистические, определяющие коммуникативные сферы, т.е. сферы функционирования ФЕ.

В словаре С. И. Лубенской предлагается система стилистических помет, отражающая не только стилевые регистры (от *elev* «высокое» до *vulg* «вульгарное» и *taboo* «табуированное»), временные характеристики (от *obs* «устаревшее» до *recent* «новое»), но и пометы характера речи типа *humor* «шутливое», *impol* «невежливое», *derog* «уничижительное», а также пометы, указывающие на соответствующий тип дискурса (*offic* «официальное», *lit* «книжное», *folk poet* «народно-поэтическое»).

Сопоставление всех приведенных словарей показало, что при использовании авторами помет наблюдаются расхождения. Например, фразеологическая единица *shut up* представлена в словарях следующим образом:

Ричард А. Спирс: *shut up* I. (with *someone*) to silence someone — нет никакой пометы

Адам Маккей: *shut up* 1. *informal* to stop talking – often used as a command; usually considered rude – нет никакой пометы, лишь информация о стилистической окраске

Мак Морди: *shut up* = to put somebody to silence, to put somebody to shame, to confound somebody – нет никакой пометы

Фредерик Вуд: *shut up* 1. *intransitive* stop talking; vulgarism 2. *transitive*. Cause to stop talking. Помета *vulg.*

А. Кунин: *shut up* – *разг.* попридержать язык; держать язык за зубами; помалкивать; молчать.

Обыкновенно в повелительном наклонении. Помета – *разг.*

Как можно заметить, структура большинства фразеологических словарей ориентирована на разъяснение значения фразеологической единицы путем толкования, либо указания на эквивалент, на соответствие. Пометы, используемые в словарях указывают на принадлежность к тому или иному функциональному стилю. Но ни одному из словарей не удастся «преодолеть концепции так называемого пассивного словаря, рассчитанного на «чутье языка» (Телия, 1988).

Существующие фразеологические словари не обеспечивают нужд активной грамматики – грамматики говорящего, в них отсутствует описание активных правил выбора и употребления фразеологических единиц в речи, представляющих основную трудность для изучающих иностранный язык.

Чтобы правильно использовать идиомы, эти сложные семантические образования, говорящий должен знать не только грамматические правила, не только собственно значение фразеологической единицы, но и те многообразные созначения (коннотации), которыми так богаты фразеологизмы. Назначение фразеологизма не только назвать, а, называя, охарактеризовать объект, выразить эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому, которое может быть представлено в диапазоне «одобрительно» – «неодобрительно».

При этом большую роль играют правила употребления фразеологизма в той или иной коммуникативно-прагматической ситуации, наиболее устоявшимися критериями которой являются обстановка и место коммуникативного акта, предмет и цель коммуникации, социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников делового общения, ролевые и личностные отношения между

коммуникантами. Нарушение же хотя бы одного из параметров: ролевых ожиданий, принятых норм межличностных отношений, сферы общения, отсутствие коммуникативной компетенции приведут к нарушению одного из живых факторов коммуникации — фактора взаимопонимания.

При сочетании различных коммуникативных структур возникает разнообразие целей, которых их создатель пытается добиться при помощи «высказывания — действия». Существующая определенная прагматическая установка влияет на характер языкового оформления текста. Фразеологические единицы — часть языка, которая занимает в этом процессе не последнее место. Они обладают той иллокутивной силой, которая в определенных условиях манифестирует цель говорения.

Знание этих условий, знание правил смыслового и ситуативного употребления фразеологических единиц и обеспечивает правильное их использование.

В словаре активного использования идиом недостаточно существования таких экспрессивно-стилистических помет, как *одобр.*, *неодобр.*, *пренебр.* и т.п. (см. Кунин, 1984). Эта информация, являющаяся неотъемлемой частью коннотации, должна быть включена в ту часть словарной статьи, где описывается само значение идиомы.

При этом эмотивно-оценочное значение одной и той же фразеологической единицы может меняться в зависимости от того, о свойствах, качествах и действиях какого лица идет речь («Я — ТЫ — ОН — грамматика». Более широким диапазоном эмотивно-оценочной оценки (со знаком «—») обладают фразеологические единицы при косвенной характеристике объекта (некоего третьего лица), а также при описании «сферы общения» «ОН — грамматика».

В позиции «ТЫ — грамматика», т.е. в позиции, когда речь идет о собеседнике, или «Я — грамматика», когда речь идет о самом говорящем, эмоционально-оценочная тональность меняется, а во многих случаях употребление этих идиом в упомянутых позициях вообще невозможно.

Во фразеологических словарях практически отсутствуют пометы, указывающие на социально значимые условия употребления идиомы [кто — кому — где — когда], — согласно параметрам коммуникативно-прагматической ситуации. Говорящий должен знать, уместно или неуместно употребление данного фразеологизма в тех или иных социально-значимых условиях речи, зависит ли его упот-

ребление от социальных статусов или ролей говорящих, ситуационной роли говорящего и слушающего и пр.

Подобные пометы сделали бы возможным правильное употребление фразеологических единиц, помогли бы изучающему иностранный язык избежать нелепых, а порой и смешных ошибок в употреблении той или иной идиомы.

«Идиомы являются источником жизненной силы развивающихся, изменяющихся языков, показателем динамичности общества, в котором они употребляются» (Маккей, 1987, V), и нет необходимости доказывать их значимость. По словам автора «Словаря американских идиом» Адама Маккея, «если человек употребляет в речи всегда книжные, высокопарные выражения и никогда не употребляет идиом, он может приобрести репутацию сухого, чопорного, лишённого воображения человека, или же человека, который всегда старается звучать чересчур серьезно и официально» (Маккей, 1987, VIII). Знание идиом необходимо для совершенного владения иностранным языком.

В русском языке достигнуты определенные успехи во фразеологии. Вышедший в 1995 г. «Словарь образных выражений русского языка» под редакцией д. ф. н. В. Н. Телия качественно отличается от существующих словарей подобного типа.

В словаре описываются значение, грамматика и ситуативные закономерности устойчивых сочетаний русского языка. Идиомы, зафиксированные в этом словаре, объединены в смысловые поля и отражают тот или иной фрагмент картины мира. Словарь показывает, что само видение мира организовано вокруг человека, так как «действительность воспринята и обозначена человеком в его культурно-национальном кругозоре», в нем создается представление о культурно-национальной картине мира, запечатленной в идиомах, а также «об антропологическом начале в этой языковой модели мира» (СОВРЯ, 6).

Но наиболее ценным в этом словаре является ситуативное подтолкование, т.е. указание на типовую или прототипическую ситуацию (или ситуации), в которой идиома может быть употреблена. Создание подобного словаря на материале английских идиом могло бы быть большим вкладом во всю систему обучения иностранному языку.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческие рекомендации составителям учебных пособий по русскому языку для иностранцев. — РЯЗР, 1977. — №2.
2. *Добровольский Д. О. Лубенская С. И.* Большой русско-английский фразеологический словарь // Вопросы языкознания. — № 6. — 2004.
3. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 1984.
4. *Телия В. Н.* Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка / Материалы к методической школе-семинару. — М., 1988.
5. *Спиерс Ричард А.* Словарь американских идиом. — М.: Русский язык, 1991.
6. Словарь образных выражений русского языка (СОВРЯ) / Под ред. д. ф. н. В. Н. Телия. — М.: Отечество, 1995.
7. *Makkai A.* A Dictionary of American Idioms. — N.Y., 1987.
8. *Manser Martin H.* A Dictionary of Contemporary Idioms. — London, 1983.
9. *McMordie.* English Idioms and How to Use Them. — London: Oxford, 1965.
10. *Wood Frederick T.* English Colloquial Idioms. — London, 1970.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Тема 1. Фразеология как лингвистическая дисциплина

1. Что такое фразеологическая единица? Что такое фразеология?
2. С какими лингвистическими науками связана фразеология?
3. Назовите два основных направления в исследовании фразеологии.
4. Какая разница между словосочетанием и фразеологизмом?

Тема 2. Основные источники английских фразеологических единиц

1. Назовите основные источники возникновения фразеологических единиц.
2. Чем объяснить тот факт, что «морская фразеология» является одной из наиболее многочисленных групп в английском языке?
3. Какое место в англоязычной культуре занимает Библия и каково ее влияние на фразеологический состав английского языка?
4. Назовите английских писателей, которые оказали большое влияние на английский язык и, в частности, на его фразеологию.
5. Приведите примеры фразеологических единиц, связанных с античной культурой (мифологией, историей, литературой).
6. Назовите основные источники возникновения фразеологических единиц, связанных с повседневной жизнью англичан.
7. Приведите примеры фразеологических единиц, возникших в американском варианте английского языка. Что лежит в основе их создания?
8. Какова отличительная черта американских фразеологизмов жаргонного происхождения?

Тема 3. Функционально-стилистическая дифференциация английских фразеологических единиц

1. Какие пласты можно выделить при функционально-стилистической дифференциации фразеологических единиц?
2. Назовите сферу употребления а) книжно-литературных и б) литературно-сниженных фразеологических единиц.
3. Какова связь между стилистическими пластами и функциональными стилями?
4. Какой фактор является решающим при разграничении функционально-стилистических пластов?

5. Дайте краткую характеристику
 - а) нейтральных фразеологических единиц,
 - б) книжных фразеологических единиц,
 - в) разговорных фразеологических единиц,
 - г) просторечных фразеологических единиц.

Тема 4. Коннотация как иллюкутивный потенциал

1. На чем основано понятие фразеологического значения?
2. С чем связано понятие когнитивной структуры фразеологического значения?
3. Что такое коннотация?
4. Почему человеческий фактор является в настоящее время одним из центральных понятий функционального языкознания?
5. Какие четыре компонента взаимодействуют во фразеологизмах как знаках вторичной номинации?
6. Каково назначение фразеологизма?
7. Почему коннотация представляет собой основной (если не ведущий) компонент содержательной структуры фразеологизма?
8. Назовите основные аспекты коммуникативной функции языка.
9. Что такое оценка?
10. Какие два вида оценки присутствуют во фразеологизме?
11. Какая оценка называется рациональной оценкой?
12. Что такое эмоциональная (эмотивная) оценка?
13. Какие аллосемы могут быть включены в эмоциональную оценку?
14. Что такое экспрессивность фразеологической единицы?
15. Каким образом экспрессивность фразеологических единиц связана с прагматическим аспектом значения фразеологизма?
16. Какие виды субъективной модальности могут быть связаны с экспрессивностью?

Тема 5. Роль образности

в формировании коннотативной модальности фразеологических единиц

1. Что является мотивирующим основанием коннотации?
2. Что такое образ во фразеологических единицах?
3. Какая связь наблюдается между эмоциональной оценкой и образностью?
4. Что во фразеологии понимается под внутренней формой?
5. Расскажите о внутренней форме в интерпретации В. Гумбольдта.

6. Кто из русских ученых внес свой вклад в теорию внутренней формы?
7. Что в работе понимается под гештальтом?
8. Роль образа в формировании значения фразеологизма.
9. Какими группами представлена мотивация в английских фразеологические единицах?
10. Дайте примеры фразеологические единицы, в которых мотивация есть:
 - а) образ, адекватный возможному положению дел в мире;
 - б) парадоксальный образ;
 - в) звуко-символический.
11. Что представляет собой семантическая структура фразеологической единицы?

Тема 6. Контекст как продукт языковой коммуникации

1. Что такое контекст и посредством чего он образуется?
2. Что такое эмоциональный контекст?
3. Что вы понимаете под коммуникативно-прагматической ситуацией? Назовите ее параметры.
4. Что такое прагматическая ориентация текста?
5. Какие факторы необходимо принимать во внимание при анализе прагматического содержания текста?
6. Приведите пример, в котором бы наблюдалось нарушение одного из параметров коммуникативно-прагматической ситуации. К чему оно приводит?
7. Что понимается под узуальным и окказиональным использованием фразеологической единицы?
8. Приведите пример, в котором реализуется прагматический аспект значения фразеологических единиц, заложенный в узусе. Проанализируйте эту единицу по глубинно-семантическому уровню.
9. Как влияет эмоциональный контекст на прагматический аспект значения фразеологических единиц, заложенный в узусе?

Тема 7. Выбор фразеологических единиц, диктуемый коммуникативно-прагматической ситуацией, и их прагматическая функция в разных позициях

1. Расскажите о роли статусных и позиционных ролей коммуникантов в выборе фразеологической единицы.

2. Сфера общения и ее влияние на употребление фразеологических единиц.
3. Проанализируйте фразеологическую единицу *to swallow a gudgeon* – ср. русск. «попасться на удочку» с точки зрения ее лично-дейктического употребления («Я – ТЫ – ОН – грамматика»). Укажите разницу в значении.
4. Приведите и проанализируйте пример, в котором фразеологическая единица употребляется при описании сферы общения. Определите ее прагматическую функцию.
5. Чем отличается прагматическая функция фразеологической единицы при различном лично-дейктическом употреблении («Я – грамматика» и «ТЫ – ОН – грамматика»)?
6. Какое значение имеет введение субъективного фактора при определении значения фразеологической единицы?

Тема 8. Проблемы перевода фразеологических единиц

1. Что такое перевод?
2. Какой перевод называют адекватным переводом?
3. Почему фразеологизмы занимают едва ли не первое место в шкале «непереводимости» или «труднопереводимости»?
4. В чем основное отличие классификаций фразеологических единиц, предложенных Ш. Балли, В. В. Виноградовым и Б. А. Лариным? Почему они представляют интерес для теории перевода?
5. На какие две группы (с переводческой точки зрения) делятся фразеологические единицы?
6. Что такое фразеологический эквивалент?
7. Приведите примеры полных эквивалентов.
8. Дайте характеристики а) частичных лексических эквивалентов, б) частичных грамматических эквивалентов.
9. Что такое калькирование? Почему приходится прибегать к калькированию при наличии полного или частичного эквивалента? Чем отличается калькирование от буквализации?
10. Что такое обертональный (контекстуальный) перевод?
11. Какой фразеологический эквивалент называется неполным?
12. Какая фразеология называется безэквивалентной?
13. Назовите правила перевода безэквивалентных фразеологических единиц.
14. В чем специфика перевода национально окрашенной фразеологии?

15. Какие пути «авторизации» фразеологических единиц вы знаете? Каковы особенности перевода «авторизованных» фразеологических единиц?

**Тема 9. Проблемы лексикографического описания
фразеологических единиц**

1. Перечислите наиболее известные словари английских и американских идиом. Какие из них, на ваш взгляд, наиболее приемлемы для работы переводчика?
2. Приведите примеры того, как фразеологические единицы представлены в известных толковых и двуязычных словарях английского языка.
3. Какую роль играет комментарий в словарных статьях фразеологических словарей?
4. Какие стилистические и другие пометы используются в словарных статьях фразеологических словарей?
5. Проанализируйте словарную статью по выбранной вами фразеологической единице из одного из рассмотренных в данном разделе словарей.
6. Каковы, на ваш взгляд, сильные и слабые стороны существующих словарей английских и американских фразеологических единиц?

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Christie A.

- Dead Man's Mirror. — NY, 1966. /DMM/
Elephants Can Remember. — NY, 1976. /ECR/
Lord Edgware Dies. — Glasgow, 1980. /LED/
The Man in the Brown Suit. — Lnd., 1974. /MBS/
The Moving Finger. — Lnd., 1971. /MF/
Murder on the Orient Express. — Glasgow, 1980. /M on the OE/
The Mysterious Affair at Styles. — Lnd., 1974. /MAS/
Ordeal by Innocence. — NY, 1969. /Obi/
Passenger to Frankfurt. — Lnd., 1974. /P to F/
The Secret of Chimneys. — Lnd., 1974 /S of Ch/

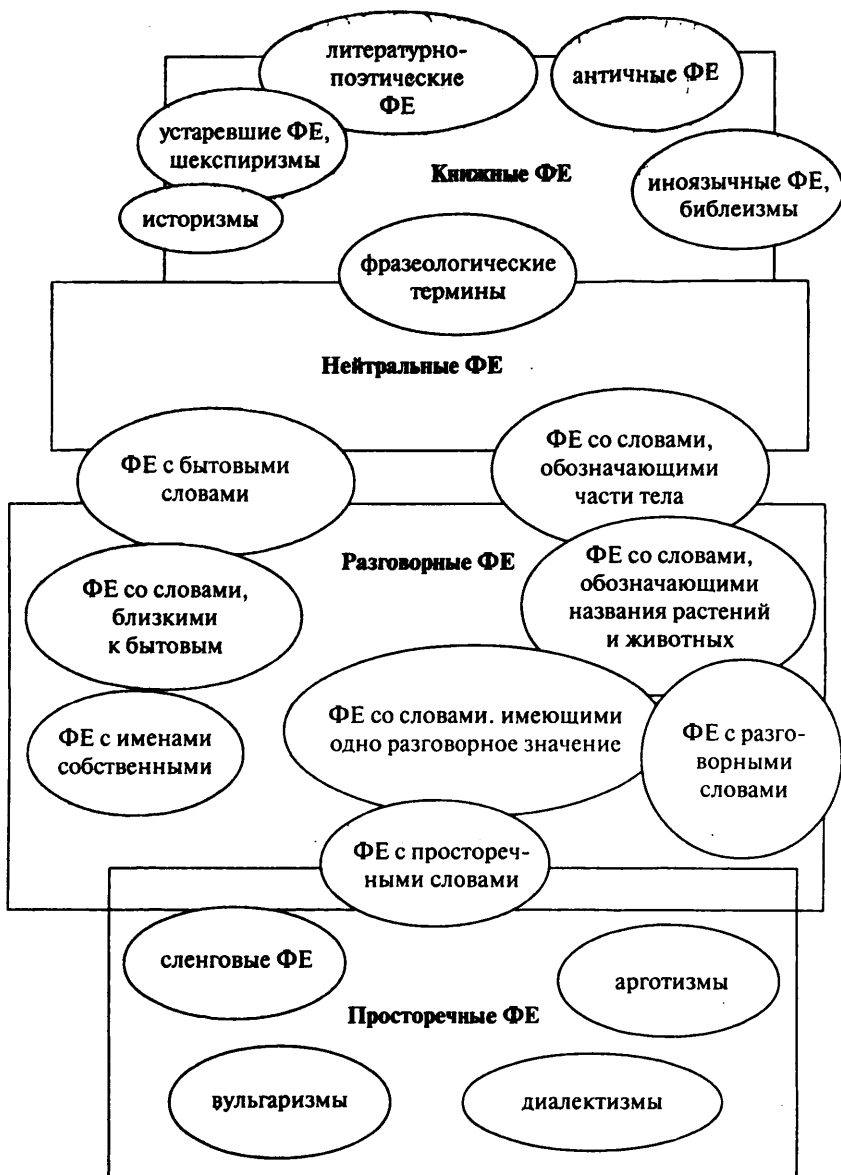
Lindsay J.

- Betrayed Spring. — M., 1955. /J. Lindsay/

McBain E.

- Give the Boys a Great Big Hand. — NY., 1978.

Функционально-стилистическая классификация фразаологических единиц (ФЕ)

ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА И ПЕРЕВОДА

1. THE ENGLISH HERITAGE

The Englishman has always loved to crowd his talk with metaphor and image and neatly rounded phrase — to compress his experience wherever possible into some vivid idiom. He has no desire to invent new idioms. He prefers to use those which exist already, and is almost completely incurious as to their origin. They may be from Shakespeare or the Bible or Dickens or Pope or one of the great lyric poets; they may be traditional sayings of home or countryside, which have been handed down from father to son and mother to daughter through many centuries. It is all the same to him.

Here, then, is something of everyday England as it is revealed in everyday conversation.

Where the source of a quotation or idiom is known it is given in the footnotes. Where nothing else is stated, the phrase is traditional.

COUNTRYSIDE, WEATHER, AND THE SEA

The Englishman thinks of his country as *England's green and pleasant land*,¹ and would always return to it from *the four corners of the earth*.² He likes to take a holiday *under the greenwood tree*³ and *far from the madding crowd*,⁴ or to let his imagination wander *over the hills and far away*.⁵ He considers that *distance lends enchantment to the view*,⁶ and thinks of the *promised land*² as *a land flowing with milk and honey*.² He reminds himself when downcast that *it's a long lane that has no turning*, and encourages himself by observing *Tomorrow to fresh woods and pastures new*.⁷ He criticizes, perhaps with a certain envy, people of questionable morals who tread *the primrose path of dalliance*.³

When there is work to be done he knows that *time and tide wait for no man*,⁸ and he also remembers that *it's an ill wind that blows nobody any good*. He smiles indulgently over *midsummer madness*,³ and says to himself in dark days *If winter comes, can spring be far behind*.⁹ Thus encouraged, he can declare boldly *Blow, blow, thou winter wind*³ and feel *as right as rain* even if he is *under the weather*. He knows only too well that *It never rains but it pours*, and when people are particularly foolish he tells them that they *haven't sense enough to come in out of the rain*. He will hurry *on the wings of the wind*² if there is anything urgent to be done. He does not like skating *on thin ice*, but he is grateful to people who *break the ice* by talking to him at a party.

He is constantly dreaming of what he will do *when his ship comes home*, and is surprised when he manages to *sail through* an interview *with flying colours*. He admires those who *go down to the sea in ships*.² He has as little taste for *sailing close to the wind* as for thin ice, and he strongly approves of people who *paddle their own canoe*.

¹ William Blake, 1757–1827. ² The Bible (1611). ³ Shakespeare, 1564–1616.

⁴ Thomas Gray, 1716–1771. ⁵ Nursery Rhyme. ⁶ Thomas Campbell, 1777–1844.

⁷ Milton, 1608–1674. ⁸ John Heywood, c. 1497–1580. ⁹ Shelley, 1793–1822.

THE FARMYARD, ANIMALS, BIRDS, AND FLOWERS

The Englishman is careful never to *cast his pearls before swine*,¹ and knows that *you can take a horse to the water, but you cannot make him drink*. Certain things anger him so much that they are like *a red rag to a bull*, and he thinks it foolish to *count his chickens before they are hatched*,² put *all his eggs in one basket*, or *lock the stable door when the horse is gone*. He is suspicious of anyone who may turn out to be a *wolf in sheep's clothing*¹ or the *black sheep* of a family, though he is sorry for *lost sheep*¹ who have *strayed from the fold*.¹ He hates to see *a dog in the manger*,³ and is proud of the fact that he always *calls a spade a spade*. *As sure as eggs is eggs* he will describe a clumsy person as *a bull in a china shop*, say that a crazy one has *bats in the belfry* or *a bee in his bonnet*, and compare a miserable one to *a dying duck in a thunderstorm*. He holds that *a cat may look at a king*. When suspicious the Englishman may *smell a rat*; when rash he may *let the cat out of the bag*. He does not mind if it *rains cats and dogs*, and a scolding may slip from his shoulders *like water off a duck's back*. When in love he may *cast sheep's eyes* at his girl, and declare that he could go on talking to her *till the cows come home*, and if she asked him he would *plough through* an entire book for her sake. He is glad to think that *God tempers the wind to the shorn lamb*.⁴ He likes to remind you that he is *not so green as he's cabbage-looking*, and *his bark is worse than his bite*.

¹ Bible. ² Samuel Butler, 1612–1680. ³ Robert Burton, 1577–1640. ⁴ Laurence Sterne, 1713–1768.

The Englishman thinks it unlikely that the *leopard will change his spots*,¹ or that a *camel can go through the eye of a needle*,¹ and he has no high opinion of those who *strain at a gnat and swallow a camel*.¹ He is far from

pleased if given a *white elephant*, which it is not easy either to get rid of or to keep; it may make him feel like *a bear with a sore head*, and he may observe with disgust that it is *neither fish nor flesh nor good red herring*, and that *even a worm will turn*.²

He may *get up with the lark* and travel a long distance *as the crow flies* in order to *kill two birds with one stone*. He believes that *birds of a feather flock together*, but always maintains that *fine feathers do not make fine birds*.

In old age he will fall into *the sere and yellow leaf*,² but he likes to see the younger generation *blossom like the rose*,¹ and to *consider the lilies of the field*¹ or *the last rose of summer*.³ He enjoys *the flowers that bloom in the spring*,⁴ is grieved to see one *waste its sweetness on the desert air*,⁵ and is well aware that *a rose by any other name would smell as sweet*.² He and his twin brother are always described as being *as like as two peas*.

¹ Bible. ² Shakespeare. ³ Thomas Moore, 1779–1852. ⁴ Sir William Gilbert, 1836–1911. ⁵ Gray.

DOMESTIC LIFE, COOKING, AND MEALS

Since *accidents will happen in the best-regulated families*¹ and there is frequently *a fly in the ointment*, the Englishman is never surprised to hear that people have *a skeleton in the cupboard*, and endeavours not to *drop a brick* in conversation with them. He knows that *there is no smoke without fire*, but he does not want to *get into hot water*, be a *wet blanket*, or *fall between two stools*. Even if he is *born with a silver spoon in his mouth*, he does not care to have *too many irons in the fire* or to be *too big for his boots*. When people are *not out of the top drawer* he may consider them *nothing to write home about*. He does not like to see people *wash their dirty linen in public* or *take in one another's washing*. He is sorry for anybody who is *on the shelf*, and he knows *where the shoe pinches*. He would consider it most discourteous to *teach his grandmother to suck eggs*, and has no wish to be *tied to his mother's apron-strings*. He believes that *a stitch in time saves nine*, and would rather be *clothed and in his right mind*² than *dress in purple and fine linen*.² When he is cross it is because he has *got out of bed on the wrong side*, or been *burning the candle at both ends*. *A burnt child dreads the fire*, and he does not want to *heap coals of fire*² on anybody's head; but to *keep the home fires burning*³ is one of his *household words*.⁴ Even if he *hasn't slept a wink*⁴ he will *set his house in order*² and go dutifully on with *the trivial round, the common task*.⁵

If his wife is a *ministering angel*⁶ she will be the *apple of his eye*,² but if she is not *the salt of the earth*² there may sometimes be a *storm in a teacup*. But it is *no use crying over spilt milk, even if the gilt is off the ginger-bread*. For life is *not all beer and skittles*, nor *cakes and ale*,⁴ and *there's many a slip 'twixt the cup and the lip*.⁷ *A new broom sweeps clean; half a loaf is better than no bread*, and *one man's meat is another man's poison*.

The Englishman considers that *the proof of the pudding is in the eating*, and he *knows which side his bread is buttered*; and he would think it a *pretty kettle of fish* if he were to be deprived of *the roast beef of old England*.⁸ If he is *half-baked* he may *get into a stew* and be left to *stew in his own juice*. He has known cases of *the pot calling the kettle black*, and is well aware that *a watched pot never boils*. If he has no *other fish to fry* he likes to have a *finger in the pie*, though he is careful not to *fall out of the frying-pan into the fire*. He considers that *too many cooks spoil the broth*, but he will be *as warm as toast* if he is given a cup of *beautiful soup so rich and green*⁹ or *the cup that cheers but not inebriates*,¹⁰ by which he means *a nice cup of tea*. He likes to *eat, drink, and be merry*,² though not of the *crumbs which fall from the rich man's table*² or of the *bread of adversity*.² He enjoys his *daily bread*,² and will *kill the fatted calf*² for a good friend, or *cast his bread upon the waters*² to help the unfortunate, but he knows that *man shall not live by bread alone*.² Like *Oliver Twist*, he sometimes *asks for more*,¹ but he realizes that you cannot both *eat your cake and have it*. If he were to be *eaten out of house and home* by somebody who looked *as if butter wouldn't melt in her mouth*, he would *save his breath to cool his porridge*, and conclude that it had obviously been a question of *cupboard love* and that she was *not his cup of tea* anyway.

¹ Charles Dickens, 1812–1870. ² Bible, ³ Ivor Novello – a song from 1914–1918.

⁴ Shakespeare, ⁵ John Keble, 1792–1866 (a hymn). ⁶ Sir Walter Scott, 1771–1832. ⁷ Burton. ⁸ Henry Fielding, 1707–1754. ⁹ Lewis Carroll, 1832–1898.

¹⁰ William Cowper, 1731–1800.

SCHOOL, READING, SPORT, THE THEATRE, AND AMUSEMENT

With sad echoes of his schooldays, or rather of his ancestors' schooldays, the Englishman will declare that something is *all Greek to him*¹ and warn people to *mind their P's and Q's* or be careful to *dot their i's and cross their t's*. He knows that knowledge is apt to go *in at one ear and out of the*

other,² and that *a little learning is a dangerous thing*.³ He remembers sometimes to say that *children should be seen and not heard*, to remind people to *train up a child in the way he should go*,⁴ and to quote to them the unheeded warning *Spare the rod and spoil the child*.⁵ He thinks that *boys will be boys*, determines now and again to *turn over a new leaf*, and sees no sense in the learned man's habit of *burning the midnight oil*. His wife and daughters aspire to a *schoolgirl complexion*.⁶

He is not unnaturally annoyed if well-meaning people assure him that *his face is an open book to them*, or that they can *read him like a book*. He thinks there is *neither rhyme nor reason*⁷ in being a *bookworm*, and that *much study is a weariness of the flesh*.⁴ He is willing to *read, mark, learn, and inwardly digest*⁸ the fact that *brevity is the soul of wit*.¹ He wishes to speak *the King's English*¹ (or Queen's if a queen is on the throne), and has heard that *the pen is mightier than the sword*.⁹

¹ Shakespeare. ² Geoffrey Chaucer, 1340–1400. ³ Alexander Pope, 1688–1744.

⁴ Bible. ⁵ Butler. ⁶ Advertiser's slogan (Palmolive Soap). ⁷ Edmund Spenser, c. 1552–1599. ⁸ Prayer Book (1662). ⁹ Lord Bulwer-Lytton, 1803–1873.

Reference has previously been made to the sporting phraseology in which the Englishman likes to express his standards of behaviour. Here are some of his favourite phrases.

From cricket the Englishman learns to *keep a straight bat*, *keep his end up*, *hit* an opponent *for six*, and do things when necessary *off his own bat*. He may be *stumped* by some problem, but he will never do anything that *isn't cricket*.

Boxing reminds him that one must not *hit a fellow when he's down*, or *hit below the belt*; also that one may receive a *knock-out blow*, *throw up the sponge*, and *win on points*. From golf he learns to *keep his eye on the ball*, and he may, if he prefers golf to cricket, be *stymied* instead of *stumped*. Like an angler he may *fish* for compliments, like a devotee of shooting he may collect a *mixed bag*. From the hunting-field he knows that he must not *shirk his fences* or *run with the hare and hunt with the hounds*, and must if possible manage to be *in at the death*.

Racing, "the sport of kings," reminds him to *put his shirt on* anything in which he believes, and not to *back the wrong horse* or *get left at the post*. He must be cautious about a *dark horse* or an *outsider*, even though he may believe them to be *in the running*. He will wish for a *fair field and no favour*; and sport in general reminds him constantly that he wishes at all times to *play the game*, give his opponent a *sporting chance* and *see fair play*.

When the Englishman feels like dancing he may exclaim *On with the dance*¹ or express his readiness to trip *the light fantastic toe*,² and he may say invitingly to his partner *Won't you join the dance*.³ He will thereupon declare that *We won't go home till morning*⁴ and suffer next day from a *hang-over* and a feeling that this is a *morning after the night before*. If he is at any time *in the limelight* he may *play to the gallery*, and it is just possible that he may *wake one morning to find himself famous*.¹ A man who likes to *blow his own trumpet* or *beat the big drum* will not feel inclined to *play second fiddle* to anybody. If he gets into trouble he must *face the music* and *if he pays the piper he can call the tune*.

¹ Lord Byron, 1788–1824. ² Milton. ³ Lewis Carroll. ⁴ Popular song.

PEOPLE

Knowing as he does that *the proper study of mankind is man*,¹ the Englishman has large supplies of idioms in which to describe his fellow-creatures. He knows that *beggars can't be choosers*,² and those who *marry in haste repent at leisure*³ but *'tis better to have loved and lost than never to have loved at all*.⁴ There is *no peace for the wicked*,¹ and if you *play the fool*¹ you may perhaps only escape *by the skin of your teeth*.¹ It is as well to remember that *the child is father of the man*,⁵ and that *when Greek meets Greek, then comes the tug of war*.⁶

The devil of his ancestors plays an active part in the Englishman's vocabulary, quite apart from his uses in the way of swearing. Though it may be *enough to make a saint swear*,⁷ he considers that *needs must where the devil drives*,⁸ and that it is sometimes a case of *each for himself, and the devil take the hindmost*.² He has no wish to find himself *between the devil and the deep sea*, and looks with suspicion upon *the world, the flesh, and the devil*.⁹ He remembers that when *the devil was sick, the devil a monk would be*, and knows very well that *the devil can quote scripture for his purpose*,⁸ so he concludes that it is always advisable to *speak the truth and shame the devil*.

¹ Bible. ² Heywood. ³ Congreve. ⁴ Tennyson, ⁵ William Wordsworth, 1770–1850. ⁶ Nathaniel Lee, c. 1653–1692. ⁷ J.R. Lowell, 1819–1891. ⁸ Shakespeare.

⁹ Prayer Book.

ENCOURAGEMENT AND CONSOLATION

In the crises and bad patches of his life, just as at all other times, the Englishman resorts to favourite sayings from the most varied of sources. When he comes to *years of discretion*¹ he realizes that *where there's a will there's a way*,² that *truth is stranger than fiction*,³ and that *the road to hell is paved with good intentions*.⁴ *Cleanliness is next to godliness*,⁵ *least said is soonest mended*,⁶ and it is his *duty towards his neighbour*¹ to remember at all times that *to err is human, to forgive divine*.⁷ He also thinks that *where ignorance is bliss 'tis folly to be wise*,⁸ and when he is helping people thinks that one should not *let one's left hand know what one's right hand doeth*.⁹ *If the times are out of joint*¹⁰ he is ready in the *twinkling of an eye*⁹ to cry *Once more unto the breach, dear friends*.¹⁰

When he is in *the valley of the shadow*⁹ he may feel that *all is vanity*⁹ and that *hope deferred maketh the heart sick*,⁹ and may even debate the question *To be or not to be*.¹⁰ But in *his faith, hope, and charity*⁹ he has *a very present help in time of trouble*.⁹ He reminds himself that *every cloud has a silver lining*,¹¹ and that *sufficient unto the day is the evil thereof*.⁹ *Hope springs eternal in the human breast*,⁷ and he has unshaken confidence in the return of *peace on earth, goodwill towards men*.⁹ He decides to *pack up his troubles in his old kit bag*,¹² and waits in the sure conviction *that joy cometh in the morning*⁹ and that he will be able to go *from strength to strength*⁹ *for ever and ever*.⁹

(From M. Redlich. *Everyday England*. NY, 1970)

¹ Prayer Book. ² George Crabbe, 1754–1832. ³ Byron. ⁴ Dr. Samuel Johnson, 1709–1784. ⁵ John Wesley, 1703–1791. ⁶ George Wither, 1588–1667. ⁷ Pope. ⁸ Gray. ⁹ Bible. ¹⁰ Shakespeare. ¹¹ Milton. ¹² Army song, 1914–1918.

2. YOU SAID A MOUTHFUL

Now that you have uncovered the hidden herds of animals, flocks of birds, swarms of insects, and universities of fish that metaphorically run, fly, creep, and swim through our English language, it's time to nibble on another spicy, meaty, juicy honey of a topic that I know you'll want to savor and relish. Feast your eyes now on the veritable potpourri of mushrooming food expressions that grace the table of our English language and season our tongue. As we chew the fat about the food-filled phrases that are packed like sardines and sandwiched into our everyday conversations,

I'll sweeten the pot with some tidbits of food for thought guaranteed to whet your appetite.

I know what's eating you. I've heard through the grapevine that you don't give a fig because you think I'm nutty as a fruitcake; that you're fed up with me for biting off more than I can chew; that you want me to drop this subject like a hot potato because I'm a spoiled rotten weenie; and that you're giving me the raspberry for asking you to swallow a cheesy, corny, mushy, saccarhine, seedy, soupy, sugarcoated, syrupy topic that just isn't your cup of tea.

I understand that you're beet red with anger that I'm feeding you a bunch of baloney, garbage, and tripe: that I've rubbed salt in your wounds by making you ruminate on a potboiler that's no more than a tempest in a teapot; that I've upset your apple cart by rehashing an old chestnut that's just pie in the sky and won't amount to a hill of beans; that you want to chew me out for putting words in your mouth; that you're boiling and simmering because you think I'm a candy-assed apple polisher who's out to egg you on.

But nuts to all that. That's the way the cookie crumbles. Eat your heart out and stop crying in your beer. I'm going to stop mincing words and start cooking with gas, take my idea off the back burner and bring home the bacon without hamming it up. No matter how you slice it, this fruitful, tasteful topic is the greatest thing since sliced bread, the icing on the cake. Rather than crying over spilt milk and leaping out of the frying pan and into the fire. I'm going to put all my eggs into one basket, take potluck, and spill the beans. I'm cool as a cucumber and confident that this crack-erjack, peachy-keen, vintage feast that I've cooked up will have you eating out of the palm of my hand.

I don't wish to become embroiled in a rhubarb, but your beefing and stewing sound like sour grapes from a tough nut to crack-kind of like the pot calling the kettle black. But if you've digested the spoonfed culinary metaphors up to this point in this meat-and-potatoes chapter, the rest will be gravy, duck soup, a piece of cake, and easy as pie — just like taking candy from a baby.

Just think of the various people we meet every day. Some have taste. Others we take with a grain of salt. Some drive us bananas and crackers. Still others are absolutely out to lunch:

- the young sprouts and broths of lads who feel their oats and are full of beans;
- the salty, crusty oldsters who are wrinkled as prunes and live to a ripe old age well beyond their salad days;

- the peppery smart cookies (no mere eggheads, they) who use their beans and noodles to cut the mustard;
- the half-baked meat heads, the flaky couch potatoes, and the pudding-headed vegetables who drive us nuts with their slow-as-molasses peabrain and who gum up the works and are always in a pickle, a jam, hot water, the soup, or a fine kettle of fish;
- the unsavory, crummy, hard-boiled, ham-fisted rotten apples with their cauliflower ears, who can cream us, beat the stuffing out of us, make us into mincemeat and hamburger, and knock us ass over teakettle and flatter than a pancake;
- the mealy-mouthed marshmallows. Milquetoasts, milksops, half-pints, and cream puffs who walk on egg-shells and whose knees turn to jelly as they gingerly waffle and fudge on every issue to see which side their bread is buttered on;
- the carrot-topped, pizza-faced string beans and bean poles who, with their lumpy Adam's apples, are long drinks of water;
- the top bananas, big cheeses, and big breadwinners who ride the gravy train by making a lot of lettuce and dough and who never work for peanuts or small potatoes;
- the honeys, tomatoes, dumplings, cheesecakes, and sweetie pies with their peaches-and-cream complexions, strawberry blond hair, almond eyes, and cherry lips;
- the saucy tarts who wiggle their melons and buns and fritter away their time buttering up their meal tickets and milking their sugar daddies dry;
- the salt-of-the-earth good eggs who take the cake, know their onions, make life a bowl of cherries, and become the apples of our eye and the toasts of the town. Hot dog! I hope you're pleased as punch that this souped-up topic is a plum, not a lemon: the berries, not the pits. The proof of the pudding is in the eating, and this cream of the crop of palate-pleasing food figures is bound to sell like hot-cakes. I'm no glutton for punishment for all the tea in China, but, if I'm wrong, I'll eat crow and humble pie. I don't wish to take the words right out of your mouth, but, in a nutshell, it all boils down to the fact that every day we truly eat our words.

3. A VISIT TO THE LANGUAGE ZOO

Many children's magazines feature picture puzzles in which the young readers are asked to identify a number of hidden animals. In a cloud may lurk a cow, in the leaves of a tree may be concealed a fish, and on the side

of a house may be soaring an eagle. The English language is like those children's pictures. Take a gander at what follows, and you will discover almost three hundred creatures from the animal world hidden in the sentences, a veritable menagerie of zoological metaphors. (Did you catch one of them in the last sentence?)

Human beings, proclaims one dictionary, are distinguished from the other animals "by a notable development of brain with a resultant capacity for speech and abstract reasoning." Perhaps so, but how truly different is our species from our fellow organisms with whom we share the planet?

I mean holy cow, holy cats, and holy mackerel — a little bird told me that the human race is filled with congressional hawks and doves who fight like cats and dogs 'til the cows come home, Wall Street bulls and bears who make a beeline for the goose that lays the golden egg, cold fish and hot-doggers, early birds and night owls, lone wolves and social butterflies, young lions and old crows, and lame ducks, sitting ducks, and dead ducks.

Some people are horny studs on the prowl for other party animals, strutting peacocks who preen and fish for compliments, clotheshorses who put on the dog with their turtlenecks and hush puppies, young bucks and pony-tailed foxy chicks in puppy love who want to get hitched, or cool cats and kittenish lovebirds who avoid stag parties to bill and coo and pet and paw each other in their love nests.

Other people have a whale of an appetite that compels them to eat like pigs (not birds), drink like fish, stuff themselves to the gills, hog the lion's share, and wolf their elephantine portions until they become plump as partridges. Still others are batty, squirrely, bug-eyed, cockeyed cuckoos who are mad as march hares and look like something the cat dragged in; crazy as coots, loons, or bedbugs; and who come at us like bats out of hell with their monkeyshines and drive us buggy with their horsing around.

As we continue to separate the sheep from the goats and to pigeon-hole the "human" race, we encounter catnapping, slothful sluggards; hare-brained jackasses who, like fish out of water, doggedly think at a snail's pace; dumb bunnies and dumb clucks who ran around like chickens with their heads cut off; birdbrained dodos who are easily gulled, buffaloed, and outfoxed; asinine silly geese who lay an egg whenever, like monkey-see-monkey-do, they parrot and ape every turkey they see; clumsy oxen who are bulls in china shops; and top dogs on their high horses, big fish in small ponds, and cocky bullies high up in the pecking order who rule the roost and never work for chicken feed.

Leapin' lizards, we can scarcely get through a day without meeting crestfallen, pussyfooting chickens who stick their heads in the sand; hen-

pecked underdogs who get goose pimples and butterflies and turn tail; scared rabbits who play possum and cry crocodile tears before they go belly up; spineless jellyfish who clam up with a frog in the throat whenever the cat gets their tongue; mousy worms who quail and flounder and then, quiet as mice, slink off and then return to the fold with their tails between their legs; and shrimpy pipsqueaks who fawn like toadies until you want to croak.

Let's face it. It's a dog-eat-dog world we live in. But doggone it, without beating a dead horse, I do not wish to duck or leapfrog over this subject. It's time to fish or cut bait, to take the bull by the horns, kill two birds with one stone, and, before everything goes to the dogs and we've got a tiger by the tail, to give you a bird's-eye view of the animals hiding in our language.

Dog my cats! It's a bear of a task to avoid meeting catty, shrewish, bitchy vixens with bees in their bonnets whose pet peeve and sacred cow is that all men are swine and chauvinist pigs and in their doghouse. Other brutes who get your goat and ruffle your feathers are antsy, backbiting, crabby, pigheaded old buzzards, coots, and goats who are no spring chickens, who are stubborn as mules, and who grouse, bug, badger, dog, and hound you like squawking, droning, waspish gadflies that stir up a hornets' nest and make a mountain out of a molehill.

And speaking of beastly characters that stick in your craw, watch out for the parasites, bloodsuckers, sponges, and leeches who worm their way into your consciousness and make you their scapegoats; the rat finks and stool pigeons who ferret out your deepest secrets and then squeal on you, let the cat out of the bag, and fly the coop without so much as a "Tough turkey. See you later, alligator"; the snakes-in-the-grass who come out of the woodwork, open a can of worms, and then, before you smell a rat, throw you a red herring; the serpentine quacks who make you their gullible guinea pig and cat's-paw; the lowdown curs and dirty dogs who sling the bull, give you a bum steer, and send you on a wild goose chase barking up the wrong tree on a wing and a prayer; the card sharks who hawk their fishy games, monkey with your nest egg, put the sting on you, and then fleece you; the vultures who hang like albatrosses around your neck, who live high on the hog, who feather their own nests and then — the straw that breaks the camel's back — crow about it looking like the cat that swallowed the canary; the black sheep who play cat and mouse and then cook your goose and make a monkey out of you with their shaggy dog stories before they hightail it out of there; and the lousy varmints, polecats, skunks, and eels who sell you a white elephant or a pig in a poke and, when the worm

turns and you discover the fly in the ointment, weasel their way out of the deal.

It's a real jungle out there, just one unbridled rat race; in fact, it's for the birds. But let's talk turkey and horse sense. Don't we go a tad ape and hog wild over the bright-eyed and bushy-tailed eager beavers who always go whole hog to hit the bull's-eye; the eagle-eyed tigers who are always loaded for bear; and the ducky, looseygoosey rare birds who are wise as owls and happy as larks and clams? Lucky dogs like these are the cat's pajamas and the cat's meow, worthy of being lionized. From the time they're knee-high to a grasshopper, they're in the catbird seat and the world is their oyster.

So before you buzz off, I hope you'll agree that this exhibit of animal metaphors has been no fluke, no hog-wash, no humbug. I really give a hoot about the animals hiding in our English language, so, for my swan song, I want you to know that, straight from the horse's mouth, this has been no dog-and-pony show and no cock-and-bull story.

It really is a zoo out there.

(By R. Lederer. *From: Verbatim: The Language Quarterly*,
1982—1983. Vol. IX, No 2, 3)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Фразеология как лингвистическая дисциплина	5
Глава II. Основные источники английских фразеологических единиц	17
Глава III. Функционально-стилистическая дифференциация фразеологических единиц английского языка	48
1. Нейтральные фразеологические единицы и их признаки	50
2. Книжные фразеологические единицы и их признаки	57
3. Разговорные фразеологические единицы и их признаки	67
4. Просторечные фразеологические единицы и их признаки	73
Глава IV. Прагматический потенциал английских фразеологических единиц	80
1. Семантическая структура фразеологических единиц	80
1.1. Коннотация как иллокутивный потенциал	80
Оценочный аспект в семантике фразеологических единиц	84
1.2. Роль образности в формировании коннотативной модальности фразеологических единиц	88
1.3. Внутренняя форма как мотивирующее основание коннотации	92
Типы образной мотивации	96
2. Реализация прагматического потенциала фразеологических единиц в контексте	101
2.1. Контекст как продукт языковой коммуникации	101
2.2. Прагматические характеристики вербальной коммуникации	104
2.3. Роль фразеологических единиц в реализации прагматической установки текста	105
Реализация прагматического аспекта фразеологических единиц, заложенного в узусе	107
Изменение прагматических смыслов фразеологизма под влиянием контекста	111

2.4. Выбор фразеологических единиц, диктуемый коммуникативно-прагматической ситуацией, и их прагматическая функция в разных позициях	117
Значение статусных и позиционных ролей коммуникантов в выборе фразеологической единицы	117
Фразеологические единицы как средство характеристики третьего лица	120
Самохарактеристика адресанта	125

Глава V. Проблемы перевода английской фразеологии 132

1. Перевод фразеологических единиц, имеющих эквиваленты и аналоги в русском языке	138
1.1. Полные эквиваленты	139
1.2. Частичные эквиваленты	143
1.3. Калькирование фразеологических единиц при наличии полного или частичного эквивалента	149
1.4. Контекстуальный перевод при наличии эквивалентов	151
1.5. Неполный фразеологический эквивалент	154
1.6. Выборочные эквиваленты	154
1.7. Лексические эквиваленты	156
2. Перевод безэквивалентной фразеологии	160
2.1. Калькирование	161
2.2. Описательный перевод	164
2.3. Контекстуальные замены при переводе безэквивалентной фразеологии	168
3. Перевод фразеологических единиц с учетом их характерных особенностей	170
3.1. Перевод образных и необразных фразеологизмов	170
3.2. Перевод фразеологических единиц пословичного и непословичного типа	171
3.3. Связь приема перевода с источником фразеологических единиц и с соответствием между языками	172
3.4. Перевод «авторских» фразеологических единиц	172
3.5. Перевод национально окрашенной фразеологии	173
3.6. Перевод «авторизированных» фразеологических единиц	173

Глава VI. Проблемы лексикографического описания идиом 177

Вопросы и задания	188
--------------------------------	------------

Приложение: Тексты для анализа и перевода	195
--	------------